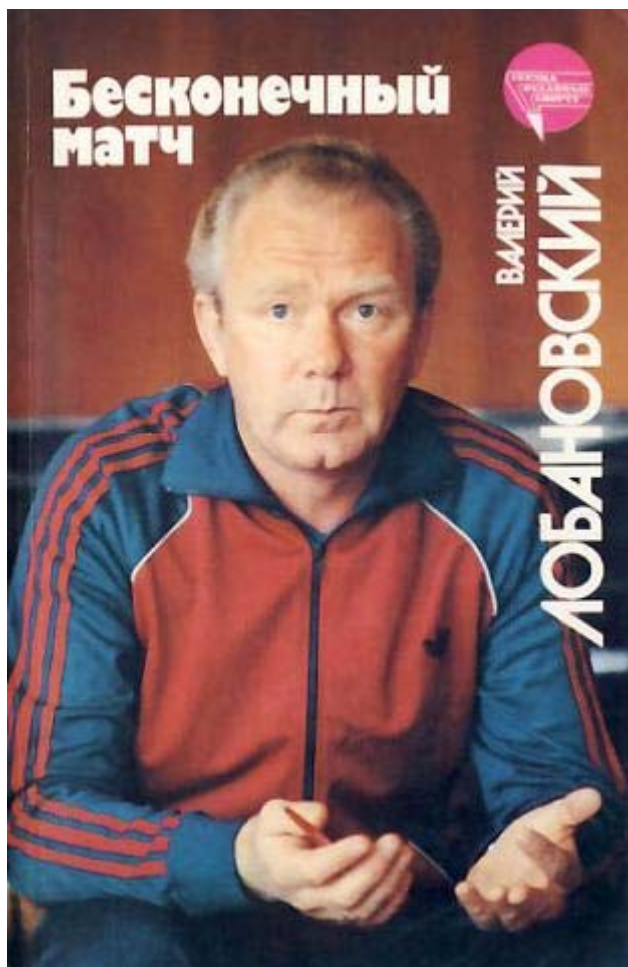

Бесконечный матч

ВАЛЕРИИ
ЛОБАНОВСКИЙ

Валерий Лобановский Бесконечный матч

«Бесконечный матч»: Физкультура и спорт; Москва; 1989

Аннотация

Автор книги – заслуженный тренер СССР В. В. Лобановский – делится с читателями своими многолетними раздумьями об игре и наблюдениями за футбольной жизнью как у нас в стране, так и за рубежом.

Валерий Васильевич Лобановский Бесконечный матч

Вступление

Признаться, действующему тренеру, каковым я продолжаю оставаться, очень трудно найти время для обстоятельного изложения своих взглядов на футбол, для рассказа о тех или иных событиях, в которых принимал непосредственное участие. До предела пришлось уплотнить рабочий график, но прежде – решить: с чем обратиться к читателю?

Можно было пойти по проторенному пути пересказа событий в их хронологической последовательности, сдабриваемого отношением к ним автора, дополняемого обширными статистическими выкладками, составами команд и прочими сведениями, может быть, и интересными, но не уверен, что необходимыми на этих страницах.

Полагаю, не время еще мне заниматься мемуарными и – тем более– биографическими изысканиями (да и нужны ли они вообще?). Однажды известного в прошлом итальянского футболиста Сандро Маццолу спросили в интервью: «Правда ли, что вы не любите говорить о своей личной жизни?» Он ответил: «Да, и надеюсь, вы не будете об этом спрашивать. Никому не пришло бы в голову интересоваться подробностями личной жизни инженера или землекопа, представителей многих других профессий. Они делают свое дело, и этого вполне достаточно. Я – делаю свое дело, и этого также вполне достаточно для того, чтобы понять, кто я такой».

Те читатели, которые рассчитывают узнать подробности моей биографии, могут захлопнуть книгу, прочтя эти строки. Книга – не беседа среди родственников за вечерним чаем, для меня это хорошая возможность высказать свою точку зрения на игру, именуемую футболом, поделиться своими соображениями о том, как она развивается, попытаться заглянуть в будущее.

Я постарался рассказать (не мне судить, как это получилось) о самых замечательных футбольных событиях последнего времени, в которых принимала участие команда, ставшая много лет назад мне родной, вспомнить о коллегах, оказавших заметное влияние на мое тренерское становление, и об игроках, без которых не может существовать ни один тренер.

Было бы много проще, если бы футбол всегда оставался только завораживающим противоборством двух команд на зеленом поле. Но он стал явлением глубоко социальным, и от факта этого не уйти, как бы некоторым ни хотелось это сделать. Явление, занимающее далеко не последнее место в жизни общества, требует постоянного осмысления процессов, с ним связанных, чтобы управлять этими процессами на более высоком организационном уровне.

Не намерен никому навязывать своих убеждений, это было бы в высшей степени неразумно, но страстно желаю, чтобы к ним прислушались, поэтому и борюсь за новое слово и результатом.

Глава 1. Второй поход за кубком кубков

Для того чтобы, как мы говорим, «попасть в Европу», нужно что-то выиграть дома: или место призовое занять, или в Кубке победить.

Сезон 1984 года киевское «Динамо» закончило, заняв десятое место, и я был близок к тому, чтобы на себе испытать последствия обычных в таких ситуациях оргвыводов. Во всяком случае, я знал, что за моей спиной шли переговоры с кандидатами на пост старшего тренера. Но руководители, ответственные за состояние футбольных дел, сумели разобраться в реальных и объективных условиях, сложившихся в то время в меняющей состав команде, и прислушались к мнению коллектива, выразившего пожелание продолжать работу с прежним тренером.

У нас по моей инициативе было очень важное и принципиальное собрание, на котором мы отошли от привычных при неудачах взаимных упреков и обсудили лишь один вопрос: хотим ли мы – и можем ли – работать на новом, более высоком качественном уровне? Признаюсь, я волновался перед этим собранием, как перед сверхважной игрой. Внешне, безусловно, это было незаметно – я давно, в молодые еще годы, приучил себя к тому, чтобы не показывать свое душевное состояние, но готов был к любому исходу разговора.

Страсти подогревались и тем обстоятельством, что вокруг команды образовалась плотная пелена слухов, сеявших сомнения относительно единства наших помыслов и целей и даже дискредитировавших тренеров и ряд игроков. Удивительное все же дело (никак не могу к этому привыкнуть, хотя должен был давно понять неизбежность этого): в дни неудач те, кто считает себя самыми яркими приверженцами команды, делают вид, что не замечают никого из нас. Это ладно бы. Но за кулисами они же развивают бурную антикомандную деятельность и – самое поразительное – радуются, когда команда проигрывает, предрекают ей с торжествующим видом провалы, а если их пророчество не сбывается, они опять рядом.

Впрочем, цену таким людям мы – и тренеры, и футболисты – уже знаем и стараемся относиться к ним по мере возможности снисходительно. Тем более что не только с нами, как выясняется, это происходит. О подобных явлениях говорил, например, в интервью в ноябре 1987 года К. И. Бесков, такие же ситуации знакомы и В. К. Иванову, Ю. А. Морозову, Н. П. Ахалкаци, П. Ф. Садырину...

На собрании том говорили мало, но по делу. Я объяснил ребятам, что меня вызывают к руководству и мне нужно знать их мнение о возможности нашей дальнейшей совместной работы. «Буду прям с вами, – сказал я тогда. – Если решите работать со мной и руководство согласится с вашим мнением, мои требования не изменятся ни малейшим образом, принципы останутся теми же. В перспективу команды я верю». Ребята сказали, что о расставании не может быть и речи. Нам предстояло создавать практически новую команду и вместе бороться за самые высокие результаты.

От «поставить задачу» до «выполнить» – дистанция солидная. Состав наш значительно видоизменился. Имена Олега Кузнецова, Василия Раца, Павла Яковенко, Ивана Яремчука знакомы были многим, но не как игроков «первых одиннадцати» киевского «Динамо». Теперь же они оказались на первых ролях, как и Игорь Беланов, приглашенный нами из одесского «Черноморца», – единственное приобретение клуба перед новым сезоном.

Из тактических соображений в различных интервью я сетовал на молодость и необстрелянность многих футболистов реконструированного состава, но уже понимал, что с этой командой можно делать серьезные дела. Порукой тому было желание футболистов тренироваться не щадя себя по предложенной программе и играть, руководствуясь принципами современного футбола. У них горели глаза, когда они выходили на поле или тренировочную площадку – в грязь, дождь, снег они месили ее, ворчали потихоньку про себя, но не жаловались на усталость. Ни на Кавказе, ни в ФРГ, где мы проводили подготовку к сезону.

В 1984 году мы выступили в чемпионате крайне неудачно, но катастрофы, на мой взгляд, не произошло. Безусловно, поклонники нашей команды были в состоянии шока, а нам приходилось в конце сезона бледнеть и краснеть, встречаясь с любителями футбола. Но это была неудача, а не катастрофа. Подобный спад можно найти в биографии любого самого именитого – более именитого, чем наш, – клуба. Другое дело, что нам никак не удается пока найти такого сочетания оптимального режима подготовки с моральным состоянием команды, чтобы играть на высоком уровне не двухгодичными сериями (1974–1975, 1980–1981, 1985–1986), а более стабильно.

Довольно сложно остаться мужественным при проигрыше и, наоборот, не слишком благодушеествовать после победы, видеть то, что получилось не совсем удачно.

Спады в игре лишь на первый взгляд внезапны, на самом же деле в них нет ничего необъяснимого. Причины неудач всегда конкретны, реальны, их можно определить. И это необходимо сделать, поскольку, разобравшись в конкретных обстоятельствах, дело можно поправить.

Если говорить об объективных причинах неудач киевского «Динамо» в 1984 году, прежде всего я бы отметил долгое отсутствие из-за травм большого числа ведущих игроков. Это, в свою очередь, делало болезненной естественную смену поколений.

С легкой руки некоторых журналистов ссылки на травмы признаются несостоятельными. Познавшие тренерскую долю согласиться с этим не могут. Наверное, и газете не очень приятно, когда из-за болезни ее ведущего обозревателя на полосе появляется комментарий стажера, ничего не дающий ни уму, ни сердцу, тогда как материал журналиста с именем прочитывается полностью и заставляет задуматься.

В футболе все нагляднее. Не вышли на поле два-три закоперщика, определяющих игровой тонус, задающих ритм игры всей команды, диктующих ход событий на поле, – и игра становится далекой от задуманного.

В отсутствие опытных футболистов игра «Динамо» была подвержена резким перепадам. За более чем уверенной победой над ереванским «Араратом» могла последовать

невзрачная игра на своем поле с тбилисскими одноклубниками. И такое на протяжении чемпионата случилось не раз.

Сразу же после окончания сезона на нас градом посыпались упреки. Обвиняли в «безволии», «нежелании вести борьбу», в «порочной тактике поперек и назад». Я до сих пор убежден, что это несправедливо. Так уж получилось, что в сезоне, особенно во втором круге, у нас на поле выходило едва ли не полкоманды молодежи. Огрехи в ее игре вполне закономерны, они – от неопытности, от боязни допустить ошибку, потерять мяч, испортить игру. Но нет худа без добра. Неприятная для нас ситуация в 1984 году стала прологом к тому, что удалось сделать год и два спустя...

Большинство игроков старшего поколения либо вообще надолго вышли из строя, либо растеряли привычные качества и потому не сумели повести молодежь за собой. Бессонов был болен в сезоне 1984 года 64 дня, Журавлев – 61, Заваров – 50, Буряк – 43, а набравший было силу молодой Яковенко – 94. Некоторые же игроки, которых травмы миновали, – Лозинский, Хлус и другие – просто снизили свой игровой уровень.

Базовая тактика нашей команды всегда была и остается одной – искать победу у ворот соперника. Но одно дело давать тактические установки на игру и совсем другое – выполнять их в процессе самой игры.

Мы, тренеры, на протяжении сезона вели скрупулезные стенограммы всех матчей, а затем внимательнейшим образом их анализировали. Главный вывод: коллективная надежность игры команды в целом была на должном уровне, а вот индивидуальная у большинства игроков оставляла желать много лучшего.

Вот и получалось, что, создавая в большинстве матчей достаточное количество голевых ситуаций, наши игроки не могли ими воспользоваться. Преодолеть же разрыв между коллективной надежностью команды в целом и недостаточной надежностью отдельных исполнителей нам, как правило, не удавалось.

Кто виноват в этом?

Об объективных причинах, породивших наши неприятности, я уже сказал, но, разумеется, не собираюсь снимать вину за случившееся с себя. После первого же спада в игре и последовавших вслед за ним неудач психологический надлом у ряда игроков наметился довольно явственно. Вот тогда-то нам и следовало забить тревогу, а мы так и не нашли педагогических средств для восстановления игрового потенциала команды. Не решились ввести свежие силы, слишком понадеялись на опыт и авторитет старой гвардии. Когда же спохватились, было поздно.

И еще об одном нашем промахе. В последние годы мы недостаточно активно занимаемся сложными и важными вопросами комплектования команды. Подобное упущение влияет на многое. В первую голову оно снижает конкуренцию за право играть в основном составе.

Бесспорно, у киевского «Динамо» вот уже много лет неплохой дублирующий состав, постоянно он – в группе лидеров в турнире дублеров. Это приятно, но я не считаю призовое место дубля основной задачей. Главное в другом – в индивидуальной подготовке настоящих резервистов, способных с наименьшими потерями для игры полноценно заменить в случае надобности вполне определенных игроков основного состава. Это-в идеале, и к этому мы стремимся.

Добились мы в общем-то немало. Недавние дублеры Яковенко, Кузнецов, Михайличенко, Рац, Евсеев – одни медленнее, другие быстрее – вошли во вкус Большой Игры. Возможно, мне недостает решительности при переводе способного игрока дубля в основной состав, но я остаюсь сторонником метода постепенности, разумной выдержки игроков в резерве. Такие, как Яремчук, исключение.

К финальному матчу за Кубок СССР 23 июня 1985 года с донецким «Шахтером» в Лужниках мы подошли в роли лидера чемпионата. Соперники находились на одиннадцатом месте. Цифры в данном случае ни на что не влияли. Мы прекрасно отдавали себе отчет в том, что начиная с 1/8 финала в кубковых матчах аутсайдеров не бывает, даже если в этот раунд

пробились представители второй лиги. Более того, «Шахтер» для нас – одна из самых «неудобных» команд в последнее время. Меня всегда забавляют досужие домыслы о том, что, дескать, с украинскими командами киевское «Динамо» набирает столько очков, сколько ему нужно, оставляя соперникам жалкие крохи. Свои изыскания авторы подобных утверждений иногда публикуют в виде статистических сведений, так, между прочим, под видом «неофициального чемпионата Украины». Странно, но после сезона 1987 года, когда «Шахтер», «Днепр», «Металлист» отобрали у нас восемь очков из двенадцати возможных, информация об этом факте на страницах печати не комментировалась.

Легко, между прочим, подсчитать, что, если эти восемь очков приплюсовать нам, место наше в турнирной таблице было бы следующим за «Спартак». Поиски несуществующего точно так же отравляют жизнь футбола, как и случающиеся еще неспортивные моменты реальные...

Мы понимали прекрасно, что с финального матча начинается наш второй поход за Кубком кубков. Первый был в 1975 году, и с той поры в команде остались лишь Олег Блохин – на поле и Владимир Вереев – в должности начальника команды.

Установка на матч была предельно простой: строжайшая игра в обороне; ликвидация в зародыше контратак горняков с помощью прессинга – решительного отбора мяча большими силами на половине поля соперника; собственные скоростные атаки преимущественно флангами. Для ведения игры подобным образом нужны большие силы. Они у нас были: уровень функционального состояния команды, согласно данным обследования, оставался высоким.

Нервозность первого тайма, практически всегда сопровождающая кубковые матчи, улетучилась во втором сразу же после того, как Демьяненко открыл счет. Нам удалось создать напряжение на всех участках обороны «Шахтера». От соперников это потребовало численного увеличения защитных порядков, что не было нам на руку – плотный заслон труднее преодолевать. Пришлось немного, совсем незаметно на первый взгляд, ослабить натиск и заставить горняков почаще переходить середину поля. Сработало. Теперь все зависело от того, насколько нам удастся воспользоваться образовавшимся разреженным пространством. Нашу группу атаки, когда она в порядке, хлебом не корми, а дай возможность на скорости преодолевать иногда даже две трети поля и реально угрожать воротам. Второй гол Блохина – в чистом виде реализация этой возможности.

Два момента повлияли на дальнейший ход матча, для определения победителя в котором едва не понадобилось дополнительное время: огромное количество затраченных в первый час игры сил и просто-таки ярость «Шахтера», обрушившегося на нас и прижавшего к воротам после второго пропущенного гола. Морозову удалось сквитать один мяч, нам пришлось туго в последние минуты, но счет 2:1 команда отстояла.

Это была первая крупная победа киевского «Динамо» начиная с 1982 года, когда мы – серебряные призеры чемпионата – выиграли Кубок.

В команде все было сделано для того, чтобы время поздравлений пролетело как можно быстрее. Обратил внимание: чем выше функциональное состояние игроков, тем безболезненнее для них переход от одних соревнований к другим, а новые матчи (и всегда более ответственные) не заставляют себя, как известно, ждать в исключительно напряженном календаре сезона.

Бытует мнение, будто Кубок кубков – турнир простенький.

Не знаю, откуда это повелось. Может быть, те, кто так считает, основываются на том непреложном факте, что это единственное европейское соревнование на клубном уровне, в котором наши команды четыре раза выступали в финале и трижды побеждали? Что это, мол, за турнир, если «даже наши» в нем выигрывают?

Я отнюдь не ставлю знака равенства между, скажем, Кубком чемпионов и Кубком кубков. В первом играют чемпионы – безусловные лидеры в своих странах, во втором – обладатели Кубков (а иногда – и финалисты), а выигрыш национального кубка считается делом вроде бы случайным. Конечно, Кубок чемпионов – сильный по составу турнир, однако

это не означает, что Кубок кубков – слабый.

После 1975 года, когда мы привезли приз из Базеля, в этом состязании побеждали бельгийский «Андерлехт», «Гамбург» из ФРГ, еще раз «Андерлехт», дважды испанская «Барселона», шотландский «Абердин», «Ювентус» из Италии и английский «Ливерпуль». Сплошные громкие имена! И среди них-неупомянутые мной тбилиское «Динамо» (1981 г.) и киевское «Динамо» (1986 г.), после которого, к слову, победил в 1987 году голландский «Аякс». Выходит, те команды – мощные, выиграли по справедливости и в соответствии с табелью о рангах, а вот успех советских клубов – так, дело случая, который возможен в «слабом по составу турнире».

Странная логика.

...В футболе разведка крайне необходима, об этом говорилось не раз. Чем больше детальной информации, тем лучше.

Тренеры перед матчами обычно не встречаются, не принято. Мой ровесник из «Утрехта» Нол де Руйтер и я нарушили это правило. Мы беседовали, когда я ездил в Утрехт, и в Киеве, куда он приезжал смотреть, как мы проводим матч чемпионата с «Шахтером». В подобных разговорах я не ставлю перед собой цель выведать что-либо о команде – это бесполезно. Мы обсуждали организацию и постановку дела в наших клубах, чтобы все полезное использовать потом у себя в команде в силу конечно же своих возможностей.

После игры с «Шахтером» Нол был доволен и не скрывал этого. Ему понравилось, что ничего особенного в той встрече мы из себя не представляли. Действительно, матч получился натужным, хорошо, что взяли два очка, могло быть и хуже.

Как вести себя команде на «смотринах»? С одной стороны, хочется ошарашить наблюдающих, чтобы больше боялись. С другой, есть смысл замаскировать истинные возможности. Без нашего на то желания у нас получился второй вариант.

Двухраундовые европейские кубковые матчи имеют ряд особенностей, известных широкой публике и – тем более – их участникам. Выгоднее (тридцатилетняя практика турниров подтверждает это) начинать игру на поле соперника, а если и проиграть там, то с минимальным счетом, желательно забить хотя бы один мяч: цена его в этом случае – двойная.

Начиная играть на своем поле, важно забить как можно больше и не пропустить. Логика простая, но практически при всех вариантах общее решение задачи переносится на ответный матч. Я не принимаю во внимание игры с заведомо слабыми соперниками – их в Европе очень мало и после первого тура обычно не остается совсем, хотя бывают и сенсационные результаты.

Случалось, проигравшие в первом матче со счетом 0:4 или 1:4 находили возможность дома исправить положение. Поражение «Спартака» в Бремене от «Вердера» в начале ноября 1987 года – 2:6 – один из последних тому примеров (в Москве было 4:1). Мне негоже комментировать этот матч с позиции «Спартака» – неэтично да и не знаю всех тонкостей и деталей подготовки к этой встрече, состояния команды на этот момент. Что же касается «Вердера», то западногерманская команда показала футбол очень высокого уровня, современный во многих отношениях, с использованием всех своих сильных сторон, с постоянным движением, со сменой направлений атак, с мобильной, жесткой и грамотной обороной.

То, что зрительно принималось за навесы в штрафную площадку «Спартака», на самом деле было разумной осмысленной игрой на флангах с последующими нацеленными передачами. Многим показалось, что рассчитаны они были только на высокорослого и прыгучего Нойбарта. Это не совсем так. Подобной нацеленной передачей готов был воспользоваться любой из игроков «Вердера», влетавших в штрафную площадку.

Подобное, кстати, нечасто увидишь в матчах нашего внутреннего чемпионата. Это в комплексе очень мощное оружие: резкие фланговые атаки, нацеленные передачи и игра головой. Стоит исчезнуть какому-то компоненту, и эффективность резко снижается.

Между прочим, следующему сопернику «Вердера» – тбилискому «Динамо»,

владевшего полнейшей информацией о том, что может «Вердер» и в чем его слабости, удалось продуманной игрой, прежде всего в обороне, свести эффективность атак западногерманского клуба к минимуму.

На команды, ведущие игру от обороны – в соответствии с реальными условиями проведения матча, – навешивают порой столько ярлыков, обвиняя их в «пораженческом настроении», «оборонительных тенденциях», «беззубой атаке» и т. д., что диву даешься. Ну как, скажите, нужно было играть тбилисцам в Бремене после того, что «Вердер» сделал со «Спартаком»? Да только так, как они и играли. Не иначе. Гарантировать положительный, лучше сказать – приемлемый, результат невозможно. Но можно позаботиться о том, чтобы гарантий было больше. Тбилисские динамовцы об этом позаботились. Даже при счете 0:2 они продолжали упрямо гнуть свою линию, позволяли настырным хозяевам играть флангами, а вот в центральной зоне, откуда в основном и исходят угрозы «Вердера», сосредоточили мощный оборонительный заслон из большой группы футболистов, действовавших, как и подобает в таких условиях, исключительно самоотверженно и надежно.

Тбилисцы за первую встречу-заметьте, проигранную! – заработали заслуженную порцию похвал. А теперь представьте, что при этом же способе ведения игры они пропустили бы не два мяча, а четыре или пять при одном своем, забитом Шенгелией. Могло быть такое? Вполне. Мог ошибиться защитник, мог не выручить раз-другой Габелия, мог соперник забить сумасшедший, неберущийся мяч... Все могло быть. И вот тогда ярлыки на тбилисское «Динамо» были бы навешаны. Справедливо? Ни в коей мере! Необходимо видеть кое-что еще кроме счета на табло. Хотя бы – содержание игры.

По мысли радетелей так называемого атакующего футбола тбилисцы должны были в Бремене строить свою игру так, как они делают это в Тбилиси. Что ж, в этом случае гарантий на 1: 4 или 1:5 было бы значительно больше, если принимать во внимание и сравнивать состояние тбилисского «Динамо» и «Вердера» на тот момент.

Больше, чем киевское «Динамо», упреков в прагматизме никто никогда не слышал. Да, мы прагматики: хотим выиграть все турниры, в которых участвуем (за исключением, быть может, тренировочного состязания под названием Кубок федерации, да и то потому, что в нем не участвуют наши представители в сборных и мы осознаем нереальность постановки высоких целей), и в соответствии с этим ведем тренировочную работу, выбираем тактику и намечаем стратегию. Но сколько же зависит от общего состояния команды!

У нас никогда не было ни одной установки на игру, на которой мы бы говорили: ребята, давайте встанем сегодня сзади и все сделаем, чтобы взять очко. Но надобно исходить из своих вполне реальных и конкретных возможностей. В 1985–1986 годах у нас сложился такой ансамбль, который мог практически одинаково играть в обороне и атаке. Группа игроков средней линии, в которую входили Рац, Яковенко, Яремчук, Заваров, Бессонов, была в состоянии максимально использовать все поле.

В Утрехте на стадионе «Ниув Галтенваард» голландцы все сделали для того, чтобы не дать нам сыграть так, как мы можем. Даже на основании просмотра невыразительного матча с «Шахтером» Нол де Руйтер понял, что все наши атакующие варианты разрабатываются в глубине поля и координатором наступлений является Заваров. «Утрехт» приготовил нам прессинг на три четверти поля с быстрым отходом назад почти всех игроков и скоростными атаками: состояние голландцев на тот момент позволяло им заниматься таким требующим больших затрат делом.

Не стал бы утверждать, что в атаке они блистали разнообразием. К тому, что игру ведет в основном Крюйс, а последний пас вперед делается на «баскетболиста» (рост 195 см) Ван Лупа, мы были готовы. Хавбекам вменялась в обязанность атаковать Крюйса сразу на нашей половине поля, а Кузнецову пришлось много потрудиться, чтобы если не перепрыгнуть «центрального» «Утрехта», то хотя бы не дать ему наносить точные удары после передач верхом. Крюйс и Ван Лун забили по мячу. В обоих случаях они перехитрили нашу оборону. Особенно гигант. После подачи углового он принимал мяч, стоя спиной к воротам.

Михайлов и Кузнецов были убеждены, что Ван Луп будет сбрасывать мяч кому-либо на удар, а он, словно кивнув кому-то на трибуне, головой переправил мяч в сетку.

С годами интуиция все реже и реже подводит меня. Последний раз я был ею обманут на матче с Бельгией в Мексике. До сих пор, просматривая видеозапись того матча, не могу поверить в то, что произошло, – настолько игра шла нам в руки. Смотрю пленку и думаю: второй тайм заканчивается, 2:1, мы владеем ситуацией, вот только что должны были забить третий мяч, когда же нам-то будут забивать, бельгийцы даже не помышляют о серьезных атаках – может быть, я не тот матч смотрю?...

Своими ощущениями я никогда ни с кем не делюсь. Пока хранишь их в себе – они сильны, стоит обсудить с кем-нибудь – расхолодишь и себя и собеседника.

В день матча необходима строжайшая концентрация профессиональной энергии. Есть нити, убежден, посредством которых она передается игрокам. Сколько раз ловил себя на том, что импульс адресатом получен: «передатчик» и «приемник» находились на одной волне.

Не позволяю себе ни на мгновение отвлекаться во время игры. 30 сентября 1987 года в ответном матче Кубка чемпионов с «Рейнджерс» в Глазго Беланов после столкновения с Макгрегором в середине первого тайма не смог больше играть. Я продолжал смотреть. Атака на наши ворота, высокая передача, Чанов уверенно вышел и забрал мяч. Пока он готовился ввести его в игру, я повернулся вполоборота к скамейке и попросил, чтобы как можно быстрее подготовили к игре Евтушенко – вместо Беланова. Вдруг с трибуны обрушился шквал аплодисментов и криков. Что такое? Взгляд на поле – мяч в наших воротах. На скамейке никто мне не смог толком объяснить, каким образом мяч, находившийся секунду назад у вратаря, оказался в сетке. Только в перерыве выяснили, что Чанов, не дождавшись, пока свои и чужие покинут штрафную площадку, взмахнул рукой и... Мяч сорвался с его ладони, ударился в землю, попал шагавшему вперед Балтаче чуть ниже спины, а уж Маккойст и Фалько ситуацией воспользовались. Курьезных голов бывает не так уж много. Этот я бы поставил на второе место после мяча, заброшенного в свои ворота Шмуцем, армейским вратарем, в матче ЦСКА – «Арарат» в Москве.

В Утрехте даже при счете 0: 2 я сохранял полную уверенность в том, что голландцев в Киеве мы обыграем с таким счетом, с каким нужно. Когда же Демьяненко за семь минут до конца встречи забил гол, который затем назвали «голом надежды», уверенность моя окрепла. Было хорошо видно, что на перегруппировку сил в обороне при нашей смене направлений атак футболисты «Утрехта» затрачивают слишком много времени. Это непозволительная для сегодняшнего футбола роскошь, подобной слабостью грешно не воспользоваться. Тем более что, как мы сообща определили, разбирая матч, отсутствовала логическая связь между содержанием игры и ее исходом.

А на восьмой минуте ответного матча в Киеве общий счет стал 3:1 в пользу «Утрехта»... Гол Крюйса заставил на какое-то время смолкнуть стотысячные трибуны, но не вызвал ни малейших проявлений нервозности у нашей команды. Пожалуй, на скамейке мы переживали больше, чем они на поле. Когда я смотрел видеофильм о Пеле, то обратил внимание, как невозмутимо бразильцы доставили мяч к центру поля после того, как шведы открыли счет в финальном матче чемпионата мира 1958 года. Сравнение уровней матчей, конечно, неправомерно, но реакция на пропущенный гол была аналогичной. Мне показалось даже, что наши игроки, находившиеся в «эпицентре» гола, весело переговаривались и улыбались, доставая мяч из сетки. Уж как ни зол я был на них тогда, а отметил про себя: это – проявление уверенности и класса.

Полное удовлетворение от матча остается только тогда, когда достигнут результат и осуществлено задуманное. Матч с «Утрехтом» в Киеве запомнился именно по этой причине. Четыре мяча в ворота Ван Эде не были пределом для наших ребят, они искусственно притормозили после четвертого, и их можно было понять: дело сделано. Максимальное внимание обороне, спокойная игра в середине и впереди.

Меня обрадовало, что, когда в концовке матча голландцы предприняли серьезную

попытку изменить результат, наши мгновенно поставили их на место, вернули предложенный с самого начала темп и объяснили тем самым: готовы, мол, забивать еще, если желаете. После этого «Утрехт» стал доигрывать.

Неубедительным было бы постфактум утверждать, будто уже тогда мы поняли, что на многое способны в этом розыгрыше. Нет, предстоял еще один раунд в 1985 году, продолжалась довольно упорная борьба за чемпионский титул, ждал команду отпуск – период, усугубляющий неизвестность, и начало следующего сезона – сезона чемпионата мира и многодневных сборов. И тем не менее берусь утверждать: 2 октября в Киеве мы получили огромный заряд уверенности в том, что преодолели основательную часть пути в строительстве новой команды, «команды для Европы».

Вслух об этом никто не говорил. Более того, когда друзья пытались в частных беседах петь команде дифирамбы, я моментально обрывал их: выигран рядовой матч, обыгран один из пяти соперников, которых необходимо обыграть, чтобы вновь привезти Кубок кубков. Что такое один из пяти? Всего лишь одна пятая.

Нельзя не согласиться, что «Утрехт», равно как и наш следующий соперник – румынская «Университатя», не входит в элиту европейского футбола. А кто входит?

В европейском футболе сейчас нет постоянных величин. То, что в свое время в числе верховодивших был, к примеру, итальянский «Интер» во главе с выдающимся тренером Эленио Эррерой, ничего не говорит об «Интерере» нынешнем. В свое время тбилисские динамовцы проиграли в рамках Кубка швейцарскому «Грассхопперсу», который, как утверждали тогда, в элиту не входил. Но не входил в соответствии с чьими-то данными, сам «Грассхопперс» об этом и не ведал. Все помнили хорошо, что у «Грассхопперса» «Арарат» спокойно выиграл и дома, и в гостях, но почему-то забыли, что представшая перед тбилисцами швейцарская команда совершенно иная: с *другими* игроками, способными реализовать *другие* идеи *другого* тренера, толкового специалиста, работавшего у Хельмута Шена.

Замечено: после жеребьевок тренеры обычно утверждают, что в соперники им достался клуб – страшнее некуда, а обозреватели, напротив, выискивают заведомых «клиентов». Это, конечно, крайности. Тренеру кого ни назови, вслух он всегда скажет, что сильнее противника еще не было. Реакция чисто профессиональная. В душе же он реально оценивает силу любой команды, особенно после того, как увидит ее в деле. Соперник действительно может оказаться на тот момент очень сильным, а может – и средним и даже – слабым. Истинные его возможности анализируются во время подготовки к матчу.

Когда же силу или слабость соперника определяют в зависимости от его имени или турнирного положения, это здорово смахивает на дезинформацию.

После жеребьевки отборочного турнира чемпионата Европы все вдруг обнаружили в нашей группе «слабаков» – сборные Исландии и Норвегии. Я согласен, обыгрывать эти команды мы просто обязаны. Но и забывать не следует: сил для побед над ними с каждым годом приходится затрачивать все больше и больше. И не только нам. Исландцы отобрали по очку у нас и французов, французы, чемпионы континента, пусть и игравшие в несколько ином, чем мы привыкли видеть в последние годы, составе, в двух матчах с норвежцами сумели добиться лишь одной ничьей. Чехословацкой сборной проигрыш финнам вообще стоил места в финале чемпионата Европы.

В свое время на уровне сегодняшних финнов, норвежцев, исландцев котировались сборные и клубы Голландии, Дании. Потом вдруг выяснилось, что они научились играть в футбол, да так, что весь мир ахнул, глядя на голландцев в ФРГ в 1974 году и Аргентине в 1978-м, а на датчан – на европейском первенстве во Франции в 1984 году.

Пожалуй, только перед встречами с командами Албании, Мальты, Кипра, Люксембурга не может быть никаких сомнений. Со всеми остальными – признанными авторитетами и только утверждающими себя – необходимо держать ухо востро.

Если взглянуть на списки победителей европейских кубков, и прежде всего – Кубка чемпионов, можно обнаружить, что были «эры» мадридского «Реала», лиссабонской

«Бенфики», миланского «Интера», «Аякса» из Амстердама, мюнхенской «Баварии», английских клубов «Ливерпуль» и «Ноттингем Форест»... Перечислил команды, которым удавалось несколько раз подряд выигрывать самый престижный европейский турнир.

Подобное по силам лишь суперклубам, тщательно и основательно создаваемым. «Выстреливая» в течение двух-трех лет, они затем на некоторое время уходили в тень, реконструируя состав, меняя тренера, изыскивая новые, более солидные, финансовые возможности.

«Реал», к примеру, пять раз подряд выигрывал Кубок чемпионов в конце пятидесятых годов, никому не позволяя подняться наверх в новом для Европы соревновании. В 1960 году в финальном матче, проводившемся в Глазго, мадридская команда в блестящем стиле разгромила «Эйнтрахт» из Франкфурта-на-Майне – 7:3. Пушкаш забил четыре мяча, Ди Стефано – три.

Кто бы мог предположить тогда, что после 18 мая 1960 года «Реалу» потребуется шесть (!) лет для того, чтобы еще раз выиграть Кубок чемпионов. А было именно так. Затем «Реал» оказался среди посредственных клубов, постепенно возрождается лишь в последние годы.

Все закономерно. Слава футбольной команды коротка и вечна. Спады суперклубов чередуются с ослепительными подъемами. Помню, как лет десять-пятнадцать назад на страницах европейской прессы дебатировался вопрос: отражают ли успехи суперклубов состояние футбольных дел внутри той или иной страны или же гиганты существуют сами по себе и по ним нельзя судить об общей картине? Наверное, все-таки отражают. Но, вне всякого сомнения, существуют и иные многочисленные обстоятельства, способствующие фантастическим на первый взгляд взлетам.

Первое и самое, пожалуй, важное – наличие мастеров экстракласса, игроков мирового уровня. Спады суперклубов связаны прежде всего с возрастом игроков. Никому еще не удавалось постепенно, исподволь менять великих футболистов так, чтобы процесс этот проходил безболезненно и незаметно. Стоило Ди Стефано, Пушкашу, Сантамария, Копа, да и Хенто перешагнуть определенный возрастной барьер и снизить из-за этого уровень, как мгновенно потускнела игра «Реала», новички которого были лишь бледной копией своих великих предшественников.

Все знают о необходимости в нужный момент омолодить состав, но это, как выясняется, один из тяжелейших моментов для подавляющего большинства клубов.

В сегодняшнем футболе высокого европейского уровня вопрос этот решается гораздо проще.

Когда перед «Миланом» – командой, согласитесь, известной, но последний раз выигрывавшей Кубок кубков в 1973 году – новое руководство клуба поставило задачу вернуться во что бы то ни стало в число сильнейших на континенте, тренеры не стали искать игроков, способных усилить игру, в своих детских и юношеских школах. Взгляд руководителей «Милана» упал на голландца Ван Бастена – обладателя «Золотой бутсы» 1986 года. В «Аякс» был послан гонец итальянского клуба. История почти анекдотическая. Посланец пришел в здание амстердамского клуба, представился находившемуся там в то время менеджеру Круиффу и президенту и сказал, что он приехал покупать Ван Бастена. Гостеприимные хозяева угостили гостя кофе и сигарами и ответили, что Ван Бастен весьма нужен «Аяксу» и не продается. «Вы, – гнул свое представитель «Милана», – не совсем, видимо, верно меня поняли, извините за мой плохой английский, но нам очень нужен Ван Бастен, а размер суммы в «купчей» вы можете проставить сами». Ради шутки Круифф назвал фантастическую цифру, будучи убежден в ее неприемлемости для «Милана». «Скажу честно, – признался посланец, – мы думали о меньшей сумме, но согласны и на названную вами». Руководители «Аякса» опешили, а потом подписали документ.

Чтобы Ван Бастен не скучал, «Милан» закупил еще одну звезду – Гуллита из голландского «Эйндховена». Не берусь судить, как скоро Ван Бастен и Гуллит начнут возвращать «Милану» миллионы, но в том, что это произойдет, почти не сомневаюсь.

Недавний наш соперник по розыгрышу Кубка чемпионов шотландский «Глазго

Рейнджерс» последний раз (до 1986 года) был чемпионом Шотландии в 1978 году. Новый владелец команды, миллионер, ведущий дела в США и Канаде, поставил перед ней цель: выиграть чемпионат и замахнуться на Кубок чемпионов. Нужны новые игроки? Пожалуйста! Если раньше английские клубы постоянно выдергивали талантливых футболистов из шотландских, то теперь «Рейнджерс» купил двух игроков сборной Англии – защитника Батчера и второго вратаря сборной Вудса, двух высококлассных форвардов – Фалько из «Уотфорда» и знаменитого нападающего английской сборной Фрэнсиса. Всего же в «Глазго» заиграли сразу пять англичан, команда буквально преобразилась, ведет на поле борьбу за каждый мяч, стремится не давать сопернику малейшей передышки, дома стала регулярно бить вечного соперника – «Селтик», весомо заявила о себе и в Европе. Убежден, стоит «рейнджерсам» добиться успеха в Кубке чемпионов, как команда окажется не в состоянии удержать свой высокий игровой уровень: возраст многих игроков приближается к критическому. Но убежден также, что комплектоваться в дальнейшем «Глазго» будет уже проверенным способом.

Немаловажная причина возникновения кризиса в суперклубе – отсутствие побудительных причин, дальнейшей мотивации для игроков, побывавших на многих футбольных вершинах. «Бавария» царствовала в клубном футболе Европы в середине 70-х годов, выигрывала чемпионаты ФРГ, трижды подряд брала Кубок чемпионов. Многие ее игроки в 1974 году стали чемпионами мира. Чем стимулировать их еще? Деньги за эти победы заработаны немалые, спортивные вершины покорены. Как заставить эту команду играть на том уровне, на который она сама поднялась? Между прочим, 1976 год был последним, когда мюнхенский клуб завоевывал европейский приз. А ведь сколько сил уходит на то, чтобы пробиться на континентальный турнир в чемпионатах Англии, ФРГ, Италии. Постоянного участия в нем никто гарантировать не может, а только постоянное представительство дает возможность молодым игрокам приобретать столь желанный международный опыт, ценность которого общеизвестна и клубам, и сборным.

Я далек от призывов сосредоточивать всех сильнейших игроков в одном клубе – имею в виду наш футбол. Но добиваться, чтобы лучшие играли в высшей лиге, а не в первой или тем паче во второй, следует. Это – в интересах нашего футбола.

Сколько талантливых футболистов мы лишились только потому, что они продолжали играть классом ниже и не помышляли по ряду причин о переходе в команды, представляющие, скажем, советский футбол в европейских турнирах. Причин этих несколько. Одна из них – нежелание подняться на новый, более трудный и ответственный уровень тренировочной работы. Другая – из области парадоксов: материальные условия в ряде команд первой и второй лиг такие, что и не снились некоторым клубам высшей лиги. Зачем переходить: работать надо больше, а получать придется меньше! Бред какой-то.

Сплошь и рядом нелепая ситуация: на европейском клубном уровне нам зачастую противостоят сборные, укомплектованные футболистами высокого уровня из разных стран, надо с ними играть не только на равных, но и побеждать, а мы не в состоянии заполучить способного парня из областного или районного центра. Ладно бы сама команда что-то из себя представляла, так ведь нет: довольствуется малым в результатах, но норовит за это побольше получить.

Какими сведениями об «Университете» мы располагали?

Из статистических, которые я называю вспомогательными, явствовало, что трижды команда выигрывала чемпионат Румынии, несколько футболистов входят в сборную, осенью 1977 года клуб переиграл в Кубке кубков московских динамовцев. Капитан «Университати» и сборной Румынии Штефэнеску заметил после жеребьевки: «Победив киевское «Динамо», мы можем твердо рассчитывать на повторение нашего лучшего результата в европейских турнирах – выход в полуфинал, а может быть, замахнемся и на большее».

Из достоверных сведений мы располагали видеозаписью ответного матча румын с «Монако», в котором обладатель кубка Франции был убедительно переигран с нужным для «Университати» счетом 3:0. Поскольку первую встречу нам предстояло проводить в гостях,

на этот матч мы и ориентировались в своей подготовке.

К тому времени, за несколько туров до финиша чемпионата страны, нам удалась игра в Москве со «Спартакoм», игра принципиальная всегда, а в данном случае, как говорят, «за четыре очка» – спартаковцы, как и мы, входили в лидирующую группу. Хорошему настроению способствовал не только результат, позволивший оторваться в таблице от конкурентов (от «Спартакa» на пять очков, от «Днепра» – на шесть), но и то, что мы сохранили уровень игры, показанный дома с «Утрехтом», а тот матч с голландцами я до сих пор считаю лучшим нашим матчем в сезоне.

Сил к 23 октября отдали много, но в Крайове было не до их экономии. Румыны наблюдали нашу игру со «Спартакoм» и все, казалось, предусмотрели для нейтрализации Заварова. Как только Заваров овладевал мячом, перед ним сразу же вырастали как минимум два футболиста «Университати». Эта разумная, надо отметить, мера была неожиданной для Заварова, в первый момент не сумевшего поменять манеру. Не прошло и четверти часа, как Заваров, получив мяч возле своей штрафной площадки, привычно двинулся вперед и уткнулся в двух соперников. К потере мяча не был готов ни наш хавбек, ни его партнеры, и Быку открыл счет.

Для Заварова, равно как и для всей команды, гол этот стал досадным, но раззадорившим уколом. Не прошло и десяти минут, в течение которых была устроена самая настоящая карусель на половине поля соперника, как Заваров забил два ответных мяча – один лучше другого – после атакующих операций, в которых со сменой направлений участвовали по пять-шесть человек. В этот отрезок времени мог забить и Евтушенко, а сразу же при счете 2:1 и Блохин.

В завязавшейся затем на встречных курсах игре атаки обоих соперников пресекались загодя, и у меня нет оснований упрекать ребят за то, что примерно с середины второго тайма они начали потихоньку замедлять темп. Это в наших правилах – рациональное использование и контролирование сложившейся ситуации. Закономерность счета поставил под сомнение болгарский арбитр Жежев, назначивший пенальти за восемь минут до конца встречи, в момент, когда наказанию должен был подвергнуться соперник. Со штрафного последовала рядовая передача в район вратарской площадки, Балтача выпрыгнул выше всех и отбил мяч. Когда он приземлялся, в него врезался не успевший на передачу румынский игрок. Бывают сложности при определении пенальти, но проще этого эпизода и представить себе что-либо трудно.

Тем не менее счет сравнялся, хозяева поля воспрянули духом, но не тут-то было. Концовку матча паши провели, словно демонстрируя, как они будут играть через две недели в Киеве: четыре подряд острейшие атаки, на заключительной стадии которых блестяще играл вратарь Лунг.

И продолжение последовало. На переполненном стадионе в праздничный день 8 ноября уже к тринадцатой минуте счет после ударов Раца, Беланова и Демьяненко был 3:0. За весь матч Михайлов дважды вступал в борьбу и оказался единственным, не побывавшим в штрафной площадке «Университати».

После яростных наших атак, требовавших восстановления сил, мы переходили на так называемую «выездную модель», отдавали инициативу «Университете», встречали ее футболистов на своей половине поля, пользовались скоростными контратаками, «отдыхали», а затем вновь принимались за массовую коллективную игру, в которой невозможно было определить, кто защитник, кто полузащитник, а кто нападающий. Свой гол левый защитник Демьяненко забил с позиции центрфорварда, а Блохина и Беланова не раз видели выполняющими подкат на подступах к своей штрафной площадке. Не говорю уже об игроках середины поля, диапазон действий которых – вся площадка.

Мирча Рэдулеску, тренер «Университати», поздравив нас в раздевалке, сказал примерно то же, что месяц назад Нол де Руйтер: «Свою команду, поверьте, я слабой не считаю. Но до того футбола, который мы увидели в исполнении «Динамо», особенно в Киеве, нам расти и расти. Неплохо зная европейский клубный футбол, могу

засвидетельствовать, что киевским игрокам вполне по силам выиграть Кубок, чего я и желаю им от души». Понятно, что эти добрые слова сказаны искренне, но в них есть и доля преувеличения, вызванного скорее всего желанием в некоторой степени реабилитировать себя: «Да, проиграли, но посмотрите кому!».

После «Университати» все внимание мы сосредоточили на концовке чемпионата и выиграла его. В наш адрес прозвучали тогда обвинения в том, что мы якобы без борьбы проиграли в Тбилиси и Кутаиси. «Без борьбы», – говорили те, кто этих игр не видел. Другое дело, что перед такими встречами практически невозможно настроить выложившуюся в сезоне команду, для которой два последних выхода на поле ничего не решают. Какие бы слова тренер ни говорил в подобных случаях игрокам, они в одно ухо влетают, из другого вылетают. Да, понимали все, нужно подтвердить чемпионскую репутацию, да, люди придут смотреть на победителя первенства, но как заставить выложиться, если результат ни на что не влияет, если игроки только и мечтают: скорей бы закончился этот матч в конце сезона, скорей бы судья дал сигнал – мыслями команда уже в отпуске.

Насчет «обязанности» выиграть. Мне это напомнило, как в 1974, если не ошибаюсь, году нам предъявляли претензии: почему вы не выиграла у кишиневской «Нистру», как вы могли проиграть такой команде? Позор! Но мы не ставили перед собой локальную цель – выиграть именно у «Нистру». Задача наша в том сезоне была несколько иной – победить в чемпионате и Кубке СССР. При чем здесь «Нистру»? Кишиневцы были одним из многочисленных наших соперников, им удалось исключительно хорошо подготовиться к матчу с киевским «Динамо» – сверхраздражитель! – и выиграть 1: 0. Потом, правда, когда все закончилось, выяснилось, что мы со своей общей задачей справились, а «Нистру», решив локальную, отправилась в первую лигу, имея в активе победу «аж над самим чемпионом».

1:2 в Тбилиси и Кутаиси – из этого же разряда матчей: полное отсутствие спортивной мотивации. Невозможно было отрешиться от того, что задачи в сезоне выполнены полностью: одержана победа в чемпионате, в Кубке, завоеван выход в четвертьфинал Кубка кубков при убедительной игре в обоих раундах, оказана помощь сборной в отборочных матчах чемпионата мира. Была бы моя воля (и весьма жаль, что проявить ее практически невозможно), я бы вообще отправил в Тбилиси и Кутаиси на заключительные матчи резервный состав из тех футболистов, которые не испытали в завершившемся сезоне перегрузок. Правда, тогда в случае поражений обвинения в наш адрес были бы, вероятно, суровее, тогда бы «предумышленность» поражений доказывалась фактически: специально, чтобы проиграть, прислали дублеров.

Меня порадовало, что серьезные обозреватели отметили поиск в киевском «Динамо» новых системных связей в командных действиях, подчеркивали умение игроков не только в полной мере раскрывать свои возможности в условиях жесткой опеки, но и (по всей вероятности, это не менее важно в современном футболе) ограничивать возможности соперников. Все это тщательно разрабатывалось на тренировках, разнообразных и целенаправленных.

С десятого места в 1984-м мы шагнули на первое в следующем году, да еще с Кубком в руках. Совсем неплохо. Мы радовались, но, вспоминая, радость была какой-то будничной, деловой. Это приятно, потому что победная эйфория никому еще пользы не приносила, 1987 год это подтвердил.

Нас вполне устраивало отсутствие налета сенсационности в анализе наших результатов: ничего особенного, дескать, не произошло, вот если бы какая-нибудь другая команда скакнула с десятого места на первое и победила в Кубке, тогда – невероятно, а к победам киевского «Динамо» все уже привыкли.

Привычка – штука серьезная... Когда мы в 1987 году играли в финале Кубка страны с минчанами в Москве (какой получился финал!), стало известно, что в Минске разработали целую программу встречи команды в том случае, если она, разумеется, выиграет. Выиграли мы, но нам задержка на вокзале в Киеве не грозила: команду встречали водитель автобуса и два-три представителя клуба.

Мы порадовались за московских одноклубников, блестяще выигравших в Цюрихе у «Грасхоппера» первый матч 1/32 финала розыгрыша Кубка УЕФА. И когда в телевизионной программе «Футбольное обозрение» увидели теплую встречу, устроенную им по возвращении в Шереметьево, кто-то из наших ребят, сидя на базе в кресле перед телевизором, произнес: «Да, такой прием нам не мог и присниться даже после прошлогоднего Лиона...»

Тогда, 4 мая 1986 года, спустя два дня после победы в финале Кубка кубков над мадридским «Атлетико» 3:0, нас, не отошедших еще от чересчур, на мой взгляд, восторженных оценок, прозвучавших на месте события, в Шереметьеве встречали лишь два администратора – Борис Кулачко из сборной (он должен был забрать наших сборников) и Александр Чубаров из киевского «Динамо» с билетами на ночной поезд. Мне, повидавшему в футболе многое, такое отношение не в диковинку. Обидно было за ребят. Я им говорил: время позднее, день воскресный, не сумели люди выбраться за город. Ребята, особенно молодые, преломляли ситуацию сквозь призму общего отношения к команде.

...1986 год я начал без команды. Впору было хоть в отпуск уходить. В январе в сборную страны и в сборную клубов забрали 12 человек, дома мы работали с игроками основного состава – Чановым, Яковенко, Евсеевым, Олефиренко, Михайличенко и Каратаевым – и с дублерами. Этой «бригадой» отправились в Венгрию. Поездка планировалась как подготовка к четвертьфиналам Кубка кубков с «Рапидом». Но какая уж тут подготовка! Сборники прибыли значительно позже, а пока в наличии было всего девять игроков, играли в мини-футбол. Когда подъехали ведущие, мы приняли участие в турнире, выиграли два матча у «Халадаша» – 2:0 и «Залаэгерсег» – 1:0, а затем провели контрольную встречу с «Уйпешт Дожа» – 4:1.

Результатами были довольны, а вот состояние игроков на тот период было удовлетворительным – не более. Сложность заключалась в том, что конкретные планы сборной и нашего клуба расходились. Сборная нацеливалась на более отдаленный пик формы, нам же следовало быть во всеоружии в начале марта, ко дню первой встречи с «Рапидом». Соперники наши тем временем гостили в Советском Союзе, за ними по Узбекистану ездил с видеокамерой руководитель пресс-службы киевского «Динамо» Михаил Ошемков. Так что вопросы получения информации были решены. Проблемы были с собственной готовностью.

По возвращении сборников мы не ставили целью форсировать их игровую форму, а рады были тому, что удалось привести их хотя бы к игровому весу.

Все это, а также то, что второй раз свою команду в полном составе я увидел лишь в Вене за два дня до игры, безусловно, сказалось на матче, особенно на первом его тайме, когда нам пришлось пережить несколько исключительно неприятных моментов.

«Рапид», который тренировал тогда югослав Златко Маркович (его после игр с нами уволили, он рассказывал об этом, когда специально приезжал в Прагу на полуфинал «Дукла» – «Динамо», поздравлял пас и желал успеха в Лионе), построил на своем поле игру от обороны с расчетом на быстрые контратаки с участием Пакульта, Кранчара, Халиловича, Брунчича. Наша команда первые пятнадцать минут провела в настолько резвом темпе, что сидевший рядом Веремеев спросил: «Откуда у них силы взялись?» Я тоже был весьма обеспокоен скоростным началом, перед матчем мы об этом не договаривались, и ясно было, что играть с такой прытью до конца встречи невозможно.

Сдали все примерно одновременно. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы почувствовать это. Австрийцы заперли нашу команду на ее половине, ворота спасали Чанов, штанга, еще раз Чанов, чуть-чуть неточный удар Пакульта... Инициатива полностью перешла к «Рапиду», и с этим ничего нельзя было поделать. Нам удалось не допустить пассивной обороны, которая рано или поздно приводит к пропуску мяча. Несколько неплохих атак заставили «Рапид» перегруппировать свои силы и не стремиться вперед всей командой. Вторая половина первого тайма показала более высокую физическую готовность «Рапида», но мне, видевшему буквально накануне эту команду в одном из матчей

чемпионата Австрии, было известно, что соперник наш готов на мощный взрыв лишь в короткий отрезок времени.

Этими соображениями и поделился с командой в перерыве, мы пришли к выводу, что необходимо играть рациональнее и строже, дорожить мячом, не растрачивать зря силы, не бросаться вперед очертя голову, а проводить тщательно подготовленные атаки.

Оказалось, «Рапид» был гораздо больше измочален концовкой первого тайма, чем мы. Австрийцы не ожидали всплеска с нашей стороны, замельчили и засуетились, у нас появились слаженность и уверенность, которая окрепла после того, как Беланов дважды подряд посылал мяч в ворота. Второй его гол был просто сумасшедшим: Рац выполнил штрафной, и Беланов, высоко выпрыгнув и опережая взлетевшего вместе с ним защитника, головой послал мяч точно в верхний угол. А такого гола, который забил Яковенко, я просто никогда не видел. После перепасовок между Балем и Яремчуком мяч был перенаправлен набегавшему Яковенко, мощнейший удар с правой ноги пришелся в стойку, мяч отскочил к продолжавшему движение Яковенко, и он, не сбавляя скорости, нанес неотразимый удар уже левой ногой метров с шестнадцати.

4:1 в гостях – более чем достаточно. Поэтому перед ответным матчем мы поставили такую задачу – обеспокоить результатом нашего следующего соперника, если не напугать – напугать сейчас никого нельзя, – то хотя бы вызвать у него озабоченность.

Уже в первом тайме был повторен счет венской встречи. Все проявили лучшие свои качества. Превосходства добились за счет более четких комбинационных действий, более высокой скорости, большей динамики, интенсивности и суммы технических умений.

Подошел после матча Маркович и спросил, кого бы я выделил из его парней. Я назвал Кранчара, Штадлера и Вилфурта. «А кого среди своих?» – продолжал расспросы тренер. «У нас не принято ни выделять, ни хаять».– «Правильно, – сказал Маркович, – лучший игрок в киевском «Динамо» – коллектив, командная игра. Вы играете в тяжелый для соперника футбол, потому что играете просто. Правда, еще до матча мы знали, что выходим на поле против будущего финалиста Кубка кубков». При этом Маркович на всякий случай постучал по деревянной спинке кресла в раздевалке.

Тренер «Рапида», говоря о простоте, был прав, хотя простота эта кажущаяся – сыграть на опережение, дать и получить своевременный точный пас, своевременно и точно пробить по воротам... Просто? Куда уж проще! Но сколько же нужно работать всем коллективом для достижения такой простоты.

Одна художница рассказывала мне, что, когда на выставке смотрит на картину и понимает как это сделано, она отходит от полотна. Иная же простенькая с виду работа заставляет ее остановиться и забыть обо всем на свете, потому что совершенно неясна колдовская сила автора и не возникает даже желания задуматься о технике, о приемах. Формула Пикассо: «Я не ищу. Я нахожу».

Принято считать, что каждый следующий соперник в европейском кубке сильнее предыдущего. Я придерживаюсь этой точки зрения, соответствующей логике соревнований с двухраундовыми матчами, но, признаюсь, после «Рапида» был убежден в нашем участии в финале. Разумеется, о предчувствиях своих и прогнозах не говорил никому, более того, запрещал дискутировать на эту тему в команде и принял меры, чтобы в расположение базы не попала ни одна газета с материалами о футболе. Наши соперники по полуфиналу – пражская «Дукла» – в интервью собственноручно «укладывали себя на лопатки», утверждая: «С такой командой, как киевское «Динамо» в его нынешнем состоянии, играть невозможно. Конечно, мы постараемся что-либо сделать, но уж очень ничтожны наши шансы».

Я прекрасно понимал тактическую уловку пражан, и сам бы на их месте поступил точно так же. Сделав вид, что проиграли до игры (а газеты, надеялись они, будут прочитаны), они упорно продолжали работать, «забыв» или постаравшись забыть о наших 4:1 и 5:1 с «Рапидом». Как мы узнали потом, видеозаписи этих матчей киевского «Динамо» футболистам «Дуклы» показаны не были, чтобы не подвергать испытанию морально-волевое состояние игроков.

Что собой представляет «Дукла», мы знали. На ней обожглась сильная на тот момент лиссабонская «Бенфика» в четвертьфинале. Португальцы проиграли в гостях 0: 1, а дома в присутствии 120 тысяч зрителей они уже в первом тайме забили два мяча, и вратарь «Бенфики» Бенту 45 минут оставался зрителем, которого абсолютно не касалось происходившее на поле. Стоило «Бенфике», уверовавшей в свое превосходство, расслабиться, как Корейчик забил ответный гол. Это выглядело настолько невероятным, что до конца матча «Бенфика» так и не смогла собраться и при общем равенстве в счете по сумме двух матчей вылетела из Кубка из-за гола, пропущенного на своем поле.

Расслабить соперника и нанести ему укол тогда, когда он этого не ожидает, – коронный номер пражан. Вот почему в перерыве первого нашего матча с ними в Киеве при счете 3:0 я подходил в раздевалке к каждому игроку, наклонялся над ним и говорил, чтобы слышал только он, одно и то же: «Счет 0:0. Ничего не меняем в тактических построениях. Счет 0:0. Внимание и еще раз внимание! Ни в коем случае не пропустить. По-прежнему чередуем прессинг, взрывы с паузами, спокойной игрой». Перед тем как команда пошла на второй тайм, я еще раз сказал это всем.

Верность выбранного нами образа игры была подтверждена и во втором тайме: хотя нам и не удалось забить еще несколько мячей, но в определенные моменты соперник не в состоянии был выбраться из-под командного прессинга – действия очень сложного, в нем ни один не должен «сачковать», иначе все становится бессмысленным. Когда же мы брали паузы, соперник с трудом приходил в себя. (Не могу не вспомнить в связи с этим забавную ситуацию на одной из наших тренировок, целиком посвященной предстоящему матчу. Отрабатывались элементы игры. Мы рассказывали о цели занятия одному из спортивных функционеров. «А вот сейчас, – объясняли мы, когда ребята в перерыве между сериями тренировочных заданий били по воротам, – мы взяли паузу». «А кто же вам в игре-то паузу даст? – спросил наш собеседник. – Вы что, там тоже по воротам бить будете?») Но, не давая ему полностью отдышаться, команда вновь приступала к активным действиям. Матч с «Дуклой» в Киеве – образец ведения ритмичной игры.

Два гола Блохина, один Заварова принесли победу, которая по стандарту европейских клубов расценивается как гарантирующая успех по сумме двух матчей. Мячей забитых могло быть больше, и я, поздравив ребят, застыл в центре раздевалки, привычной для меня больше, чем собственная квартира, и слушал, как они оживленно обсуждают неиспользованные моменты. «Эй, компания, – воскликнул со своего места Демьяненко, снимая мокрую футболку и бросая ее в безразмерную сумку администратора, – давайте-ка лучше вспомним ситуации, когда Визек и шестой номер, как его, Пелц, по-моему, чуть не испортили нам настроение в конце. Помните, когда Витек (Чанов) спас, а потом Серега (Балтача)? Чехи не успокоились, поверьте мне, биться будут до конца». Толя говорит редко, но всегда точно, ему никто не возразил, все, похоже, были согласны с резюме капитана.

Залихватских настроений в команде не было. Она почувствовала вкус достаточно крупных побед, и свернуть ее с этого пути было невозможно. Меня радовало, что в высоком игровом тоне находились не только молодые игроки, для которых весомые успехи в новинку, они как бы оглядываются еще, озираются и не верят собственному счастью, но и футболисты опытные, среди которых выделялся переживавший, чуть было не сказал по привычке «вторую молодость», нет, точнее будет – очередную молодость, Олег Блохин. Он работал наравне со всеми, на поле трудился – лучшего примера не надо, забивал, его вернули в сборную, в команде как к футболисту к нему относились с уважением. Соперники – боялись. И не потому, что он 11 лет назад получил «Золотой мяч», а потому что и сейчас, в 34 года, был полон сил, горазд на выдумку и не выпадал из коллективной игры ни на миг.

В Праге особых сложностей не возникло. Обменялись голами во втором тайме и вечером в гостинице с нетерпением ждали телевизионного сообщения о том, кто же достался нам в финале-матричный «Атлетико» или западногерманский «Байер».

О пражском матче мастер спорта Анатолий Коршунов, с которым мы небольшой отрезок времени вместе играли в «Черноморце», писал в еженедельнике «Футбол – Хоккей»

так: «Отдавая должное динамовцам, отмечу, что убедительная победа в первом матче их не демобилизовала и они жаждали сыграть точно так же и в гостях. Об этом свидетельствовало прежде всего стремление вести игру на сверхскоростях. Но и соперники, не рассчитывая в общем-то на многое, упорно сражались за свой престиж. И, не веря в окончательный благоприятный исход, зная, что в финал они скорее всего не попадут, упоенно и с полной отдачей боролись за локальную победу, которой ждал от них переполненный стадион. Хотя интерес зрителей, безусловно, подогревался и великолепной игрой киевлян...

Надеюсь, небольшая ложка дегтя – имею в виду ответный гол Кржижа на мяч, посланный с пенальти Белановым, – пущенная в бочку меда в тот момент, когда следовало бы поздравить динамовцев с отличной в целом игрой, с убедительным выходом в финал, будет воспринята правильно и не испортит вкусовые ощущения ни болельщикам, ни специалистам, ни самим динамовцам. Но напомним последним, что высокая боеготовность в матчах такого ранга, такого значения, такого высокого накала должна присутствовать от первой до последней минуты.

Обычно мы говорим, что из поражений следует извлекать уроки. Надо их извлекать и из побед. В Лионе не может быть осечек, промашек, расслаблений. Ответного матча не будет...»

Да, финал состоит из одной игры, которая все и решает, не предоставляя возможности исправить оплошность.

От Утрехта до Лиона 227 дней. Это много меньше, чем понадобилось на создание новой боеспособной команды, которая готовилась к выходу на финальный матч. Началось оно даже не в начале 1985 года, когда мы вступили в сезон, оказавшийся для нас во всех отношениях победным. И не в 1984-м, во всех отношениях неудачном. Полагаю, начал эту работу в 1983 году мой преемник (оказалось – на короткий срок) Юрий Андреевич Морозов. Он ввел в основной состав некоторых из тех, кто дошел до Лиона, продолжал работать по методике, принятой и апробированной в киевском «Динамо». Безусловно, ему не хватило времени, а некоторым футболистам, так и не ставшим ему помощниками, – терпения. Я благодарен Ю. А. Морозову за то, что он не отошел от принципов, исповедуемых в киевском «Динамо» с 1974 года.

Я начал жить финалом с того самого момента, когда 16 апреля по чехословацкому телевидению нам сначала сообщили, что соперником киевского «Динамо» стал мадридский «Атлетико», а затем и показали, как он этого добился в ответной встрече с «Байером» на поле соперника. Дома испанцы победили 1:0, и их шансы оценивались невысоко. Тем не менее уже в первом тайме они забили два мяча, второй проиграли, общий счет 3:2 в их пользу. Луис Арагонес, тренировавший тогда «Атлетико», в телевизионном интервью сказал, что еще с прошлого года не сомневался в выходе киевского «Динамо» в финал, а в успехе своей команды до поездки в ФРГ уверен не был. «Испанские команды попали в финал трех европейских турниров, – отметил тогда Арагонес, – и нам было бы неприятно выступить хуже «Барселоны» и «Реала».

Несколько обстоятельств беспокоили меня, когда в ночь с 28 на 29 апреля мы ехали в Москву, чтобы оттуда самолетом отправиться во Францию, я практически не сомкнул глаз. Счастливый человек Ваня Яремчук, у него словно нет нервов. Войдя в вагон и поставив сумку, он сказал, ни к кому не обращаясь, а так, вообще: «Какая разница кого обыгрывать? Мадрид так Мадрид...» Потом добавил, выглянув на перрон: «Ох и толпа здесь соберется 5-го утром!» Ивану действительно все равно, против кого играть, будь то «Нива» (Винница) или московский «Спартак», сборная Аргентины или «Атлетико», пусть даже сборная Марса...

Я был далек от оптимизма Яремчука из-за ряда, как уже говорил, обстоятельств.

16 апреля мы сыграли в Праге, а затем на десять дней ведущие игроки исчезли из нашего поля зрения. Сначала они поехали в Симферополь, тренировались в сборной, играли против сборной Крымской области, затем отправились в Румынию, на товарищеский матч с национальной командой этой страны (23 апреля), к нам попали 25 апреля, за два дня до

важного календарного поединка со «Спартакoм» в Киве.

Заваров получил травму в Симферополе, к счастью, она оказалась легкой. Блохин же в своем сотом матче за сборную надорвал мышцу бедра. Травма для футболистов обычная, но для лечения требующая времени, которого, понятно, не было. Неделей здесь не отделаться. За Блохина в Киве взяли оба наших доктора – кандидат медицинских наук Владимир Игоревич Малюта и Виктор Иванович Берковский. Дважды в день они информировали меня. Ничего утешительного сообщить до отъезда не могли. Блохин не тренировался. Травму он получил на ровном месте, соперники в этот момент не атаковали. Такое бывает. В данном случае причина однозначна: перенапряжение мышцы – сказались многочисленные матчи за клуб и сборную в марте и апреле, в общей сложности пятнадцать игр менее чем за два месяца, отсутствие необходимого на восстановление времени.

Олег, конечно, поехал с нами на финал, выдержав интенсивный курс лечения, предложенный врачами, продолжал его и во Франции, но даже в день игры, да что там в день, за несколько минут до матча мы так и не знали, выйдет ли он на поле.

Сам он страстно хотел играть во втором в своей жизни финале, я был убежден, что его выход на поле будет для нас дополнительным плюсом, медицина не говорила ни «да», ни «нет», оставляя все на усмотрение игрока и тренера. Я прямо сказал Олегу, что очень рассчитываю на него, и мы условились принять окончательное решение после предматчевой разминки. Уславливаясь об этом, я уже не сомневался в том, что в протокол в стартовом составе надо вписывать Блохина: видел, что отступить он не собирается.

Я всегда наблюдаю за разминкой своей команды. В Киве а Лужниках – из туннеля, ведущего на поле, в других городах – с бровки, стоя в определенной точке. На скамейку сажусь за несколько мгновений до начала матча, не говоря больше ни слова игрокам, – все уже сказано в раздевалке. Я бы не стал называть это суеверием, это – своего рода традиция, установленный порядок действий перед матчем, неколебимый даже в мелочах, таких, как определенное место в автобусе, как выход из автобуса последним, как молниеносный взгляд на трибуну (но это только в Киве), на места, где сидят самые близкие мне люди – жена и верный помощник Ада и дочь Света.

Блохин подошел к бровке и сказал, что все в порядке, играть он может. Я кивнул в ответ и пошел на скамейку, с которой трижды за матч вскакивал, приветствуя ребят, забивавших мячи в ворота Филлола, а потом, после финального сигнала австрийского арбитра Франца Верера как мальчишка помчался на поле поздравлять триумфаторов Кубка кубков, ловил себя на мысли, что несолидно, наверное, если смотреть со стороны, взрослому, довольно массивному человеку вот так вот мчаться чуть ли не вприпрыжку, но все равно бежал – бог с ним, что там видно со стороны...

Давно заметил, что во всех финалах – любых турниров – не происходит так называемой разведки, когда соперники словно прощупывают друг друга, подавляют нервозность, входят в игру постепенно. Информация у тренеров имеется «от» и «до», чрезмерное волнение остается в раздевалках, а постепенный вход в игру грозит быстрыми неприятностями. Мы вынудили, как было справедливо отмечено в одном из отчетов о финале, сыграть соперника настолько плохо, насколько сильны были сами.

До матча возникали опасения, связанные с воздействием публики – треть ее составляли прибывшие на игру сторонники «Атлетико». Нам такая поддержка за рубежом и не снилась. Единственный выход заключался в следующем: на зрителя внимания не обращать, а игрой заставить болеть за себя остальные две трети, иначе говоря около тридцати тысяч французов. Примерно с середины первого тайма французские любители футбола, которых не проведешь, толк в игре они знают, откликнулись на нашу «просьбу», удалось их очаровать, и на стадионе «Жерлан» загремело: «Ки-ев! Ки-ев!»

Ведущая сторона в матче к тому времени уже определилась – наша команда не только забила один мяч (на шестой минуте это сделал Заваров, вынырнув из пустоты и использовав отскок мяча от Филлола после удара Беланова), по и провела несколько серьезнейших коллективных мероприятий. Испанцы попытались перевернуть игру, захватить середину

поля, на которой безраздельно царствовала четверка наших хавбеков при поддержке Бессонова, Демьяненко и Кузнецова. Им не удалось сделать это ни в первом тайме, ни во втором (в первые минуты второго тайма они яростно, иного слова не подберешь, набросились на наши ворота), все их поползновения осая?дались грамотно выполнявшимся коллективным отбором, когда надо – прессингом и, самое главное, настойчивым продолжением активного поиска путей к воротам «Атлетико», в котором участвовали полевые игроки команды, составляя различные атакующие коалиции.

Можно привести десятки восторженных отзывов об этом матче, опубликованных в зарубежной прессе и хранящихся в клубном архиве для истории. Но все, что основывается на эмоциях, не может претендовать на серьезный анализ, а только он помогает лучше понять игру, выявить ее подводные рифы, дать объективную сбалансированную оценку.

Позволю себе при этом привести одну-две выдержки из высококвалифицированного суждения о финальном матче в Лионе, высказанного моим коллегой Никитой Павловичем Симоняном на страницах еженедельника «Футбол – Хоккей» дней десять спустя после встречи, когда страсти вокруг этой игры поулеглись: «Хочу поделиться одним наблюдением. Если в прошлые годы киевляне, добившись минимально выгодного для себя счета, на этом успокаивались, то сейчас команда играет по-иному. Во всяком случае, внешне: продолжает развивать свое преимущество, наращивать скорость и стремится забить столько, сколько получится. Шутка ли, из девяти проведенных в Кубке кубков матчей динамовцы шесть (!) выиграли с разницей в три и более мячей. Да у нас в чемпионатах за тридцать с лишним матчей обладатель приза «Крупный счет» не всегда набирает столько побед.

Но, должен сказать, в прошлые годы команда довольствовалась минимальным не потому, что она этого хотела. Просто в силу различных причин уровень ее подготовленности не всегда соответствовал принципам, которые она проводит в жизнь на футбольном поле. А принципы эти всегда были направлены на одно – одержать победу в любом турнире. При этом команда стремилась к сбалансированным действиям в атаке и обороне, прекрасно понимая что перекос в какую-либо из сторон ничего хорошего в современном футболе не приносит.

Сейчас команда играет так, что соперникам сложно к ней приспособиться. Кого, к примеру, нейтрализовывать из тех, кто может забить гол? Вопрос не праздный, ибо только в нынешнем розыгрыше Кубка кубков у киевлян забивали восемь игроков: Блохин, Беланов и Заваров – по пять мячей, Евтушенко и Яремчук – по три, Демьяненко и Рац – по два, Яковенко – один. Опытный наш специалист К. И. Бесков говорил мне: «Сегодня против киевского «Динамо» играть сложно. Гораздо сложнее, чем раньше. Если вчера я знал, как строить игру против него, то сегодня эта команда демонстрирует острокомбинационную игру на высокой скорости, отменно функционально подготовлена, и приноровиться к ней трудно».

Не стал бы утверждать, что испанцы были на «Жерлане» статистами. Их удалось смять великолепной циркулирующей мяча – точной, синкопированной, ритмичной (вспомним второй гол, когда «веер» слева направо в одно касание, играя с мадридцами в «кошки-мышки», развернули Рац, Беланов и Евтушенко, а заканчивал все Блохин, перебросив мяч через Филлола, и я тогда только окончательно поверил в нашу победу), – но они предпринимали сверхусилия, чтобы выбраться из этой круговерти, надо отдать им должное, сражались до последних минут, и только в конце, между прочим, нам удалось забить еще два мяча.

Незадолго до перерыва мы вынуждены были сделать перестановки в оборонительной линии, ничуть не повлиявшие, как показали события, на игру. Сергей Балтача, мужественный парень, порвал ахилловы сухожилия, с поля его унесли, позицию «либеро» занял Бессонов, а на фланге обороны стал действовать Баль. Еще одну замену провели незадолго до конца второго тайма. Захромал Заваров, вышел Евтушенко, убежавший, как лань, от всех защитников, переигравший вратаря и забивший последний гол.

Коллективное осмысленное движение поставлено во главу угла в современном футболе. Игровой прямоугольник стал таким же доступным, как баскетболистам –

баскетбольная площадка. Футболистам, подготовленным, естественно, как подобает, не составляет труда промчаться 50–60 метров вперед и столько же – назад. На поле не должно быть пассивных игроков. Общее движение. Ошибка должна быть моментально исправлена. Сегодняшний футболист не является одиноким солдатом, сражающимся в своем углу с противником. Он охватывает все поле битвы, а на поле этом нет клочков, свободных от борьбы.

Средняя линия нашей команды в Лионе оказалась главной движущей силой, активно участвующей в созидательной и разрушительной игре. «Разрушение» ассоциируется с «отбойным молотком», сводящим на нет все попытки соперников ворваться в штрафную площадку. «Молоток» должен немедленно превращаться в «пружину», способную за считанные секунды распрямиться до противоположных ворот. Нет созидания и разрушения по отдельности. И когда я видел, как задуманная Томасом, Да Сильвой и Кабрерой хитроумная атака срывалась благодаря коллективным усилиям не поймешь кого – защитников или хавбеков, а то и Блохипа с Белановым, а потом Демьяненко с Рацем, меняясь местами, мчались по левому флангу, а параллельно им справа на той же скорости шли Бессонов и Яремчук, а в центре запутывали маневрами соперников Заваров, Блохин и Беланов, я мысленно аплодировал команде, не зная даже, чем закончится этот эпизод. И таких эпизодов, часть из которых удалось реализовать, было много вечером 2 мая 1986 года, и телевидение многомиллионно тиражировало их по всему континенту.

...Подскочил с блестящими от радости глазами Яремчук: «Ну, что я говорил?» – «Что, когда?!» – «Да в поезде же!»

Вечером 2 мая, принимая поздравления от официальных лиц из УЕФА и соперников, от работников нашего посольства во Франции и лионцев, пришедших поздравить ребят руками и получить автограф на программке К матчу, поздравляя друг друга, мы не знали, что ровно через месяц в Мексике примерно в таком же составе команда выйдет на поле стадиона в Ирапуато на матч со сборной Венгрии в программе чемпионата мира и мне придется готовить ее к этой игре.

Для пас в тот вечер закончился второй поход за Кубком кубков, начавшийся бог весть когда, и закончился он счастливо – достойной победой в трудной борьбе.

Глава 2. В Мексику и обратно

Что труднее: оценивать событие сразу после того, как оно произошло, по горячим следам, или же спустя время, когда поулеглись страсти? Не берусь судить, для каждого человека по-своему. Главное, чтобы ни в том, ни в другом случае не было скоропалительных оценок, не подкрепленных достоверной информацией.

На время чемпионата мира я предполагал быть в числе миллионов телезрителей или же (все зависело от календаря всесоюзного чемпионата) съездить в Мексику в специализированной группе советских тренеров, которые, к слову, всегда присутствуют на крупнейших футбольных турнирах.

Думать, правда, обо всем этом было недосуг. Клубные заботы вытеснили все остальные. Победы над венским «Рапидом», с которым пришлось играть в самые неудобные для нашего футбола сроки, над решительнейшим образом настроившейся на матчи с киевским «Динамо» пражской «Дуклой» и, наконец, мадридским «Атлетико», мечтавшим подтвердить справедливость притязаний испанских команд на европейские трофеи. Победы над всеми этими клубами, выигрыш Кубка обладателей кубков стоили футболистам и тренерам нашей команды много сил и нервов. Пусть никого не вводит в заблуждение крупный счет в играх с этими соперниками – такой, как 4:1, 5:1, 3:0.

Помимо того чтобы добиться достойного для нашего футбола результата в Кубке кубков, мы преследовали в этом соревновании еще одну, очень важную, на наш взгляд, цель – наиграть для сборной СССР не только отдельных футболистов, но и целые блоки команды, поскольку в кандидатах в сборную ходили многие киевляне. Забота, чтобы достигнутая ими

достаточно высокая форма сохранилась, была одной из первых.

Должен сказать, что игроки нашей команды весьма ответственно относились к тому факту, что через короткий отрезок времени им предстоит защищать честь советского футбола в Мексике, постоянно говорили о чемпионате мира, старались готовиться как можно лучше. Такое отношение игроков к делу радовало, не могло не радовать, ибо свидетельствовало прежде всего о профессиональном мышлении, стремлении заглянуть в завтрашний день и все сделать для того, чтобы не омрачить настроение ни себе, ни людям, с нетерпением ждавшим первенства мира.

Одно лишь вызывало озабоченность: неудачи сборной на протяжении полугода в товарищеских матчах. Это угнетало футболистов. Причины проигрышей испанцам, мексиканцам, англичанам и румынам, а также ничьей с финнами на своем поле назвать не могу. Для того чтобы высказать даже свое собственное, субъективное мнение, нужно иметь информацию, а ее у меня не было. Я даже не пытался ее получить, потому что было бы это некорректно с моей стороны. Да, выполнялась какая-то определенная программа, сборная по ней работала, была какая-то идея, тренеры знали, чего хотели.

С чем я не согласен, но это моя точка зрения, так это с тем, что к контрольным играм можно относиться безразлично. Товарищеские игры – не официальные, это совершенно ясно, и их нельзя сравнивать. Но дело в том, что в контрольных играх закладывается, если есть результат, база уверенности. Каждая из команд, готовившихся к чемпионату мира, в каждой игре боролась за результат прежде всего потому, что если не будет результата (а ко всему прочему существуют и проблемы в организации игры), то футболисты потеряют уверенность, они не будут верить в то, что могут добиться этого результата. К контрольным играм следует относиться не так, как, повторяю, к официальным, но в них принято добиваться результата и стремиться показать все свои лучшие стороны по состоянию на тот день, когда эта игра происходит.

Наверное, игры, которые провела наша сборная накануне Мексики, с точки зрения результата, да и не только результата, не удовлетворили ни профессионалов, ни любителей футбола. Отсюда – потоки писем, которые приходили в Управление футбола, в Госкомспорт, в киевское «Динамо», в другие команды. В письмах – недоумение и вопросы: когда же будет игра, когда будет результат?

Среди прочих возникал и вопрос иного порядка: а не форсировала ли подготовку киевская команда «Динамо», выступая в Кубке кубков? Вопрос естественный. Июнь, мексиканский июнь, должен был стать определяющим для сборной месяцем. Именно тогда игроки обязаны были быть в лучшем своем состоянии. Но дело в том, что в январе и феврале 1986 года футболисты сборной в клубах своих не находились, работали с ними по специальной программе, той, которую имела сборная. Мы же, тренеры клубных команд, получали игроков в свое распоряжение непосредственно накануне матчей.

Попробую пояснить конкретным примером. 27 февраля 1986 года киевские игроки сборной прилетели из Мексики, 28 февраля они перелетели в Тбилиси, уже на следующий день играли первый матч чемпионата страны, а 5 марта встречались в Вене с «Рапидом». Мы имели пять-шесть дней для подготовки к этой игре. Основная же подготовка (в январе-феврале, естественно, закладывался фундамент) велась в сборной. Поэтому о форсировании и речи быть не может.

Говорили и о том, что, дескать, киевлянам не удалось удержать пика формы. Это предположение также несколько неверно. Данные, которыми мы располагали, свидетельствовали о том, что даже при отличной игре в Кубке кубков вывести игроков на уровень модельных показателей все-таки не удалось. И в момент финала Кубка кубков большинство наших футболистов были далеки еще от своего уровня. Поэтому впечатление, что киевляне были в пике формы, но не удержали его, глубоко субъективное, вызванное только показанным командой результатом. Объективные же данные говорят о том, что была возможность выйти на более высокий уровень.

Ситуация в сборной накануне ее отъезда в Мексику оказалась сложной. Деятельность

команды, судя по всему, никого не устраивала. После победы в Кубке кубков я несколько раз летал по маршруту Киев – Москва – Киев, выслушивал различные предложения, соглашался с ними и не соглашался, внутренне для себя по основному из них – возглавить сборную – долго не мог принять определенного решения. С одной стороны, прежним руководством были приглашены в сборную девять игроков киевского «Динамо», вроде бы сам бог велел работать с ними динамовскому тренеру из Киева. Но с другой, катастрофически мало времени оставалось для подготовки команды, сообразуясь с тем футбольным направлением, которое исповедую я вместе со своими единомышленниками. Первое обстоятельство перевесило. Разумеется, повлияло на мое решение и желание большинства игроков сборной работать вместе.

Не теряя ни одного часа даром, засучив рукава, наш тренерский коллектив, в который вместе со мной вошли Никита Павлович Симонян, Юрий Андреевич Морозов и Сергей Михайлович Мосягин, приступил к работе. Выбор коллег не был случайным: мы вместе работали в сборной в 1983 году, когда единственное поражение в отборочной группе чемпионата Европы от португальцев в Лиссабоне (0:1) поставило под сомнение наши возможности и способности и мы были отстранены от сборной. На мой взгляд, в 1983 году была допущена одна грубейшая ошибка. Речь не о том, что мы были отлучены от сборной, не в этом дело. Ошибка заключалась в том, что начали затем все сначала, а нужно было продолжать уже сделанное, постоянно конечно же дело это совершенствуя.

В 1983 году мы говорили: до тех пор, пока у нас не будет единого принципа формирования и подготовки сборных, будут разрушаться клубы. Разрушая клубы, мы разрушаем футбол. Аритмия, наблюдавшаяся в календаре нашего футбола, шла только во вред игре.

...Надо сказать, перед нами возникло огромное количество вопросов, на решение которых отводились считанные дни, а иногда и часы.

Очень важная задача – объединить людей. Коллектив в общем-то сложился неплохой. Это мы поняли сразу. Игроки нацелились на очень высокую задачу. В этом плане нам нетрудно было скооперироваться. Если же говорить о чисто человеческих контактах, то они установились довольно быстро, через неделю мы стали «ощущать» друг друга: футболисты приняли наши требования, а мы разглядели какие-то шероховатости в их поведении. Нужно было добиться того, чтобы жить одной целью, чтобы поддерживать друг друга и доверять друг другу. Поскольку база для этого существовала-киевское «Динамо», задачу эту решить удалось.

Программа подготовки была составлена таким образом, чтобы, во-первых, поддержать достаточно высокий уровень готовности игроков киевского «Динамо», а во-вторых, подтянуть к этому уровню, насколько возможно, остальных футболистов. Не менее важная часть программы заключалась в том, чтобы добиться единой тактической трактовки игры. Учитывались в программе и условия Мексики, и акклиматизация, и возможность возникновения ее второй волны, о чем предупреждали ученые. К слову, трудности акклиматизации были восприняты нами как неизбежность и реальность для всех команд на чемпионате мира. Футболисты ни разу не сделали ни малейшей попытки свалить свои неудачи и промахи на природные условия, а в весе они теряли до двух килограммов после тренировок и четырех – после игр.

За время до отъезда на чемпионат мира – в Новогорске и до первой игры – в Мексике нам многое удалось сделать. Во всяком случае, необъяснимая иногда робость наших футболистов перед соперниками на важных турнирах, характерная для сборной и клубов, была снята. А хорошая игра, если ее удастся показать, – всегда убедительный аргумент. После первого же матча – с венграми – нас признали. А когда признают, проще становится играть, проще демонстрировать свои сильные стороны. Уже нас начинают бояться, под нас подстраиваются, уже мы диктуем условия.

Помню, перед самым отъездом в Мексику меня остановили в Шереметьеве журналисты французского телевидения. За несколько часов до отлета я отвечал на их вопросы.

Некоторые из них запомнились:

– Кто, на ваш взгляд, из участников мексиканского чемпионата способен занять самые высокие места?

– Двенадцать команд, то есть половина из тех, которые приедут в Мексику.

– Какое место планирует занять сборная СССР?

– Она входит в число этих двенадцати команд.

– Как вы намерены в игре со сборной Франции решать «проблему Платини»?

– Платини – один из лучших футболистов мира на сегодня, но во французской команде много и других сильных игроков, таких, как Жиресс, Тигана... Поэтому решать мы будем не «проблему Платини», а проблему сборной Франции. Впрочем, думаю, в игре с нами какие-то сложные проблемы встанут и перед чемпионами Европы.

– Какой футбол вы будете показывать в Мексике – атакующий или оборонительный?

– Мы будем стремиться к гармоничному футболу, который предполагает разумный баланс атакующих и оборонительных действий.

...Почти двадцатичасовой перелет с посадками в Шенноне и Гаване. В аэропорту Мехико – толпы болельщиков и собирателей автографов, журналисты, фотокорреспонденты...

Мы пришли в себя только в автобусе, который часа три вез нас в Ирапуато. На подъезде к городу в радиофицированном автобусе вдруг прекратилась какая-то рекламная передача на испанском языке и на чистом русском прозвучало: «Дорогие советские футболисты! Жители Ирапуато сердечно приветствуют вас! Ирапуато – с вами!» Согласитесь, приятно такое услышать на земле далекой Мексики, на которой нам предстояло защищать честь советского футбола.

На первую же нашу тренировку заявилось несколько тысяч болельщиков. Это бы ладно, но вечером смотрим телевизор и глазам не верим: тренировка на радость соперникам показана на экране. Пришлось принять некоторые меры, чтобы прекратить подобную утечку информации. Впрочем, «режим секретности» создали вокруг себя все команды. Когда, к примеру, наши представители попытались «подсмотреть» товарищеский матч сборной Венгрии в Леоне с одним из местных клубов, они были обнаружены, и деликатно, но настойчиво их попросили удалиться.

Мексика жила в предвкушении начала чемпионата, мы – в ожидании первого матча. Провели две контрольные встречи, проба сил прошла вполне удовлетворительно. Главное, мы убедились, что футболисты быстро адаптировались к новым условиям. Прежнее руководство сборной (никоим образом не хочу обсуждать их действия, а тем более – критиковать) со своей стороны считало, что подготовка закончена, и на период после 7 мая (товарищеский матч с финнами) была запланирована всего одна контрольная игра в Мексике, с тем, наверное, чтобы посмотреть, как чувствуют себя люди в непривычных условиях жары и высоты. Нам же нужна была как минимум еще одна игра – проверить, как притерлась одна группа игроков к другой: ряд футболистов появился в сборной в последний момент. Мы попали в условия, когда решения надо было принимать на ходу – составлять программу, реализовывать ее... И – ждать, что из этого получится.

Не буду посвящать читателей во все таинства наших тренировочных будней. Не столько из опасения утечки информации, сколько из боязни утомить. Скажу лишь, что положительного эффекта (речь не о результате, а о достигнутом качестве игры, по достоинству оцененном специалистами) удалось добиться прежде всего благодаря применению различных тренирующих средств, чередованию нагрузок и с помощью разнообразных, не утомляющих психику форм занятий. Они были очень непродолжительными по времени, по исключительно интенсивными. Разумеется, интенсивность их менялась в зависимости от целей и задач каждого занятия, от состояния игроков и турнирного календаря.

Все это и способствовало тому, что наша команда в мексиканских условиях могла заданно или по обстоятельствам чередовать темп и ритм игры, применяла различные методы

коллективных действий в атаке и в обороне, сохраняла достаточно высокий уровень работоспособности. И это при том, что большинству ее игроков в составе киевского «Динамо» довелось в первой половине сезона испытать перегрузки, почти равные энергозатратам полного сезона.

О том, что мы себя не обманывали, не выдавали желаемое за действительное, помимо медико-биологических исследований говорят и педагогические наблюдения тренерской группы. Своеобразный хронометраж количества и качества выполнявшихся футболистами тактико-технических действий (ТТД) проявил любопытнейшую картину.

О том, что игроки не достигли еще необходимого состояния, свидетельствует тот факт, что количество ТТД во вторых таймах снижалось в трех матчах и только в игре с канадцами незначительно возросло, чему, видимо, способствовали замены. По этой же причине существенно снизился в этом матче процент брака по сравнению с первым таймом. То же, впрочем, произошло и в матче с французами. Но тут объяснение, надо полагать, лежит в повышенном чувстве ответственности игроков за исход встречи, которым они прониклись, и, возможно, еще и в том, что французы, уравнивая игру, об ином исходе и не помышляли, а потому и не шли на риск.

Суммарно же количество ТТД было на высоком уровне в первом матче – против сборной Венгрии, несколько ниже – в игре с французами, очень низким – в матче с канадцами и, представьте себе, самым высоким – в проигранном бельгийцам. А процент допущенного брака оказался равным в матчах с Францией и Бельгией.

Анализ коллективных действий нашей сборной показал, что выбранный тренерами и игроками обобщенный образ игры удалось реализовать во встрече с командой Венгрии на 85–90 процентов, Франции – 90–95, Канады – 75–80 и Бельгии – 80–85. Казалось бы, что проку в таких подсчетах? Но нам, тренерам, они дают наглядную картину игровой деятельности каждого футболиста и указывают направление в дальнейшей работе. А читателям, возможно, они объяснят в какой-то степени тот удивительный факт, что и пресса, и специалисты назвали матч СССР – Бельгия одним из лучших на чемпионате, воздав должное и победителям, и проигравшим. Иное дело, что нам не удалось преодолеть факторы психологического свойства, из-за чего нас и назвали в мексиканской печати жертвами обстоятельств. Перед которыми, добавлю от себя, мы уже не первый раз спасовали. Конкретно говорить о качестве судейства, заметно отставшем от качества игры большинства команд, у меня нет желания. Надеюсь, читатели простят меня за это, ведь столько о судействе в Мексике уже сказано и написано, в том числе и об арбитраже нашего матча с бельгийцами.

Возвращаясь же к анализу игровой деятельности наших футболистов и команды в целом, отмечу, что он выявил некоторые отступления в реализации отдельных тактических фрагментов игры, а это как раз и не позволило создать более надежные коллективные действия, прежде всего – при обороне. Будем достаточно самокритичны и сошлемся именно на это обстоятельство, а не только на действия шведского арбитра или его испанского помощника. Ведь цена индивидуальных решений в коллективном ведении либо атакующих, либо оборонительных действий необычайно высока. Особенно – при отсутствии замены уставшему или выбывшему из строя. Признаюсь в связи с этим, что за дарованное перед началом чемпионата мира время нам так и не удалось подвести весь наличный состав сборной к тому уровню, который необходим для более успешного выступления.

Финальные турниры мирового первенства – это своеобразные вехи, когда уточняются представления о перспективных формах работы в футболе. Нередко после чемпионатов мира (проходят ведь они не часто, раз в четыре года) происходит пересмотр устоявшихся мнений о целесообразности тех или иных тактических построений, стратегии игры, турнира, принципиальных методов подготовки.

Мексиканский турнир 1986 года не обогатил футбол революционными идеями. Но это ни в коей мере не говорит о застое тренерской мысли или снижении уровня исполнительского мастерства футболистов. Напротив, еще более возросшая популярность

футбола усилила его интеллектуальное начало и повысила требования к тактико-стратегическому содержанию игры, технической оснащенности.

Ничего нового, если сравнивать с такими важными вехами в развитии футбола, как чемпионаты мира 1958, 1966 и 1974 годов, в Мексике мы не увидели. Футбол не остановился в своем развитии, оно, безусловно, продолжается, но очень медленно, на мой взгляд, экстенсивно: углубляются, расширяются, то есть совершенствуются уже достигнутые составляющие техники, тактики. Но футбол, вне всякого сомнения, вновь перейдет на интенсивный путь развития, и могут появиться новые варианты тактических приемов, которые повлекут за собой и новые требования к подбору и подготовке футболистов.

Так называемый тотальный футбол, впервые продемонстрированный сборными Голландии и ФРГ на чемпионате мира 1974 года, дополненный и доработанный в последующие годы, оказался настоящей золотой жилой. Сейчас эта жила разрабатывается во всех направлениях. И мексиканский финал показал, что поиск оптимальных тактико-стратегических решений в рамках тотального футбола еще имеет достаточный простор.

Вспомним, как непринужденно переключала регистры тактик даже в одном матче сборная Франции. Какое неожиданное решение нашла в поиске надежности сборная Бразилии, совершенно видоизменившая организацию игры по сравнению с предыдущим чемпионатом мира. Сколь многого добилась неброская с виду сборная Бельгии лишь благодаря умению стратегически здраво мыслить. А неуязвимость сборной Аргентины легко объясняется удачным чередованием надежности тактических форм игры в зависимости от особенностей соперников и смены стратегических ситуаций на поле.

Вот это заранее запрограммированное умение менять характер тактических действий, гибкость стратегического мышления в ходе матча и есть, на мой взгляд, то новое в футболе, что окончательно утвердило давно известные принципиальные преимущества тотального футбола. Этот вывод, кстати, подтверждают неудачи таких, казалось бы, вполне квалифицированных команд, как сборные Венгрии, Болгарии, Испании, Дании, которые при всем своем богатстве одаренными футболистами несколько монотонно пользовались довольно ограниченным набором тактических вариантов. Да и сборной Бразилии временами недоставало разнообразия тактических способов ведения игры.

И мы уже сейчас должны пойти по пути интенсивного развития того, что имеем, выходить на другой уровень, «сыграть на опережение», а не дожидаться того, что нам опять кто-то покажет новое. Если хотим опережать, нет смысла подстраиваться.

В нашей стране, да и во многих других европейских странах острейшим образом стоит вопрос: как, каким образом сочетать один из элементов развития футбола – повышение уровня надежности в плане достижения результатов – с обеспечением зрелищности. Уже никто не хочет смотреть матчи, в которых ни скорости нет высокой, ни динамики борьбы, ни разумных тактических построений.

Кстати, понятие «зрелищность», на мой взгляд, претерпело за последние десять-пятнадцать лет существенные изменения. Сейчас оно оценивается прежде всего по количеству единоборств на поле, по остроте этих единоборств, по остроте всего матча, по скорости отдельных игроков, всей команды в целом. Зритель вместе с футболом становится умнее. На международных матчах в Киеве трибуны всегда заполнены. В Тбилиси – тоже. От самих команд, от их игры зависит, сколько зрителей придет на стадион.

В мировом футболе весьма ощутимо идет накопление игрового потенциала благодаря возникновению такого фактора, как стратегия – от стратегии ритма игры до стратегии турнира. Об этом факторе наши тренеры заговорили давно, но ничего, кроме уничтожающей критики, в свое время не услышали. Между тем появление и дальнейшее совершенствование стратегии может стать именно той платформой, с которой футбол вновь перейдет на интенсивный путь развития. В рамках возросшей роли стратегии должны родиться новые тактические варианты, влекущие за собой и новые требования к подбору игроков, к их подготовке. И это все надо предвидеть, чтобы вновь не отстать.

Можно предположить еще большее возрастание роли надежности коллективных

действий, смены групповых тактик, что поведет к дальнейшей универсализации игроков. Изменится скорость или частота групповых действий, что приведет к росту интенсивности игры. Пока же, как показали матчи в Мексике, футбол этого еще не достиг. Практически нет еще команд, способных играть в нагнетательном темпе от первой минуты до последней. Но футбол, похоже, к этому стремится.

Каково же содержание возможной стратегии, частицы которой мы увидели в Мексике?

В первую очередь следует выделить четкость и ясность задач тактико-технической и функционально-психологической подготовки футболистов и способы воплощения их в игре. Недостаточно подготовленных к трудным встречам игроков мы в матчах чемпионата не видели. Наверное, были такие в отдельных командах, но на поле они так и не появились. Как, скажем, итальянец Росси.

Обратила на себя внимание последовательность в реализации тех или иных требований и умение видоизменить их в зависимости от силы и возможностей соперника и турнирных соображений, турнирной конъюнктуры. Это, разумеется, относится к лучшим командам, к ведущим. Умение правильно использовать все свои возможности позволяло им по мере продвижения к конечной цели усиливать игру. Даже невзирая на накапливающуюся усталость, на вынужденные потери в составах.

Еще одна отличительная особенность сильных – наличие у них разнообразных тактик, применяемых последовательно на основе поиска выгодного ритма ведения игры. Хитрость бельгийского тренера Ги Тиса состояла, например, в том, что сборная Бельгии, располагая фактически лишь одним тактическим вариантом ведения игры – на контратаках, смогла продвинуться достаточно далеко по турнирной лестнице, умело скрывая скудость своего тактического багажа. Между тем тактическое разнообразие, вариантность организации игры – неперемное условие достижения конечного успеха, что в конце концов и доказали вполне убедительно аргентинцы, встретившись с бельгийской командой в полуфинале.

При этом в действиях ведущих команд непременно просматривалась неразрывность связей при переходе от обобщенного образа коллективных действий к частному. Учитывая силу соперника, состояние собственных игроков, тренеры обязательно вносили индивидуальные коррективы. Да и сами звезды первой величины, такие, как Марадона, Шифо, Румменигге, французские полузащитники во главе с Платини, Бурручага, в состоянии были принимать самостоятельные решения. Как тот же бельгиец Кулеманс в матче против нашей команды.

Неразрывность связей выглядела тем надежнее, чем лучше и богаче был подбор исполнителей под отдельные (применительно к разным соперникам) тактические варианты игры. Наша же команда, к сожалению, испытывая недостаток времени на подготовку, сопряженную с вынужденной перестройкой, не располагала таким выбором игроков. Были травмированы Балтача и Чивадзе, травмы помешали играть в полную силу Протасову и Блохину, в довершение ко всему уже в Мексике выбыл из строя Ларионов.

Нас, тренеров, нередко потом упрекали в том, что на матч с бельгийцами вместо Ларионова был заявлен Баль. Почему же никто другой? Да потому, что и Баль, и Морозов, и Бубнов готовы были в то время примерно одинаково, но выбор пал на Баля в силу того, что он из одного клуба с Бессоновым, Кузнецовым и Демьяненко, следовательно, лучше с ними сыгран. Свои возможности в том злополучном матче он, увы, не раскрыл полностью, но как бы выглядел любой другой равный ему по силе игрок, остается только гадать.

Довольно много в последнее время говорят об изменениях схем расстановки игроков, называют, в частности, такую схему – 1+3+5+2. Дело в том, что, когда на чемпионате мира 1958 года бразильцы показали 1+4+2+4, это была революция в футболе. Тогда, в Швеции, в полный голос прозвучал отказ от закостеневших форм. Через какое-то время футбольный мир ознакомился со схемой в три форварда – 1+4+3+3. Это был новый виток. На английском чемпионате мира – еще один: утвердилась тенденция накопления сил в средней линии и отказ от третьего, а то и второго чистого нападающего (у нас, как вы помните, эту тенденцию предвосхитил удивительный практик Виктор Александрович Маслов).

Сейчас исходная расстановка не имеет никакого значения. Конечно, порядок на поле должен быть. Не могут же все десять полевых игроков встать в линию и побежать. Но уже не исходная расстановка играет роль, а реализация коллективных задач. Сколько футболистов поставят сзади, сколько будет в середине, сколько впереди – не в этом дело. А суть в том, какое соотношение атакующих и оборонительных действий выполнит на поле вся присутствующая на нем группа игроков.

Поэтому сегодня говорить о расстановке нет смысла. Это даже не вчерашний день. Безусловно, как-то игроки должны стоять, когда начинается матч. Затем в зависимости от объема коллективных задач, заданного заранее, все меняется в процессе игры. Футболист, попавший в определенную зону, должен выполнять функции, характерные для этой зоны. Полная взаимозаменяемость, цель которой – достижение специальной универсализации футболистов. Нет необходимости из нападающих делать защитников и наоборот, хотя иногда подобная переквалификация наблюдается. Но если игроки одной команды могут выполнять на поле различные функции в зависимости от того, как складывается матч, а другой – только свои, то первая будет иметь преимущество. Это совершенно точно. Впрочем, наблюдая за играми чемпионата мира, вы сами имели возможность в этом убедиться.

Наверное, в какой-то степени примером вышесказанному может послужит наша игра с венгерской командой. Соперник, как мы знали и видели, был высоким по уровню. Достаточно сказать, что с 1985 года до чемпионата мира венгры вообще никому не проигрывали, европейская пресса создала вокруг этой сборной ореол, говорили о возрождении венгерского футбола, проводили параллели с командой Венгрии середины пятидесятых годов, когда действительно она была одной из сильнейших на континенте, если не самой сильной.

Матч СССР – Венгрия стал на чемпионате мира своего рода сигналом остальным: можно и в природных условиях Мексики играть на высоких скоростях, чередуя, конечно, темп. До этой встречи ведь как было: медленный розыгрыш мяча, редкие всплески скорости. (Пеле так оценил матч сборной Бразилии и Испании, показавшийся на глазок игрой высокого уровня: «Я впервые видел такую слабую и медленную игру нашей сборной. Мне, бразильцу, было стыдно слышать, как после окончания матча зрители освистали футболистов. В современный футбол шагом не сыграешь...») Словом, высказывались предположения, что на чемпионате мира все матчи будут проходить неспешно, а кто ловчее поймает соперника на ошибках, тот и выигрывает. Такое мнение продержалось до нашей игры с венграми.

Можно считать, что мы подавили соперника уверенностью. Можно говорить также, что два «быстрых» гола Яковенко и Алейникова привели сборную Венгрии в шоковое состояние. Все это, видимо, так, но не характеризует полностью хода игры, в которой наше преимущество выразилось в шести голах.

В матче этом, если судить по стартовому составу – Дасаев, Ларионов, Бессонов, Кузнецов, Демьяненко, Ярмчук, Алейников, Яковенко, Заваров, Рац, Беланов, – у пас вышел на поле лишь один «чистый» форвард – Беланов. Однако помогали ему в атаке еще пять-семь человек, сам же Беланов не гнушался оборонительных действий, когда кто-то из партнеров по средней линии, выполнивших огромный объем работы, задерживался в атаке. Возвращались быстро на свою половину поля при срыве нашей атаки не те, кому положено это «по должности», а те, кто в данный момент был ближе к нашим воротам. Иначе и быть не может. Представьте себе такую картину. В атаке участвуют два наших защитника – крайний и центральный. Предположим, по ходу действий они выдвинулись настолько, что оказались на самом острие передней линии. И атака сорвана. Кому возвращаться? Им? Да, конечно, но в первую очередь тем их партнерам, из нападения ли, из полузащиты, которые в тот момент атаковали вторым эшеломом. Причем возвращаться, одновременно атакуя завладевшего мячом соперника. Кстати сказать, это один из основополагающих принципов современного футбола: оборона своих ворот начинается сразу же после потери мяча, где бы она ни произошла, пусть даже в противоположной штрафной площадке.

Деятельность той или иной команды определяется в первую голову оптимальной программой подготовки к тому или иному матчу, турниру. Можно проиграть состязание, потому что нет такой программы, которая гарантировала бы результат, но необходимо быть готовым к этому состязанию. Программа – не гарантия успеха, но дает гораздо больше шансов на него, нежели стихийные действия.

Деятельность команды определяется и моделью игры, ее структурой. Прогрессивная модель игры требует игроков совершенно новой формации, способных эту модель «поддержать» на поле, прочувствовав ее предварительно путем многократных повторений – в тренировках. Игроки должны выражать тактику, «навязанную» тренером, а тренер – подбирать игроков под свою модель.

Надеяться на индивидуальность футболиста, который забьет, значит – надеяться на случай, а он в современном футболе, характерном прежде всего организованностью, логичностью, коллективизмом, – не помощник.

И что же, прочь с поля индивидуальность, способную к импровизации? Ни в коем случае! Модель игры конечно же подразумевает и модель футболиста, способного – в первую очередь – соблюдать заданные принципы коллективизма, но при этом нельзя отрицать возможность импровизации. Более того, коллективный футбол, стойко базирующийся на фундаменте прогрессивной тактики, – высшая форма импровизации, и для индивидуальности здесь полный простор, а если звезда при такой игре еще и блеснет, то шансы на успех заметно повысятся.

Ни от кого нет секрета, что существует несколько структур коллективных действий команды, и мы им следуем, во всяком случае, стремимся следовать.

Первая. Мы завоевываем пространство, переносим оборонительные действия на половину поля соперника, мешаем ему длительное время владеть мячом и атакуем сами.

Вторая. Мы отдаем пространство, ведем оборонительные действия на своей половине поля, а скоростные атаки и контратаки проводим на создавшемся просторе.

Третья. В ходе игры в зависимости от различных факторов (например, состояния спортивной формы игроков нашей команды, команды соперника, достигнутого результата) меняем периодически одну структуру ведения игры на другую.

Нам говорят: «Принципы принципами, но ведь вы же проигрываете!» Но нет команд в мире, которые бы не проигрывали. Когда же проигрывается матч, дело не в принципах, а, очевидно, в наших общих ошибках при их реализации, ведь люди же этим занимаются, тренеры и футболисты. Да и соперники не сдаются из-за того, что у нас есть принципы.

Команда же наша руководствовалась этими принципами организации игры и, я думаю, будет руководствоваться, развивая и совершенствуя их (очень много возможностей для этого), потому что в этом видит будущее футбола. Принципы создает время, и связаны они прежде всего с тенденциями развития мирового футбола, с попытками заглянуть в будущее, обязательно заглянуть вперед. Другое дело, что они – не догма, они совершенствуются вместе с приходящими новыми игроками и со временем.

В игре с венгерской сборной во многом удалось реализовать все наши принципы коллективного футбола. Скорость, синхронность, полная взаимозаменяемость уже в первом тайме сделали свое дело. 3:0, вроде бы все в порядке, можно и передохнуть, сберечь силы, которые в мексиканских условиях расходуются значительно быстрее, чем на равнине. Но было бы с нашей стороны антипедагогично просить в перерыве футболистов потихоньку сбавлять темп. Подобная просьба могла бы привести к нежелательным последствиям, самим же игрокам, большей частью молодым, просто-напросто не хватало опыта, чтобы при таком же результате затратить меньше сил. В футболе умение подавлять эмоции разумом приходит с опытом, причем опытом коллективным.

Должен сказать, что многие специалисты в Мексике были удивлены уровнем технической готовности наших футболистов, называли его высоким. Совсем недавно такие заявления могли шокировать кого угодно. Конечно, во внешних проявлениях технического мастерства – в мягкости, в элегантности работы с мячом – мы уступаем латиноамериканцам.

Но мягкость и элегантность – не составляющие футбола, это вообще субъективные понятия. Что же касается надежности, своевременности выполнения технических приемов и, что самое главное, работы с мячом на скорости, то мы выглядели подчас предпочтительнее южноамериканских футболистов. (Что вообще представляет собой современная техника в футболе? Еще в начале шестидесятых годов известный французский специалист Габриэль Ано сказал примерно так: играть при помощи одного козыря уже невозможно, необходимо использовать все, которые есть в футболе – тактику, технику, функциональную и психологическую подготовку. Все взаимосвязано).

Техническое наше преимущество подтверждает и статистика: допуская 20–25 процентов брака (только в первом тайме матча с канадцами было 32 процента), наша команда вышла на очень высокий мировой уровень, прежде такие показатели были доступны только отдельным выдающимся футболистам (сейчас конечно же звезды их превзошли). Повышение индивидуального и коллективного технического мастерства сказалось во многом и на числе голевых ситуаций (16 ударов по воротам сборной Венгрии, 20 – Франции, 22 – Канады, 24 – только в основное время – Бельгии), и на реализации их (12 мячей за 4 игры). Больше забили только чемпионы.

Выравнивание технического мастерства в сравнении с ведущими командами мира не свидетельствует, конечно, о том, что мы достигли совершенства, но сулит нам неплохую перспективу. Надо сказать, то обстоятельство, что мы не отстали в двух таких важных слагаемых игры, как функциональная подготовка и техническая вооруженность, позволяет утверждать, что мексиканский чемпионат – едва ли не первое крупнейшее соревнование, на котором советская команда не копировала чужую тактику былых времен, не догоняла, не подстраивалась под футбольную моду, а вышла на поле, имея собственное лицо, шла в ногу со временем, показав сбалансированный, гармоничный и в то же время «агрессивный» футбол. На всех участках поля и во всех фазах игры. В коллективные действия умело и вовремя вплетались индивидуальные решения игроков, целый ряд которых постоянно фигурировал в числе ведущих футболистов чемпионата. Все это придавало игре самобытность, самостоятельность, зрелищность.

В большой степени проявилось это в ключевой предварительной встрече – с французами. Соперники, прекрасно зная, что ничья в этом матче практически гарантирует им продолжение борьбы в чемпионате, и рассуждая здраво, не постеснялись, несмотря на мощь своего состава, играть с нами от обороны, причем от очень глубокой обороны. В ней было четыре защитника и два опорных хавбека – Тигана и Фернандес. Даже Платини больше участвовал в оборонительных действиях, чем в атаке, вперед он практически выходил лишь для выполнения стандартных ударов. Фактически только Жиресс и два нападающих – Папен и Стопира позволяли себе активно атаковать, хотя тоже постоянно откатывались. И все же, когда возникла необходимость, они нашли, уловили этот момент и забили ответный гол.

Стартовый состав у нас был таким же, как и в матче с венграми. Если тогда на замену Беланову и Яковенко вышли Родионов и Евтушенко, то в этой встрече Блохин заменил Заварова, а Родионов Яковенко. Отнеслись к нам французы безо всякого пренебрежения, наоборот – с большим уважением и профессиональной ответственностью. Матч получился (по всеобщему признанию) одним из лучших на чемпионате. Правда, быть может, без особых внешних эффектов, но зато внутренне содержательным. Каждая команда очень чутко улавливала не только ближайшие по времени действия другой, но и «заглядывала» на несколько ходов вперед. Заранее перекрывались все возможные пути атак. Особый интерес представляло противостояние двух групп игроков, сконцентрированных в середине поля. У французов здесь что ни футболист, то громкое имя, чемпион Европы. У нас – дебютанты крупных соревнований. Подобное противостояние приносило им громадный опыт. Безусловно, это сказалось спустя несколько месяцев, когда мы играли с теми же французами отборочный матч чемпионата Европы в Париже.

Тогда же, в Леоне, средняя линия французов была, на наш взгляд, в значительной степени нейтрализована и переиграна, особенно до того момента, как Рац спустя девять

минут после начала второго тайма открыл счет.

«Сборная Советского Союза, – заявил после этого матча Платини, – это отличная команда. Не знаю, как она выглядит с трибун, но только тот, кто на поле встречается с советскими игроками, может понять, насколько трудно играть против них. Матч с советской сборной был для нас одним из лучших, равный тем, которые мы провели на чемпионате Европы, когда продемонстрировали высокий класс и стали первыми на континенте».

Матч с Канадой можно было бы назвать проходным, если бы не одно обстоятельство: мы всерьез нацеливались только на первое место в своей группе, а его могла принести лишь победа над канадцами. И тем не менее мы пошли на коренные перемены в составе по сравнению с двумя предыдущими встречами.

Едва ли не во всех письмах, которые мы получили после чемпионата мира, задавался вопрос, почему мы выставили, по существу, резервный состав на заключительную игру группового турнира. Действительно, из каких соображений мы это сделали? Во-первых, надо было проверить ближайший резерв сборной. Во-вторых, сэкономить силы ведущих игроков, ибо, играя в жестком режиме 2, 5 и 9 июня, можно было и «посадить» команду. И наконец, надо было убедиться, кого же из тех, кем мы располагали, мы могли бы поставить на игру завтра.

Вообще, вопрос о резерве – один из самых сложных, на мой взгляд. Необходимо добиться такого положения, чтобы в команде (имеется в виду сборная) существовала конкуренция, чтобы практически на любую позицию в случае, скажем, травмы или же снижения к себе требовательности была равноценная замена и чтобы эта замена никоим образом не ухудшала игру. Высокое качество игры – это тот трамплин, с которого нужно прыгать, чтобы добиться результата.

С канадцами в стартовом составе играли Чанов, Баль, Кузнецов, Бубнов, Морозов, Литовченко, Алейников, Родионов, Евтушенко, Протасов, Блохин. Беланов и Заваров заменили двух последних и легко внесли коренной перелом в игру, первый тайм которой завершился безрезультатно – 0:0. Выиграв 2:0, мы остались в «своем» регионе, а матч с Канадой лишний раз напомнил, что с максимальным уважением нужно относиться на чемпионатах мира к любому сопернику. Впрочем, таких напоминаний в Мексике было предостаточно.

И наконец, игра, которая долго будет помниться всем, кто принимал в ней участие, кто наблюдал за ней на стадионе и по телевидению, – с бельгийцами, 1/8 финала (проигравший едет домой). Состав наш тот же, что и в первых двух матчах, лишь вместо Ларионова играл Баль.

Позволю себе познакомить вас, уважаемый читатель, с небольшим чисто информационным отчетом об этой встрече, опубликованным на следующий же день, 16 июня, в английской газете «Гардиан»:

«Сборная Советского Союза, продемонстрировавшая великолепный атакующий футбол, пока была основным виновником сенсаций на чемпионате мира по футболу. Состоявшийся вчера вечером в Леоне матч против сборной Бельгии стал еще одним незабываемым событием. Он был полон напряжения: бельгийцы дважды сравнивали счет и сумели все-таки добиться дополнительного времени.

Дель Мольтне незамеченным выпрыгнул у дальней штанги и головой послал мяч в ворота после длинного паса Геретса. Произошло это на 101-й минуте, и Бельгия впервые в этом матче вышла вперед.

Классен увеличил преимущество бельгийцев спустя семь минут, однако Беланов сократил разницу в счете мощнейшим ударом с пенальти почти сразу же после этого, сделав свой хет-трик.

Скорость и точность атак советской сборной часто просто потрясали, и бельгийцам потребовалось все их умение играть в обороне, чтобы сдерживать русских футболистов на первых минутах. Единственное, чем они смогли ответить, был удар с дальней дистанции Веркотерена, который Дасаев взял с трудом.

Кулеманс стремился при любой возможности идти вперед, и стало ясно, что для Бельгии самое худшее позади. Но на 27-й минуте советская команда забила выдающийся гол. Беланов получил мяч на подступах к штрафной площадке, двинулся вправо и неожиданно нанес пушечный удар, после которого мяч вонзился в сетку, пролетев мимо ошеломленного Пфаффа.

Вратарь сборной Бельгии все сделал правильно, вышел из вратарской площадки, чтобы сократить угол удара, но в разреженном мексиканском воздухе мяч пролетел мимо него. Может быть, Пфафф подумал, что он летит в сторону от ворот, но Беланову было лучше знать. Тому, кто считал, что русские никогда не волнуются, нужно было посмотреть на его лицо.

Бельгийцы сравнивали счет после того, как Шифо получил длинный пас, находясь в положении, подозрительно напоминавшем офсайд, и ударил с близкого расстояния. Этот гол вдохновил бельгийцев, советские игроки на некоторое время сбились с ритма, но Беланов снова вывел их вперед, послав мяч низом мимо Пфаффа.

Бельгия не сложила оружия. Еще один длинный пас (только таким способом можно было пройти в Мексике блестящее звено советских хавбеков) застал врасплох защитников, и у Кулеманса было время, чтобы принять мяч на грудь и развернуться, прежде чем он нанес удар по воротам Дасаева. И в этом случае были серьезные основания полагать, что бельгийский игрок находился в положении «вне игры».

Надеюсь, вы поймете, почему я после эпизода, описанного в последнем абзаце английским футбольным обозревателем (и не только им), эпизода, который видели все, а уж боковой арбитр тем более – он поднял вначале флажок, сигнализируя об офсайде, а потом опустил его – впервые, пожалуй, в своей тренерской практике не выдержал и подошел к кромке поля. Чтобы просто посмотреть в глаза испанскому судье. Он их опустил.

В связи с этим мне вспомнился другой матч, из другого чемпионата мира, испанского, – СССР – Бразилия. Может быть, потому что ту встречу в 1982 году проводил также испанский арбитр Кастильо.

На трибунах стояли 60 тысяч зрителей, они топали и аплодировали. Такого драматизма, такого высокого класса игры, такой упорной борьбы давно уже не было видно на чемпионатах мира. Мы проиграли 1:2, но аплодисменты публики, я уверен, были поровну поделены между бразильцами и нами.

В том матче Кастильо неприкрыто держал сторону Бразилии, футболисты которой дважды явно сыграли рукой в штрафной площадке. Когда же он не засчитал забитый Шенгелией гол, объявив положение «вне игры», каждый на стадионе смог убедиться, что советскую команду засуживают. Как рассказали нам потом переводчики, слово «негодяй» было одним из самых нежных слов, летевших с трибун в адрес Кастильо. Зрители махали ему носовыми платками, а это в Испании самое ужасное оскорбление. Испанцам было стыдно за своего соотечественника. Да, все бы запланированное тогда на игру удалось, если бы в роли судьи выступал не разбойник...

Аугусто Кастильо за плохое судейство матча СССР – Бразилия был тогда выведен из состава судейского корпуса, эксперты и наблюдатели признали его действия неправильными.

Сам же он заявил журналистам: «Я чувствую себя совершенно спокойно, ибо считаю свое судейство хорошим. Жаль, но я не видел, почему я должен был назначить пенальти». После этого, кстати, у всех судей на чемпионате проверили... зрение. Судя по всему, в Мексике это сделано не было.

Игра проходила так, как мы, в общем-то, и предполагали: давление на нас оказывалось незначительное, бельгийцы больше заботились о том, чтобы не дать играть нам, нежели играть самим и создавать острую обстановку возле наших ворот. Игра нам давалась, складывалось такое впечатление, будто соперники и не пытаются что-либо предпринять, будто они удовлетворены тем небольшим счетом, с которым проигрывают сборной СССР.

Бельгийцы сравнивали счет, мы тут же вышли вперед снова, а они и не стремились делать то, что делали в игре с нами французы. Те, как только мы открыли счет, сразу же перешли на

режим создания максимального давления. Может быть, для зрителей это было и незаметно, но игроки и мы сразу же почувствовали, что французы начали создавать давление на каждом участке поля, где только есть малейшая слабинка.

В данном же случае ничего подобного не происходило. Бельгийцы продолжали играть в медленный, на удержание мяча, футбол. Казалось, они мяч держали не для того, чтобы нас атаковать, а для того, чтобы его потом снова не пришлось отбирать и чтобы мы их больше не атаковали. Обманчивое впечатление. О самоуверенности нашей перед этим матчем не может быть и речи. Мы оценивали сборную Бельгии как команду высокого класса. Да и какие могут быть недооценки на такой стадии чемпионата? Но все же в процессе игры у некоторых наших игроков, думается, создалось впечатление, что победа, мол, не за горами. Только этим можно объяснить неряшливые действия в обороне, позволившей забивать в упор, и в атаке, когда собранности не доставало при завершении реальнейших замыслов.

Наверное, будь у нас – у тренеров и футболистов – побольше времени для совместной работы, возможностей для вариантов игры мы бы создали больше. В данном же случае создалась экстремальная ситуация: ни Чивадзе – центральный защитник, ни Ларионов – крайний не смогли участвовать в матче, и нам нужно было искать фактически двойную замену.

После игры, конечно, гораздо проще говорить о том, что были допущены ошибки, что неверно выбран состав и т. д. Для нас же самым главным было до матча правильно все проанализировать и максимально распорядиться своими возможностями.

Так вот, с учетом различной информации о состоянии наших игроков, о сопернике, которой мы обладали и которой не обладали любители футбола, мы, если бы нам пришлось еще раз начать эту игру, использовали бы только этот состав. Ошибки были. Безусловно. Даже в хорошей игре можно допустить несколько ошибок и проиграть, особенно если на ошибки эти накладываются судейские огрехи.

Что же получается? Кто мог, например, предположить, что вратарь сборной ФРГ Шумахер слабо сыграет в финале? А он очень слабо сыграл, допустил несколько роковых ошибок и фактически проиграл финал. До этого же Шумахер действовал превосходно, исключительно хорошо провел все игры. И что же, выходит, сейчас мы можем говорить об ошибке западногерманских тренеров, поставивших Шумахера на финал? Не совсем, видимо, это верно.

Мы использовали тех игроков, которые в данный момент находились на более высоком уровне по сравнению с остальными.

Правильно, думается, была выбрана и стратегия матча. Это подтвердили 90 минут основного времени: мы полностью владели инициативой, имели безоговорочное преимущество перед бельгийцами. Это сложно оспаривать – так было.

Иное дело дополнительное время. Игра несколько распалась. После мяча, забитого в наши ворота, последовал ряд неверно принятых отдельными игроками решений, сборная СССР начала играть в авантюрный футбол, что дало возможность бельгийцам остро действовать на контратаках. Но это же ничего общего не имеет с выбранной стратегией матча, «сломавшейся» на последних минутах из-за двух-трех грубейших ошибок.

И, проанализировав спустя некоторое время еще раз матч со сборной Бельгии – как он был построен и как сыгран, мы вновь убедились, что не должны были проиграть этой команде. По всем показателям. Единственная наша ошибка, быть может, заключалась в том, что не сумели мы предвидеть, что кто-то сыграет ниже своих возможностей.

«Вы побоялись взять на себя ответственность. Видя, как играет Дасаев, надо было поставить в ворота Чанова». Подобные мнения высказывались после чемпионата и в письмах, и в разговорах. Что же, может быть, и так. Но ведь мы надеялись, что вратарь такого класса, как Дасаев, а он действительно голкипер высокого класса, на решающих играх, даже если плохо проведены предыдущие, соберется и выступит на высоком уровне. Нельзя сказать, что Дасаев подвел команду, но он ее не выручил. Свой же класс, надо отметить, Дасаев подтвердил в осеннем матче в Париже с французами.

«Почему были сделаны замены в игре с Бельгией?» – вопрос из тех же писем и разговоров. Только по одной причине: Яковенко и Заваров уже так устали, что не могли делать то, что от них требовалось. Правда, ни Родионов, ни Евтушенко не сыграли тогда так, как хотелось бы.

Понятное дело – у нас было очень мало времени. Отсюда и разнородность состава по подготовленности, по уровню восприятия и понимания игры, психологической устойчивости. Не последнюю роль – для вариативного выбора стартового состава – сыграли и травмы некоторых футболистов.

А отсутствие достаточного опыта у большинства игроков в турнире такого высокого ранга? Умение рационально использовать свои физические и духовные возможности приходит только с накоплением опыта, со зрелостью.

Конечный результат огорчил нас. Огорчил всех. Но есть и иной, не видимый глазу результат. Меня лично он радует. В процессе подготовки и выступления на чемпионате мира окончательно сформировался единый коллектив – сборная Советского Союза. Не секрет, что многие усматривали в мексиканском варианте сборной еще один вариант киевского «Динамо». Но нет, нет и нет! Это – не так! И радует, что футболисты этой сборной приняли как должное предложенную программу подготовки, потому что поверили в нас. Это и стало залогом их хорошей игры.

Мексиканские матчи еще раз убедили футболистов и тренеров, что уверенность в игре обретается вместе с уверенностью в высоком уровне своей готовности. Несмотря на относительную неудачу, сборная СССР в Мексике показала возможности советского футбола, заслужив признание специалистов и любителей. Да и дома нас встретили так, словно не с десятым местом приехали, а с наградами, даже неловко временами было. Конечно, приятно было видеть, как оценили наше выступление в Мексике в целом, но, откровенно говоря, из-за отсутствия конструктивной, деловой и серьезной критики осталась какая-то неудовлетворенность. Нас хвалили за качество игры, но ведь главное в футболе – результат, а его-то мы не добились...

Естественно, двигаться вперед можно, только выработав долгосрочную программу подготовки команды и ее ближайшего резерва. Надо не начинать каждый раз сначала, как это случалось еще совсем недавно, а продолжать начатое. Хватит ли у нас и у наших руководителей терпения? А главное – будет ли достаточно времени? Ах, как оно необходимо! Не месяц, не год, не два даже.

Чтобы это стало предельно ясно, сошлюсь на такой пример. Знаете, сколько времени потратили мы в клубе своем, чтобы сверкнули в европейских и мексиканских играх наши молодые игроки? Это только Яремчук, словно метеор, прилетел к нам из второй лиги, но и он в команде был почти два года. На Заварова ушло три года, на Кузнецова и Яковенко – по четыре, на Раца – пять лет!

Нужна самая «малость» – время, терпение и понимание.

На одном из весьма представительных совещаний, на котором решались вопросы футбола в масштабе страны, мне довелось выслушать удивительное выступление одного крупного специалиста в области спорта, в прошлом – выдающегося спортсмена, заслуженного мастера спорта. Фамилию не называю только из уважения к его заслугам. А услышанное поразило меня и безапелляционностью и некомпетентностью.

Специалист этот в качестве проверяющего побывал весной на учебно-тренировочной базе одной из команд мастеров. И какие же выводы он сделал для себя (если бы только для себя!)? С высокой трибуны прозвучали набившие оскомину упреки: футболисты тренируются мало, не выдерживают заданные объемы тренировочных занятий и даже – какой ужас! – просыпаются в девять утра...

На последний упрек возразить просто: в это время года в восемь утра еще темновато – тренироваться нельзя. Сложнее отвести претензии по поводу мягкости тренировочного режима. Для этого надо углубляться в дебри тренировочного процесса.

Комичность ситуации состояла в том, что уважаемый специалист был совсем из

другого вида спорта, сугубо индивидуального, не командного, больше того, он был... женщиной, в футбол, разумеется, никогда не игравшей. Вникнуть в специфику футбола ей конечно же непросто.

Между тем трудами наших ученых и поисками тренеров практиков уже доказано, как теоретически, так и практически, что речь следует вести не о мягкости или жесткости режима, а о его оптимальности.

В бездумной погоне за валом (тренироваться в год 750 часов и баста! Кто больше?) можно упустить качество работы. Работать надо прежде всего полезно – добиваться того, чтобы тренировочный режим стал истинно тренирующим, чему в первую очередь способствует разработанный и утвердившийся в последнее десятилетие интервальный метод подготовки. Он напрочь исключает «почасовой вал».

Что же касается распорядка дня того или иного клуба, то тренеры составляют его, исходя из объективных условий и возможностей, из требований того или иного этапа подготовки. Рассказал я этот забавный случай, чтобы лишний раз напомнить, к каким потерям может привести некомпетентность, как часто волевые решения мешают нам двигаться поступательно.

Необоснованные выводы в прошлом, когда игнорировались мнения специалистов-профессионалов, нередко заставляли нас все начинать с нуля. Не случайно, конечно, в партийных решениях последнего времени взят такой твердый курс на борьбу с некомпетентностью. Это не может не радовать.

У нас, к сожалению, в последние годы наметилось замедление эффективности работы по подготовке футболистов, уровень готовности которых мог бы внести заметный вклад в тактическую структуру игры и стратегию командных действий. Затрачиваемых энергии, времени, средств – порой из-за расплывчатости, нечеткости взглядов, легших в основу принципов, – не хватает, чтобы готовить футболистов «для завтра». А «для сегодня» не можем, поэтому получается – «для вчера».

Хорошо, если встретится талантливый человек – его даже в рамках уже сложившихся взглядов удастся подготовить так, что среди общей массы футболистов он выделяется. А если нет?

Уровень подготовки футболистов – в том числе детей и юношей – по многим параметрам остается весьма невысоким. Удручает состояние нашей материально-технической базы – наверное, одно из последних мест мы занимаем по этому показателю в мире. Разве можно вырастить игроков высокого класса, занимаясь футболом на асфальте или бетоне? Разве не грустен тот факт, что на каждых 300 футболистов у нас в стране приходится лишь по одному полю? Но ведь поля делать куда легче и проще, чем опережать зарубежных соперников в футбольной науке... Без резкого общего улучшения материально-технической базы нашего футбола, в том числе и массового – питательной среды! – далеко продвинуться сложно.

Футбол – не просто игра. Надеюсь, будут небезынтересны некоторые факты и гипотезы об исторической и социальной его эволюции.

Проблемы образа жизни людей – различных социальных групп, общества в целом – в последние годы привлекают все большее внимание ученых, исследователей, государственных деятелей. В этом свете важное значение имеет реальная оценка места футбола в жизни людей.

Футбол приобрел огромную социальную значимость. Сможет ли читатель назвать хотя бы одну страну в мире, в которой футбольные вопросы не дебатировались бы с такой же страстью, как, скажем, вопросы экономики или искусства? Скорее всего нет. Футбол заполнил прессу, телевидение, радио. О футболе пишут прозу и стихи, ставят спектакли. Вместе с тем футбол испытывает огромное влияние других социальных явлений.

В чем специфика футбола как особой формы жизнедеятельности людей, каковы взаимоотношения этой формы с другими? Какие конкретные социальные функции выполняет футбол в жизни людей?

Авторитетный еженедельник «Франс футбол» приурочил к началу мексиканского чемпионата статью одного специалиста-социолога из ФРГ под названием «Футбол и общество». Автор прослеживает развитие игры от средства воспитания характера, каковым был футбол в колледжах, до, как он выражается, «борьбы за выживание, в которой единственной вещью, имеющей значение, является победа». Безусловно, это взгляд буржуазного социолога, воспевающего отбор как единственный движитель жизни людей, и легко доказать его классовую ограниченность.

Но посмотрите, как раскрывается тема дальше.

Любая группа, пишет автор, которая под психологическим давлением общества вынуждена принимать решения, затрагивающие интересы как отдельных членов, так и всей группы, обычно разделяется в определенное время на тех, кто «за», и на тех, кто «против». Таковой является основная модель поведения, которую можно наблюдать в современных ситуациях и которая отражает поведение болельщиков на стадионе во время футбольного матча. Поэтому не будет преувеличением заявить, что футбольные матчи выполняют социальную функцию не только в символическом смысле, но и в качестве фактора стабилизации общественной жизни. Это особенно справедливо по отношению к проблеме агрессивности, с которой сталкивается, как утверждает автор, любое общество. Футбол, по мнению автора, оказывается барометром социальной напряженности, весьма чувствительным к малейшему повышению давления, то есть он чутко указывает на социальный климат общества. Естественно, это не является назначением футбола, а лишь одной из его социологических характеристик.

Возникает вопрос: а не слишком ли легкомысленно относимся к футболу мы, считая его лишь средством развлечения? От такой упрощенности взгляда страдает сам футбол.

Ведь совершенно очевидно, что футбол – я имею в виду так называемый большой футбол, или футбол мастеров – влияет на настроение людей, а опосредованно – на их трудовую деятельность. Футбол мастеров стал неотъемлемой частью культурной жизни обширнейших регионов нашей страны. Из среды популярных футболистов молодежь выбирает образцы для подражания. На высшем спортивном уровне футбольные поединки затрагивают престиж наций и государств.

И присмотритесь внимательно к внутренней жизни футбола. Игроки команды мастеров давно не ищут в своем спортивном увлечении приятельских развлечений. Тренировки давно утратили характер товарищеских встреч или занятий, во время которых можно любоваться природой. Жизнь игрока футбольной команды мастеров аскетическая, сознательно избегающая малейших житейских соблазнов. Он занят делом, занят трудом, результаты которого еженедельно оцениваются сотнями тысяч самых взыскательных «контролеров ОТК».

И еще хочу добавить, что в футболе давно уже нет «естественного отбора», а есть подбор исполнителей, обладающих различными определенными природными качествами, развитыми постоянной тренировкой. Команду создает тренер, пользуясь тестами специальной годности, контрольными приборами классификации.

Всему этому пора найти современное толкование, определить место в системе нашего социалистического мышления. Тогда не будут будоражить умы аморфные рассуждения о профессионалах и любителях. Прекратится разноречивая в оценке вклада футболистов в общественную жизнь и трудовую копилку страны, что все очевиднее тормозит рост мастерства наших команд.

Такого напряженного, каким выдался сезон, проходивший под знаком «Мехико-86», в своей тренерской практике не припомню. Уже в конце августа нашей команде, на которую выпали значительные нагрузки, казалось, что все уже сыграно: позади четвертьфинальные, полуфинальные, финальный матчи розыгрыша Кубка обладателей кубков, чемпионат мира в Мексике, значительная часть игр первенства и Кубка страны, сложные и престижные для нашего футбола международные турниры в Амстердаме и Мадриде.

Впереди же были старт в Кубке европейских чемпионов, участие большинства киевлян

в отборочных играх чемпионата Европы, продолжение упорной борьбы в первенстве и Кубке СССР: едва ли не две дюжины матчей за три месяца. Легко прикинуть, что в среднем на поле мы выходили через три-четыре дня. Кто-то верно подсчитал, что в самолетах мы провели гораздо больше времени, чем играли.

Но наступил год 1987-й, и с первых же его дней все началось сначала.

Глава 3. Начиналось это так, или акценты ставит время

В организованный футбол – в республиканской футбольной школе – я начал играть в довольно зрелом даже для тех времен возрасте: мне исполнилось 16 лет. Честно говоря, относился к футболу поначалу как к занятию, способному отвлечь от напряженной умственной работы. В общеобразовательной школе старался изо всех сил, окончил ее с серебряной медалью и поступил в политехнический институт: детская мечта стать шофером сменилась мечтой получить диплом инженера. Получилось же так, что я стал «футбольным инженером». Не думаю, что наша инженерия в чем-либо проиграла от этого выбора, я же о нем не жалею, несмотря на всю неожиданность окончательного решения, которое мне пришлось принимать, возглавив в конце 1968 года днепропетровский «Днепр».

Не могу не вспомнить о людях, с которыми свела меня судьба и которые оказали огромное влияние на мое становление. Тогда, правда, ни они не ведали об этом, ни тем более я. Как и сейчас, к примеру, я не знаю, кто из тех игроков, с которыми работал и работаю, возглавит через энное число лет, скажем, киевское «Динамо». Хотелось бы верить, что кто-то из них и станет в Киеве старшим тренером, уже сейчас желаю ему удачи.

Перед сезоном 1959 года меня вместе с большой группой молодых игроков пригласил в киевское «Динамо» Олег Александрович Ошенков (это его сын ведает у нас сейчас всеми информационными вопросами, своего рода пресс-атташе клуба; изменение же одной буквы в фамилии – Ошемков – объясняется просто: когда Олег Александрович получал документы, в запись вкралась опечатка, и он стал Ошенковым. Сын эту опечатку исправил). К этому времени я относился к футболу гораздо серьезнее, чем на первых порах. Во всяком случае, не только сам играл и тренировался, стараясь освоить все премудрости игры, но и выкраивал свободное время, чтобы посмотреть матчи команд мастеров, читал все о футболе, словом, начинал им жить.

Ошенков, известный прежде как игрок ленинградских команд «Динамо» и «Зенит», возглавил киевское «Динамо» в 1951 году. Убежден, что именно тогда началось постепенное восхождение киевского клуба на высшие позиции в нашем футболе.

Постепенное, но – восхождение. Ошенков начал в киевском «Динамо» коренную ломку старых представлений о футболе. Раньше как было? Заканчивался сезон, наступала «зимняя спячка», во время которой кто в хоккее играл, кто делал одолжение – себе ли, тренеру? – и приходил в зал побаловаться мячиком, кто вообще ничего не делал несколько месяцев. Ошенков эти обычаи поломал. Уже в январе все, будьте любезны, в зал для тщательно продуманной работы по физической подготовке, в которую он иногда даже включал элементы... бокса. Игры – на снегу, не дожидаясь, когда он растает, ничего страшного, полезно, и удовольствие огромное. Новый тренер настоял, чтобы все футболисты учились – в вечерних школах, техникумах, институтах, справедливо полагая, что общая культура необходима для футбола, интеллектуальный уровень которого постоянно возрастает. Это положение верно и по сей день. При равной степени одаренности, положим, двух игроков, тот из них, вне всякого сомнения, длительное время будет демонстрировать высокий класс, кто воспитан и образован лучше. Возможности его выше.

Именно с Ошенкова начался в киевском «Динамо» период постепенного преодоления психологического барьера, связанного с безраздельной гегемонией в советском футболе трех столичных команд – «Спартак», «Динамо» и армейской. Это совсем непростое дело – заставить людей поверить в возможность ликвидации «монополии» на чемпионство. Предопределено, казалось тогда, что первое место московские команды разыгрывают между

собой, а уж остальным – что достанется. По этой только причине как сенсационные восприняты были победы «Зенита» (1944) и киевского «Динамо» (1954) в Кубке страны.

Другое дело, что Олегу Александровичу довелось период этот только начать, обозначить, а продолжили другие, но такова тренерская жизнь: неудача – и тебе ищут замену, о чем ты не всегда даже догадываешься.

Не хочу рассуждать на тему, справедливо это или нет. Примеров «за» и «против» можно привести много. Но команда принадлежит не тренеру. Она – под властью людей, от реальностей футбола чаще всего далеких, но желающих видеть ее, «свою», впереди. Желательно причем постоянно впереди. А так не бывает.

Ошенков уже во втором своем сезоне в команде вывел ее на второе место, а два года спустя, в 1954 году, киевское «Динамо» под руководством Олега Александровича привезло домой первый свой всесоюзный приз – кубок, выиграв 20 октября на московском стадионе «Динамо» финал у ереванского «Спартака» -2:1. И дальше все шло вроде бы неплохо: 1955-й – шестое место, 1956-й – четвертое. Киевские игроки Виктор Фомин, Виталий Голубев, Олег Макаров первыми в послевоенное время были включены в состав сборной СССР, выступали за нее в товарищеских матчах в Индии.

Четвертая строка в таблице 1956 года заслуживает особого внимания.

Ошенков относился к разряду тренеров, постоянно следивших за развитием футбола у нас в стране и за рубежом, стремился получить всю доступную информацию. Закостенелость тактической схемы, известной под названием «дубль-ве», равно как и ее нескольких модификаций, Ошенкову была ясна. Но как вырваться из этого тупика? Как, с помощью каких методов преодолеть шаблон, к которому привыкли футболисты? Ведь нестандартные действия даже одного игрока могли привести в смятение соперника.

В 1947 году попытался «взорвать догму» Борис Андреевич Аркадьев. Тактические изыскания привели его к схеме 3 – 3–4. Он разучивал ее с футболистами ЦДКА на южных сборах, переведя одного из пятерки форвардов в среднюю линию. Но в официальных матчах новшества так и не увидели: у Аркадьева не оказалось тогда нужных исполнителей.

Идея подобной схемы заключалась в следующем: во-первых, «спрятать» одного из форвардов от персональной опеки; во-вторых, усилить атаку благодаря непредсказуемым действиям одного-двух (лучше – всех трех) хавбеков. Для реализации идеи нужна была «малость»: наличие в составе двух-трех высокотехнических, физически мощных и выносливых полузащитников, способных не только регулярно атаковать из второго эшелона и вклиниваться в первый, но и постоянно обороняться, когда это необходимо, не «проваливаться».

Думаю, если бы Аркадьеву в то время удалось задуманное, наш футбол в совершенно ином свете выглядел бы на чемпионате мира 1958 года, в котором впервые приняла участие советская сборная.

Но, к сожалению, дальше проб дело не пошло. Не вышло ничего и у Ошенкова.

Тогда, в 1956 году, в составе киевского «Динамо» были три футболиста, на которых очень рассчитывал Олег Александрович в плане реализации новой идеи. Прежде всего два полузащитника Юрий Войнов и Эрнст Юст, а также Анатолий Кольцов, которому Ошенков определил место центрального, как мы сейчас говорим, полузащитника.

Аркадьев был тысячу раз прав: только результат способен подтвердить достоверность, истинность новшества, даже если оно, это новшество, поднимает футбол на новую ступень развития.

Первые же матчи по новой тактической расстановке принесли не только ничьи и поражения (причина их, как представляется, кроется не в том, что стали играть по-новому, а в чисто объективных обстоятельствах – возрасте игроков, их постепенном вхождении в форму и т. п.), но и массу отрицательных рецензий на матчи киевлян, которых упрекали во всех смертных грехах и в главном из них – переходе на оборонительную тактику.

Уменьшение числа нападающих (а то, что их стало меньше, видно было невооруженным глазом) вызвало резкую критику, обвинения в защитных тенденциях. При

этом не желали замечать, что атака при новой расстановке, напротив, усиливается, приобретая больше элементов внезапности и повышая общий игровой уровень надежности.

Что делать тренеру в том случае, когда нет результата, когда со всех сторон слышится критика, когда его обвиняют в несостоятельности, когда задуманное им новое представляется публике и общественности трусостью? Есть два пути. Первый – прекратить всяческие эксперименты, вернуться к апробированным способам ведения игры, тем более что сиюминутный результат они гарантируют в гораздо большей степени, нежели те, на разработку которых необходимо время. Второй – продолжать, ни на шаг не отступая от цели. Несмотря на поражения и критику, на ропот и непонимание. Путь этот намного сложнее. Тренерам нужно доверять. Недоверие превращает их, зачастую весьма и весьма способных, в ремесленников.

Воздействовали на Ошенкова тогда две стороны: руководство и игроки, большинство из которых находились в солидном для футбола возрасте, новое они воспринимали с трудом, в форму входили медленно, постепенно, и основные их помыслы направлены были на то, чтобы им не мешали жить и играть так, как они привыкли.

Тренер был вынужден сначала пойти на попятную, отказаться от новаторства, а затем – и уйти из команды. Как выяснилось, на два года, в течение которых всем – и руководителям, и футболистам – стало ясно, что отсутствие жесткости, целенаправленности в работе приводит к гораздо худшим последствиям, нежели отсутствие очков, – команда становится средней, она довольствуется малым и счастливо себя при этом чувствует.

Это – не тогдашняя моя оценка, тогда я был зеленым юнцом и не разобрался в хитросплетениях взаимоотношений между игроками и тренерами. Оценка сегодняшняя.

Полагаю, Олег Александрович не принял бы новое приглашение, если бы догадывался, что оно ненадолго, всего на несколько месяцев. Впрочем, судить трудно, он очень любил киевское «Динамо».

Подготовка к сезону 1959 года была скомкана не по вине вернувшегося Ошенкова. В конце предыдущего года «Динамо» провело утомительнейшее сорокадневное турне по Египту, Судану и Эфиопии и вернулось домой после Нового года в «разобранном» состоянии. Ни о какой серьезной насыщенной разнообразными тренировками программе не могло быть и речи. Только постепенный ввод в форму. Контрольные матчи на южных сборах команда провела неплохо, но на пресс-конференции в Киеве Ошенков дал им реальную оценку: «Команда значительно омолодилась. Это создает хорошие перспективы. Но потребуется еще немало времени, пока сплав молодости и опыта достигнет необходимой прочности. Победы будут, но не сразу. Может быть, даже не очень скоро. Однако к концу сезона многие новые игроки станут опорой команды. И пусть удачные контрольные матчи не настраивают на благодушный лад. Они ровным счетом ни о чем не говорят. Вы поймете меня, если допустите, что на юге не так мы были хороши, как еще плохи другие команды. Но они разыграются, и тогда нам станет трудно, потому что мы еще не «переболели» процесс омоложения команды».

Признаться, слушать такой прогноз на сезон многим было неприятно. В команде сложилось общее мнение, что тренер специально «темнит», нас убаюкивали победные результаты в товарищеских матчах, когда мы обыгрывали всех подряд. Но начался чемпионат, и выяснилось, что прав оказался Ошенков – теперь уже нас обыгрывали все, кому не лень.

Искать Ошенкову первое время не мешали. Он с удовольствием вернулся к схеме 3-3-4, мы ее с удовольствием приняли, чувствовали, что прибавили, а очков... не было, каждая ничья воспринималась как желанный результат.

Тренера нашего стали нещадно критиковать. Он просил только одного – времени и терпения. «Время, – говорил он, – создаст перелом». Ему не хотели верить. И отстранили в разгар сезона после того, как мы проиграли в Москве «Локомотиву» – 0:3. Перед следующим матчем, со «Спартаком», нам сообщили, что в команде новый тренер – 34-летний Вячеслав Дмитриевич Соловьев.

Победа тогда над спартаковцами 1:0 не свидетельствовала о резкой перемене в игре и настроении. Новый тренер только знакомился тогда с командой, в целом крепкой и сплотившейся, как ни парадоксально, будучи под огнем критики и во власти постоянных неудач.

Футболисты, как водится в таких случаях, моментально навели справки о новом наставнике, но ничего, кроме того, что он блистал в знаменитой «команде лейтенантов» и беспощаден к нарушителям режима, узнать не смогли. Последнее обстоятельство давало основание предполагать, что в команде воцарится железная дисциплина.

Не буду заострять внимание на всех событиях турнирной борьбы и жизни команды того периода. Все они достаточно описаны в футбольной литературе, и жаждущих получить дополнительную информацию я отправляю к книге нашего голкипера Олега Макарова «Вратарь», изданной в Киеве в 1963 году.

Расскажу лишь о Вячеславе Дмитриевиче Соловьеве, с которым мы до сих пор, несмотря на разницу в возрасте, поддерживаем дружеские отношения, и к его советам я внимательно прислушиваюсь.

Обаятельный человек, Соловьев-тренер не душил нас своим авторитетом игрока, был тактичен и исключительно требователен. Мы не могли, например, поверить, что он отчислит за нарушение режима на сборе ведущего центрального защитника, игрока в то время уже «в возрасте», но опытного и надежного. Соловьев как сказал, так и сделал, не став слушать ничьих возражений. Ему хотелось создать чистый во всех отношениях молодежный коллектив в киевском «Динамо», в честлюбии молодых он видел перспективу и решительно шел к намеченной цели. «Сила команды, – говорил Соловьев, – начинается с дисциплины и порядка. О них я буду печься, не щадя усилий, и добьюсь своего».

Настойчивым был Вячеслав Дмитриевич и при изменении функций игроков. Это сейчас футбол настолько универсален, что постоянные переводы из линии атаки в полузащиту или же из обороны в середину поля ни у кого не вызывают удивления. Тогда же амплу было свято. Мне нравилось играть центральным нападающим, я и представить себе не мог другого места, а Соловьев предложил мне левый край. «Как левый? Он что, затирает меня, хочет перевести на фланг, где возможностей-то никаких нет, «спрятать» меня там?» – думал я тогда и до хрипоты спорил с тренером, который сумел перебороть мое упрямство и настоять на своем.

Где-то прочитал, что Соловьеву было, дескать, легко осуществлять любые перестановки игроков. Мы, мол, безропотно меняли амплу в интересах команды, и это помогло нам определиться на тактических позициях, способствующих нашему признанию. Нет, все обстояло не так просто, как казалось со стороны.

Другой вопрос, что в целом в команде тогда установилась деловая, товарищеская атмосфера. И истинный факт – стремление каждого видеть свой клуб на передовых позициях.

При Соловьеве, уделявшем огромное внимание розыгрышу и исполнению стандартных ситуаций и справедливо полагавшем, что в результативной их реализации кроется немало игровых резервов, я стал разучивать подачу угловых ударов: один и в паре с Олегом Базилевичем, на общей тренировке и в индивидуальной, в жару и слякоть, на нашей базе и на стадионах других городов – но несколько сотен корнеров в день.

С утра до ночи Вячеслав Дмитриевич убеждал нас в том, что мы сильнее всех остальных и уверенность в своей силе должны зарубить себе на носу, а иначе ничего серьезного не добьемся. Соловьев никому не давал обещаний: «станем призерами или чемпионами», но нам мысль о возможности достижения самых крупных в истории киевского «Динамо» успехов внушал постоянно, и прониклись ею все.

Сила убеждения – великое дело. Нас не смущали даже такие поражения в первом круге предварительного турнира 1960 года, как 1:5 от «Адмиралтейца». Прибавив значительно в круге втором, мы стали поговаривать ни много ни мало, как о золотых медалях, и здесь уже Соловьеву приходилось нас сдерживать, не нас даже, а наше залихватское настроение.

«Поймите, – говорил он, – переоценка собственных возможностей не менее опасна, чем недооценка. Мы только-только стабилизировали состав, что торпедовцы сделали давно. Не собираюсь вас уговаривать не гнаться за ними, но как бы в этой погоне вы не перегорели до такой степени, что на финише и другие вас сомнут».

Перед очной встречей в Киеве – центральным, пожалуй, событием сезона – у нас оставались шансы на то, чтобы обойти автозаводцев внутри «золотой шестерки» команд, оставшихся после предварительного турнира, – такова была тогда формула первенства. Это могло произойти только в случае нашей победы. Поражение же фактически выводило в чемпионы «Торпедо».

Ажиотаж вокруг того матча я каждый раз вспоминаю, когда вижу переполненные трибуны киевского стотысячника перед официальным международным матчем. Тогда, правда, все было обставлено несколько торжественнее – музыка, горы цветов...

Наполовину наши надежды убил Борис Батанов, забивший мяч уже на третьей минуте. Но нас нельзя было остановить. Счет мы сравнили (Виктор Серебряников), а затем произошел момент, который мы иногда с Йожефом Сабо вспоминаем и переживаем до сих пор. Мы вдвоем остались против пустых ворот – нас вывел Базилевич, хотели протолкнуть мяч за линию, но только помешали друг другу и пробили выше. Следующий момент приходит на память, когда видишь недобросовестное судейство. Сабо сделал точнейшую передачу на вылетавшего из глубины Базилевича, удар – гол, огорченный вратарь торпедовцев Пеликанов кричит на своих защитников, понуро стоящих перед воротами, а затем зло швыряет мяч в центр поля, куда мы уже бежим, счастливые и довольные. Но... арбитр Крылов не позволил нам радоваться долго (а может быть, и не позволил стать чемпионами – уже тогда?), принял совершенно абсурдное решение, назначив от ворот «Торпедо» свободный удар за мифическое положение «вне игры». Второй гол забili соперники, в конце матча мы трижды попадали в штангу, но, как говорит Михаил Иосифович Якушин, «удар в штангу есть не что иное, как разновидность промаха».

Прав оказался тогда Соловьев: игра с «Торпедо», прорвавшим брешь в чемпионской гегемонии «Спартак», «Динамо» и ЦСКА, отняла у нас столько сил и нервной энергии, что мы едва не лишились не только «серебра», но и «бронзы». Лишь ничья или победа в последнем матче в Ростове-на-Дону могла принести нам второе место. С огромным трудом мы сыграли 1:1.

Накануне 1961 года Вячеслав Дмитриевич в беседе с рядом ведущих игроков команды высказал идею о некотором изменении тактического рисунка в игре киевского «Динамо». «Мы будем не правы, – сказал он, – если механически начнем осваивать бразильскую схему 4-2-4: у нас нет для этого исполнителей в линии обороны. Но мы должны разумно использовать тех, кто есть. В центре обороны должен быть создан плотный заслон из двух центральных защитников, один из которых при пашей атаке моментально идет вперед и усиливает полузащитников, и одного хавбека, назовем его для себя «стержневым». Когда мячом владеют соперники, нечего всем нападающим «околачиваться» впереди, двое из них обязаны составлять самый первый эшелон обороны». Схематично это выглядело 4–4–2 при обороне в 3-3-4 при атаке. При такой игре должна была быть налаженной до автоматизма система взаимозаменяемости, взаимостраховки и перемещений в нужный момент. Этим мы и занимались в первые же дни нового сезона.

Идеальной с точки зрения реализации разработки получилась игра с теми же торпедовцами в первом круге финального турнира (из десяти теперь уже команд – чемпионат проходил вновь по новой формуле) в Киеве. Москвичи были впереди нас на очко, хотя перед началом финального турнира разница составляла четыре очка. Победа выводила нас в лидеры.

Болен был ведущий хавбек команды Войнов. Линию обороны составляли Кольцов, Щегольков, Турянчик и Сучков, среднюю зону вместе с Щегольковым и Турянчиком контролировал мобильный Сабо. Полузащитников было двое – Сабо и Биба, но при потере мяча к ним моментально подключались Трояновский (вот кто так и не раскрылся до конца,

хотя имел фантастические данные – он умел в футболе абсолютно все!) и Серебряников. Проблем в этом матче у нас не было никаких, игра шла в одни ворота, и Трояновский и Биба забили по голу. К моменту ответной встречи мы опережали «Торпедо» на три очка, ничья в Москве 1:1 оставила все на своих местах, и 17 октября 1961 года в матче с харьковским «Авангардом» киевское «Динамо», выступавшее на своем поле, могло впервые стать чемпионом.

И стало. Еще не закончилась игра (счет был 0:0), как по стадиону объявили, что торпедовцы проиграли в Ташкенте и мы – чемпионы!

Спустя 25 лет, 17 октября 1986 года, мы сидели в номере московской гостиницы «Пекин» с Вячеславом Дмитриевичем Соловьевым. Я был в Москве в командировке, он заехал повидаться. Мы и не вспомнили бы об этой дате, если бы не заговорил о ней заскочивший на минутку наш друг народный артист СССР Олег Иванович Борисов, работавший в свое время в Киеве в театре Леси Украинки, затем в ленинградском БДТ, а сейчас – во МХАТе. И началось: «А помнишь... Болельщики... Пономарев...»

«А помнишь, Валерка, – сказал мне Соловьев, – как ты тогда после игры заявил: сейчас такое состояние, что, кажется, могу до сорока лет играть!» Что ж, мне тогда было 22, я и представить себе не мог, конечно, будучи в чемпионском настроении, что играть мне судьбой определено еще шесть с половиной лет, а потом...

«Болельщики, – вспомнил Борисов, – в каком-то едином порыве свернули принесенные с собой газеты в жгуты и подожгли их. Весь стадион – в факелах. Незабываемое зрелище!» Куда уж там забыть. Факелы запылали во время игры, после объявления результата «Торпедо», и на поле было довольно жутковато. Кто-то из наших подбежал к арбитру и сказал: «Товарищ судья, может быть, закончим, а? А то ведь сейчас стадион вспыхнет».

«Пономарев покойный, Александр Семенович, тогда «Авангард» тренировал, – рассказал Соловьев. – Скамейки почти рядом были. Так, когда диктор информацию из Ташкента выдал, он подбежал, обнял – когда вы еще видели, чтобы тренер соперников во время игры с поздравлениями подбегал! – и сказал: «Наконец-то и киевское «Динамо» в чемпионы пробилось».

Да, играть мне оставалось шесть с половиной лет. В киевском «Динамо» – и того меньше, до 1964 года, когда я провел в основном составе всего девять матчей из тридцати двух. К тому времени тихонько убрали из команды Соловьева (пятое место в 1962 году и неудачи в 1963-м заставили его временно передать бразды правления Виктору Терентьеву, которого, в свою очередь, заменил Анатолий Зубрицкий. С января же 1964 года киевское «Динамо» возглавил опытный Виктор Александрович Маслов, с командой которого – «Торпедо» – мы так упорно сражались в 1960 и 1961 годах).

Маслов – тренер от бога. В «Торпедо» его постигла судьба, вполне характерная для представителей тренерской профессии, одной из самых бесправных профессий в стране. О том, что он больше не руководит клубом, который приводил к «дублю» – победе в чемпионате и Кубке, Маслов узнал из уст то ли секретарши, то ли уборщицы. С ним даже не захотели разговаривать те, кто еще вчера превозносил его тренерские качества до небес, равно как и успехи возглавляемой им команды. Ему не простили второго (!) места в первенстве и поражения в финале Кубка. Сверхбеспардонное отношение к специалисту со стороны дилетантов. Он не переносил дилетантов. Но их больше, и за ними – сила.

Его чутье на футбольные новшества было поразительным. Он предвосхищал многие тактические находки, а также новинки в тренировочном процессе, которые мы потом с восторгом перенимали из-за рубежа, забывая, что они появлялись и у нас, но не были поняты и должным образом оценены. Так случилось, к примеру, с тактическим построением в четыре хавбека. Маслов в киевском «Динамо» апробировал эту систему еще до того, как она «прозвучала» на чемпионате мира 1966 года в исполнении англичан.

Виктор Александрович, как опытный камнетес, отсекал все лишнее, чтобы вырубить модель команды, способной воспроизвести придуманный им образ игры, вполне реальный образ вполне надежной игры. «Нельзя требовать от футболиста того, – говорил он, – что он

не в состоянии выполнить. Надо либо приспособливать новшество так, чтобы дарование игрока было наилучшим образом использовано, либо искать другого исполнителя, что мы и делаем в киевском «Динамо». Это не рецепт, а принцип».

Внешне грубый, недоступный, он даже при самых жестоких разносах старался оставаться справедливым, потому что сам много натерпелся от несправедливости. Он понимал, что киевские динамовцы начали потихоньку отставать в плане организации игры от основных соперников, и первейшую свою задачу видел в том, чтобы сделать команду структурно более подвижной, мобильной, применяющей более сложную систему взаимозаменяемости, отказавшейся от игры в обороне устаревшим методом – силами в основном защитников. Природный ум, которым обладал Маслов, помог ему играючи и в одночасье определить все лучшее, что осталось у команды после работы с ней Ошенкова и Соловьева, сохранить это и дополнить своим, новым.

Маслов морщился, когда мы с Базилевичем, получая мячи на флангах, как и прежде демонстрировали технику на месте, технику обводки по своим «желобкам». Он хотел – и требовал от всех без исключения игроков – значительного расширения диапазона действий, неутомимых маневров в атаке по всему ее фронту, заставлял освобождать фланговые зоны для внезапных подключений по ним полузащитников и даже защитников, неукоснительно претворял в жизнь один из основополагающих своих тактических принципов – постоянное создание численного большинства во всех фазах игры, боролся всеми методами против передержек мяча, красотей ради красотей, громко клял тех, кто ожидал пас, стоя на месте.

Для того чтобы играть так, как он требовал, нужны были несколько иные тренировочные методы, нежели те, которыми в команде обходились прежде. Маслов видоизменил и характер тренировок, и тренировочные средства, серьезный акцент сделал на атлетическую подготовку как в подготовительном периоде, так и во время чемпионата.

Не стану утверждать, что новшества Маслова понравились всем. Мы – и я в том числе – наивно полагали, что вполне можно было бы обойтись известными нам способами ведения тренировок, не меняя при этом так кардинально организацию игры. Нам не дано было тогда понять то, что уже понимал Маслов. Я дискутировал с тренером по ряду вопросов и был убежден в своей правоте. Я считал более разумным в соревновательный период, когда много нагрузок выпадает в матчах, тренироваться только с мячом. Не мог я понять, зачем всем надо делать одинаковый объем работы, я считал, что одна группа людей должна быть занята в основном так называемой черновой работой, а другая – «ювелирной», благодаря которой и ставится точка в общем успехе. И наконец, гораздо ближе мне по игровому духу были привычные методы игры, традиционные проходы по флангу, пусть затяжные по времени, но красивые и эффективные, и мне трудно было поверить, что они тормозят командную игру.

Тренерская правота Маслова оказалась намного выше моей правоты игрока. Я не собираюсь рассуждать на тему, стоило ли Маслову возиться тогда со мной и обращать в свою веру, но сейчас бы я, по всей вероятности, поступил бы с Лобановским игроком так же, как поступил он: разругавшись со мной в раздевалке ярославского стадиона после ничьей с «Шинником» 2:2, он перестал ставить меня в основной состав, и я понял, что в этой команде мне больше не играть.

Не скажу, что понимание этого доставило мне огромную радость. Я был раздосадован и зол на Маслова, его действия казались мне верхом несправедливости, я считал себя незаслуженно обиженным и, любя безмерно киевское «Динамо», мечтал доказать свою правоту в то время, когда играл в команде другой.

Между тем Маслова резко критиковали за результаты, за шестое место в 1964 году, за невысокую результативность, за... зонный принцип в обороне, который он применял в чистом виде. Слава богу, у людей, ответственных за судьбу команды, хватило терпения, и Маслову было предоставлено время, которым он умело воспользовался, выведя киевское «Динамо» на уровень высокого международного класса в 1966–1968 годах.

А я в это время играл. Два года в «Черноморце», полтора – до июля 1968 года – в

«Шахтере». Киевское «Динамо» нам удалось обыграть лишь однажды – во втором круге 1967 года в Донецке 2:1.

Через год я сказал себе: «Хватит!» Мы не сошлись во взглядах с возглавлявшим тогда «Шахтер» Олегом Александровичем Ошенковым, и, будучи капитаном команды, глядя уже на многое с «масловской колокольни», я не мог играть в футбол, который культивировал донецкий клуб.

В «Советском спорте» в конце июля появилась заметка «Футболист уходит...», в которой автор признал, что оба мы, одинаково любящие свое дело, одинаково болезненно переживаем неудачи, но каждый понимает футбол по-своему и каждый свою точку зрения считает единственной.

Заметка сопровождалась монологами:

Футболиста: «Я не удовлетворен положением дел в команде. Играть так, как мы играем, дальше нельзя. Мне претит антифутбол. А то, во что мы играем, и называется антифутболом. Не в узком – в широком смысле слова. Потому что рассчитывать на удачу, на случай в современном футболе нельзя. Надо найти четкий водораздел между атакой и обороной, ничем не пренебрегая. Надо создавать ансамбль, коллектив единомышленников, подчиненных одной игровой идее. Я давно твержу, пусть кому-то обидно будет это слышать, что в нашей команде неправильный подбор игроков.

И еще: футболиста надо уважать. Нельзя требовать, чтобы человек улыбался, когда ему плохо, чтобы больной человек делал вид, будто он здоров. Я больше не хочу пытаться счастья в других командах – я больше не играю...»

Тренера: «Надо уметь довольствоваться тем, что есть. Надо заставить себя наступить на горло собственной песне ради интересов коллектива, ставшего тебе родным. Мы играем в такой футбол, какой есть и в который мы можем играть. Я тоже был бы рад иметь в своей команде «всех звезд мира...» Надо подавать пример молодым, а не заражать их своим настроением. Надо быть бойцом...»

Обо мне сложилось примерно такое мнение: игрок неплохой, но скандалист – из киевского «Динамо», после того как повздорил с тренером, попросили, а из «Шахтера», не сработавшись с наставником, сам ушел...

Я действительно не собирался больше играть, хотя и приглашали еще, – 29 лет по тогдашним меркам не возраст. Но не только играть. Я вообще собирался вычеркнуть себя из футбола, забыть, уйти, заняться серьезным делом – у меня же специальность! – которому учился, и даже не читать ничего больше о футболе.

Не тут-то было.

Никак не мог свыкнуться с мыслью, что не надо больше выходить на поле: во снах я еще играл. Закончил действительно рано – играть бы еще да играть. Сам решил. Но, как видно, волевые решения, даже если сам их принимаешь, могут доставить нестерпимую боль.

Таков футбол: отдать ему полтора десятка лет (полжизни было тогда для меня) и потом начисто забыть о нем может далеко не каждый. Я не смог. Скоро, очень скоро почувствовал, что порвать с футболом – выше моих сил...

Предложение тренировать «Днепр» принял с удовольствием. Люди, меня приглашавшие, не задумывались о моем возрасте.

Я же если и задумывался, то лишь о трудностях, которые ждут. Что такое нервный зуд, тогда еще не ведал.

Опыт, полагал, придет со временем: все когда-то начинали на ровном месте. Сил и желания работать – не занимать. Железные надо иметь нервы – вот что более всего беспокоило. Работа Ошенкова, Соловьева и Маслова, которую наблюдал, беспокойству этому содействовала.

Играть в футбол много легче, чем тренировать – это я понимал и прежде, еще когда играл, и потому не завидовал тягчайшей тренерской доле. Но одно дело – знать умозрительно, совсем другое – прочувствовать на собственной шкуре. Впрочем, помимо желания и сил, было еще одно немаловажное обстоятельство: к тому времени я, для себя

разумеется, обобщил лучшее в творчестве тех тренеров, с которыми работал и спорил во время работы, но которые заложили в меня довольно большой объем специальной информации. Я надеялся использовать ее на практике, развивая и совершенствуя.

Тренерская работа необычайно сложна. Легко растеряться, за тысячью мелочей забыть о главном, за деревьями не увидеть леса. Столько всего надо учесть! На поле приходилось распорядиться мячом, теперь предстояло распорядиться людьми.

С первых шагов принял это для себя как главную, самую первую заповедь. Стал приглядываться к игрокам, старался их понять, принять их такими, как они есть: их характеры, настроения, запросы, вникнуть в семейные и личные дела, копался порой даже в таких пустяках, которые, казалось бы, вовсе никакого отношения к футболу не имеют...

Часто возникает вопрос: может ли тренер быть с игроками запанибрата или он должен держать определенную дистанцию? Нет однозначного ответа. Все должно идти естественным путем. Прежде всего это зависит от характера наставника. Если он искусственным образом начнет приближать к себе людей, заискивать перед ними, выказывать свое расположение и готовность дружить или так же искусственно будет строить непреодолимую преграду между собой и футболистами, сразу же начнутся сложности: игроки очень тонко чувствуют фальшь, наигранность, неестественность и соответствующим образом отвечают.

Для себя я твердо усвоил с первых же дней: тренер должен свято помнить, не забывать ни на миг, что работает с людьми, которые в значительной степени делают из него тренера. А люди в отличие от роботов имеют душу, часто довольно ранимую, иногда – строптивую. Тренер, безусловно, должен досконально разбираться в футбольном деле, но это одна сторона медали. Другая – тренер обязан одинаково хорошо понимать и душу игры, и душу людей.

Спустя год после того, как возглавил «Днепр», я не мог судить, стал ли я тренером. Не хорошим тренером, посредственным или плохим, а именно тренером. Ибо убежден, что можно работать и год, и два, и много-много лет, а тренером так и не стать. Не тренером по должности, предусмотренной штатным расписанием команды, а тренером по призванию, по велению свыше, если хотите.

Одного желанья мало. Вряд ли стоит перечислять все качества, которые необходимы тренеру, о некоторых из них я уже говорил. Их очень много, без одного какого-то можно, наверное, прожить, но не исключено, что один малюсенький минус, малозаметная, не бросающаяся в глаза черта характера или какое-то жизненное обстоятельство вдруг все и перечеркнет.

Наверное, и у меня есть не одно такое минусовое качество, наверное, за первый год работы и я допустил не одну ошибку. И вероятно, со стороны они были виднее. Нелегко все скрупулезно проанализировать, я даже ловлю себя на том, что не в состоянии подробно рассказать, как прошел для меня первый, казалось бы, самый памятный год работы. Но кое-что я понял, и главное в этом «кое-чем» – осознанная уверенность в правильности выбора профессии. В том, что профессия эта – на всю оставшуюся жизнь, я уже не сомневался.

Футбол меняется и совершенствуется на глазах. То, что вчера было хорошо, сегодня – недостаточно хорошо или даже очень плохо. Спорят о футболе много, и споры эти бесконечны. На практике я, наконец, понял, что спорить *вообще*, абстрактно, отвлеченно можно сколько душе угодно. Но ради чего?

Необходимо как можно скорее отрешиться от привычки анализировать игру команды по линиям. Мне кажется, что существующее разделение игроков по линиям, сплошь и рядом встречающееся и по сей день – это дань традициям. Футбол стал таким насыщенным и многоплановым, что решать проблемы ведения игры можно только комплексно. На разборах игр, на теоретических занятиях по тактике нет смысла говорить, как играет линия обороны или линия атаки. Речь должна идти о том, как играть в обороне и как играть в атаке. Потому что решает эти проблемы команда в целом, в том числе и вратарь. В каждой атаке – присмотритесь – непременно участвуют семь-восемь игроков (в отличие от тех, кто считает

атакующих по числу проникших в штрафную площадку соперника, я говорю об атаке в целом), защищаются тоже семь-восемь, иногда – больше.

Первый год пребывания в «Днепре» убедил меня – при убеждении этом остаюсь и поныне, – что самое пристальное внимание тренеры должны сосредоточить на тактике. Именно в ней скрыты те дополнительные резервы, которые позволяют усилить игровую мощь, поднять класс. В самом деле, многие команды добились отменных достижений в физической подготовке, заметно выросло техническое умение, постигаются – когда успешно, когда нет – тайны психологической настройки, волевой закалки игроков, а вот тактическая бедность и однообразие набили оскомину.

Безусловно, действенны тактические ухищрения только тогда, когда они базируются на отличной физической, технической и психологической готовности. Без этого не реализовать никакие тактические задумки.

На мой взгляд, тактические возможности безграничны. Не собираюсь забираться глубоко в дебри, приведу один хрестоматийный пример. Как противоборствовать активным атакующим действиям соперника? Форм достаточно много, по вот одна из них, возникшая не так давно, – прессинг. Всем слово это знакомо, по многие ли изучили досконально эту форму, многие ли ею пользуются? Единицы. Более того, ряд тренеров категорически отрицают возможности прессинга. Ну, ладно, это их личное дело – принимать ли не принимать то или иное тактическое средство, по когда в сборную, стремящуюся вести игру в современном ключе, попадает способный футболист из команды отрицающего прессинг тренера, очень сложно его за несколько дней научить синхронности в использовании столь простого, казалось бы, метода. А прессинг ведь такая штука, что если хотя бы один из игроков выпадает из него, труба дело...

Дебют мой в роли тренера в 1969 году был таким, каким и положено быть тренерскому дебюту, и запомнился он навсегда. Это позже и команда почувствовала уверенность в своих силах, и я, как сказал поэт, «смелее стал в желаньях». А сначала...

Началось с того, что, выступая в турнире «Подснежник» (проводились тогда такие соревнования ранней весной), «Днепр» несколько неожиданно вышел в финал. Меня, хотя было очень приятно, это даже напугало. Во-первых, несколько нарушался тренировочный процесс, к которому я, зеленый новичок в этом деле, готовился конечно же очень и очень добросовестно и тщательно. Во-вторых, на нас сразу стали смотреть иначе, ждать удач. И даже требовать их. Но вмешались обстоятельства, которых предвидеть я не мог: незапланированные и очень нелегкие игры в полуфинале и финале – с московским «Локомотивом» и тбилисским «Динамо», перенапряжение физическое и моральное, вызванные этим травмы нескольких игроков – все это сказалось на состоянии команды. Старт в чемпионате, первом моем «тренерском» чемпионате – было это во второй группе класса «А», в третьей, украинской, подгруппе, – оказался весьма горьким: в третьем туре мы проиграли во Львове «Карпатам» с убийственным счетом 1:6! Вслед за тем – поражение уже дома, перед родными зрителями, от кировоградской «Звезды»...

Можете понять мое состояние? Вот тогда я узнал, что такое настоящий нервный тренерский стресс. Самое ужасное заключалось в том, что под сомнение была поставлена вся наша весенняя тренировочная работа.

Я заколебался. Ночами просиживали мы с тренером Анатолием Семеновичем Архиповым – судили-рядили, думали, сомневались, опровергали, самим себе доказывали свою же правоту. Стоило большого труда остаться на наших прежних позициях. Закрадывалось сомнение: правильно ли мы поступили, резко изменив привычный, устоявшийся уклад жизни команды, потребовав от игроков более ответственного подхода к тренировочным занятиям, к самой игре.

Футбол, конечно, игра, но такая игра, которая не терпит, когда к ней относятся как к развлечению, иждивенчески. Успеха на поле можно добиться только при полной мобилизации сил. Футболисты, свикшиеся с мыслью, что в высшую лигу пробиться невозможно и незачем туда рваться, незаметно, может быть, для самих себя потеряли

ориентир, цель. А как без цели? Они привыкли жить несколько вольготно, и вернуть им боеспособность можно было, лишь нацелив их на трудную задачу и «подкрутив гайки». В наших условиях рано было играть на доверии, и мы установили строгий контроль не только в игре, на тренировке, но и в быту. Мы исходили из конкретных, реальных условий.

Когда мы стали терпеть поражения на старте первенства, многие объясняли их еще и так: молодой тренер – опыта мало, а желания утвердиться хоть отбавляй, вот и загонял команду. Не могу с этим согласиться. Тренировались мы много, верно, насколько это возможно весной, но в разумных пределах. Перегрузки хотя и были неизбежны, но сильного переутомления игрокам не принесли, потому что мы сочетали высокие нагрузки с паузами для отдыха.

Откуда мне были известны оптимальные нагрузки? Прежде всего – из собственного опыта. Кроме того, из медицинских исследований. И наконец, из необходимого каждому тренеру качества – интуиции.

Только спустя какое-то время, когда мы теснее стали сотрудничать с Олегом Базилевичем – тренером, работавшим в командах второй лиги, и ученым Анатолием Михайловичем Зеленцовым, мне стало ясно, что опыта, медицинских наблюдений я интуиции не всегда достаточно, нужны и специально разработанные, научно обоснованные программы тренировочных занятий, помогающие поддерживать оптимальный уровень нагрузок в подготовительный и соревновательный периоды.

Три сезона понадобилось «Днепру», чтобы пробиться в высшую лигу. Мы были настойчивы и упрямы. В первом случае, в 1969 году, проиграли в финальной пулке «Спартаку» из Орджоникидзе, хотя в победители прочили нас. Были близки к удаче и на следующий год. Набрали одинаковое количество очков с «Кайратом», но у алмаатинцев оказалась лучшей разность забитых и пропущенных мячей. Впрочем, может, оно и к лучшему, что удалась только третья попытка, в 1971 году. Невзгоды на самом финише, когда, казалось, вот-вот повезет, закалили команду. Могло ли быть наоборот? Вряд ли. Мы, тренеры, видели, что команда всеми силами стремится попасть в высшую лигу, подстегивать не было необходимости.

Характеризуя команду после первого круга чемпионата в первой лиге в 1971 году, заслуженный мастер спорта Виктор Ворошилов писал в еженедельнике «Футбол – Хоккей»: «Среди лидеров есть коллектив, который не первый год находится у самого порога высшей лиги, но никак не откроет туда дверь. Это «Днепр». Он и в прошлом году отличался строгой, хорошо налаженной игрой. Состав «Днепра» стабильный, в нем ежегодно появляются два-три игрока, прошедших стажировку в командах высшей лиги. В нынешнем сезоне заиграли Пилипчук и Евсеенко, вернулся Лябик. В связи с этим несколько видоизменились атакующие порядки днепропетровцев. Левый крайний нападающий Романюк – игрок техничный, с неплохим ударом; в центре – работоспособный разыгрывающий, быстрый Лябик; справа – опытный Пилипчук. В полузащите прошедший хорошую школу Евсеенко, внешне незаметный, но знающий свое дело Шнейдерман; напористый, видящий поле Гринько и техничный Федоренко создают прочный плацдарм для организации атак. На фоне этих линий слабее выглядит оборона. Защитники прямолинейны, недостаточно техничны, тяжеловаты. Но в общем, команда ровная, хорошо сыгранная, в ней все тщательно подогнано, каждый игрок знает свои обязанности. Правда, в отличие от прошлого года днепропетровцы стали смелее импровизировать, отходить от шаблона».

На два обстоятельства в этом комментарии хотелось бы обратить внимание. Первое – оценка по линиям, совершенно не практиковавшаяся в нашей команде. И второе – замечание об импровизации. Понимаю, что сказано нам в плюс, но хотелось бы пояснить, что в 1971 году нам удалось так смоделировать игровые ситуации, что у игроков высвободилось время для импровизационных начал в рамках командной игры, и незамеченным это остаться, безусловно, не могло. «Домашних заготовок» у нас было достаточно. Я считал своим долгом прививать команде тягу к футболу умному, к игре, хорошо проработанной на тренировках. Не совсем, видимо, верной была и реплика В. Ворошилова в адрес нашей обороны.

Оборонялись мы не четырьмя защитниками, а коллективно, бывало, девятью футболистами, а вот надо же, пропустили меньше всех в лиге – 30 мячей в 42 играх, причем в девятнадцати встречах вообще уходили «сухими», и забили больше всех – 83.

Я был безмерно счастлив в тот день, когда мы стали чемпионами лиги. В Одессе мы выиграли у СКА 3:1, команда отправилась в раздевалку, а я – к телефону, узнать, как сыграл наш конкурент «Локомотив» в Москве против «Крыльев Советов». Их ничья с москвичами 1:1 сделала чемпионами нас.

Чем запомнился первый для 33-летнего тренера сезон в высшей лиге? Тем прежде всего, что проскокочил как один день. Первым матчем, разумеется, в котором была одержана первая победа, – над ЦСКА 2:1. Шестым местом, когда от второго призера – киевского «Динамо» – мы отстали лишь на очко. Рецензиями, в которых нашу команду провоцировали на так называемый атакующий футбол на любом поле против любого соперника. (Правда, в серьезном итоговом обзоре заслуженный мастер спорта Виктор Дубинин заметил: «...успех «Днепра», дебютанта высшей лиги, свалился как снег на голову. Из первой лиги – сразу в группу ведущих клубов! За шумом международных событий в нашем футболе (олимпиада, финал чемпионата Европы, европейские кубки – *В. Л.*) «Днепр» незаметно оказался впереди и если кому и уступал в технических результатах, так разве что будущему чемпиону. Изредка «Днепр» поругивали за тяготение к обороне на чужих полях. Но что спрашивать с дебютанта, задача которого – закрепиться в высшей лиге?

«Днепр» намного перевыполнил этот план, показав умение не столько защищаться, сколько нападать, и напомнил всем о некогда громкой славе родного города. Окончательно суждение о достоинствах «Днепра», поздравляя его с первым большим успехом, выносить не следует до будущего чемпионата...»)

И еще запомнился сезон самыми тесными контактами, установившимися между мной, с одной стороны, и возглавившим донецкий «Шахтер» в первой лиге (он вышел тогда в высшую) Олегом Базилевичем и кандидатом наук из киевского института физкультуры Анатолием Зеленцовым – с другой. Мы довольно часто в силу, конечно, возможностей, предоставлявшихся нам турнирами, в которых участвовали наши команды, встречались, подробно разбирали совершенно новую идею (для футбола в частности и для командного вида спорта вообще) моделей тренировочных режимов, выводивших, по нашему разумению, на иной совершенно уровень тренировочную работу в команде. Во время одной из таких встреч, проходивших в жарких дебатах (мы с Базилевичем обычно ставили под сомнение любое произнесенное Зеленцовым слово, веря только серьезным аргументированным доказательствам), неожиданно у кого-то вырвалось: «Вот бы поработать вместе в команде иного уровня, чем «Шахтер» или «Днепр!»

...Научное творчество Анатолия Михайловича Зеленцова занимает в деятельности киевского «Динамо» (и сборной тоже) важное место. Он мог бы применять свои богатейшие знания и исключительный творческий потенциал во многих других областях жизни, но душой прикипел к футболу, не мыслит себя без него, несмотря на все выпадавшие на его долю синяки и шишки.

Гонения, которым подвергаются новаторы, – тема для научного мира не новая. Рассматривая современную тренировку в трех аспектах – стратегическом, тактико-техническом и психофункциональном и прекрасно осознавая, что задача управления футбольной игрой связана с новой научной дисциплиной – спортивной кибернетикой, Анатолий Михайлович на себе ощутил, как болезненно трудно проложить дорогу этим новым идеям, реализовать их. Многие ученые, тренеры, футболисты к ним еще не готовы, и я убежден, что кандидат педагогических наук Зеленцов, занимаясь моделированием тренировок в футболе, вопросами управления игрой, опередил время.

Зеленцов не стремится выдавать «рецепты», которые всегда недолговечны, и тем более обобщать бесконечное многообразие элементов, составляющих тренировочный процесс. Умеющий внешне не унывать ни при каких обстоятельствах, любящий повторять: «все будет так, как должно быть, даже если будет иначе», он добросовестно и высококвалифицированно

продолжает дело, столь необходимое нашему футболу.

Однако вернемся к событиям 1973 года.

В октябре меня вызвали в Киев. Наверное, на очередное совещание, подумал я тогда, на день-два, не больше. Поброжу по родному осеннему городу, в котором бывал изредка, наездами, и по которому скучал, где бы ни находился.

Бродить не пришлось. «Мы давно следим за вашей работой в Днепропетровске и предлагаем вам возглавить киевское «Динамо», – ошарашили меня. – Подумайте. С «Днепром» мы все вопросы уладим». Я позвонил Базилевичу и сказал: «Петрович, похоже, есть возможность поработать вместе». – «Понимаю, – с присущим ему юмором ответил он, – тебя выгоняют из «Днепра», и ты просишься в «Шахтер», который в турнирной таблице выше». – «Если бы так, – мне было не до смеха. – Речь идет о киевском «Динамо». – «???» – «Да, именно так, мне только что сообщили об этом», – сказал я. – «Отказываться нет смысла», – ответил Базилевич.

На следующей встрече с приглашавшими я твердо назвал фамилию Олега. «В какой роли?» – спросили меня. «Еще одного старшего тренера», – ответил я. – «Но ведь в штатном расписании...» – «Неважно, как его должность будет называться на бумаге. Главное – в сути». Договорились, что официально мы приступим к работе с командой с января 1974 года. Пока же я буду постепенно знакомиться с ней, а Базилевич – заканчивать сезон в «Шахтере», который в итоге стал шестым в год дебюта в высшей лиге.

Были ли у нас сомнения? Конечно же. Связанные прежде всего с тем, что от киевского «Динамо», пятикратного к нашему приходу в команду чемпиона, ждали (и всегда ждут) только самых высоких результатов. Гарантий от нас не требовали, да мы их и не дали бы – не страховое агентство, но сами-то понимали, что ничего иного, кроме как чемпионства, от нас не ждут.

Боялись ли мы? Нет, страха не было. Волнение – да. И нетерпение – скорее бы приступить к серьезной работе.

Программное совещание, которое мы провели с Базилевичем и на котором выработали все основные принципы совместной деятельности, для себя шуточно окрестили «встречей в «Славянском базаре», памятуя обсуждение серьезных творческих и вспомогательных вопросов между К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко. В принципах мы определились, дело было за их реализацией с помощью наших новых партнеров по «футбольному производству».

В этой книге нет необходимости останавливаться на сугубо специальных деталях наших методов тренировочной работы – это прерогатива методической литературы. Они подробно описаны в многочисленных статьях, опубликованных в еженедельнике «Футбол – Хоккей» в середине 70-х годов, в книге «Моделирование тренировки в футболе», написанной совместно с А. М. Зеленцовым. Мы не возводили и не возводим в ранг секретности то, что делаем. С нашими методами знакомился старший тренер сборной СССР по гандболу Анатолий Евтушенко и на первых порах ссылаясь на них. К нам приезжал Владимир Юрзинов, работавший тогда вторым тренером хоккейной сборной. К нам обращались (и обращаются) многие тренеры команд высшей и первой лиг, и мы никому не отказываем, поскольку не только не вправе считать все это своим достоянием, но и видим своей обязанностью содействовать распространению современных методов, которые, разумеется, будут совершенствоваться, поскольку не являются догмой, как бы нам догматизм ни приписывали. Это только принцип, где возможны и необходимы многие поправки, усовершенствования, вариации.

О том, как восприняли и воспринимают наши методы игроки, во многом рассказано в следующей главе – о киевском «Динамо», там же – о некоторых успехах 1974 и 1975 годов.

Были ли проблемы и неудачи? Без них, как и в любом другом серьезном деле, не обойтись. Год 1976-й, к примеру...

События тогда развивались следующим образом. После возвращения с Олимпиады в Монреале, после короткого отдыха в Ялте, перед осенним чемпионатом Советского Союза

мы с Базилевичем приняли решение расстаться с двумя футболистами – крайними защитниками Владимиром Трошкиным и Виктором Матвиенко.

Предельный возраст – понятие относительное. Футболист должен быть использован в составе до тех пор, пока он полезен. Это паше тренерское кредо, и мы вправе, руководствуясь чисто спортивными мотивами – и только ими, – решать вопрос о пребывании в команде того или иного футболиста.

Время меняет людей. Я не исключение. Теперь я хорошо понимаю некоторый экстремизм нашего решения, во многом ошибочного, ибо сложившаяся ситуация (на Олимпиаду мы ехали только побеждать, а «взяли» лишь бронзу, начисто проиграли первую половину сезона) совершенно не требовала принимать такие меры, в результате которых два игрока сборной оказались внезапно не только вне сборной, но и вне клуба. Наверное, вполне возможен был вариант перевода обоих футболистов на какой-то период в дублирующий, к примеру, состав.

Эта ошибка стала завершающей в цепи многих, совершенных и нами, и футболистами.

Вольтова дуга замкнулась.

Вечернюю тренировку в воскресенье (за два дня до очередного календарного матча с «Днепром» в Киеве) команда проводила без Трошкина и Матвиенко. А на следующий день в полном составе явилась утром в республиканский спорткомитет. Футболисты заявили, что не желают больше с нами работать, и уехали на базу в Конча-Заспу продолжать подготовку к встрече с днепропетровцами, предупредив, что если мы там появимся, то они уедут. «Готовиться, – сказали они, – мы будем сами. Сами будем определять состав, решать, как играть, и отвечать за результат».

Ультиматум игроков – иным словом происшедшее не назовешь – оказал воздействие, и впервые за последние два с половиной года во время матча с «Днепром» нас с Олегом не было не только в раздевалке, но и на стадионе. Впервые на киевском стадионе были убраны стоявшие возле поля скамейки, на которых во время игры обычно сидят запасные, тренеры, врачи. Убраны, надо полагать, для того, чтобы зрители не обнаружили отсутствия тренеров и не подумали, что в команде что-то неладное происходит.

Этот матч (он был проигран 1:3) мы с Базилевичем смотрели дома по телевизору. Переживали так, словно сидели на скамейке, обменивались по обыкновению репликами, совершенно забыв о том дурацком положении, в котором оказались. Едва прозвучал сигнал на перерыв, я рефлекторно встал, чтобы идти в раздевалку, и... все вспомнил.

До матча и в последующие за ним дни состоялась серия собраний, совещаний, призванных каким-то образом урегулировать конфликт, «спустить» его на тормозах, примирить «стороны». На одном из таких собраний – шестичасовом – мы услышали в свой адрес все, что думали о нас футболисты, и высказались сами. На другом – более коротком – был объявлен целый ряд решений и оргвыводов. Мы, например, с Базилевичем, а также Мунтян получили партийные взыскания. Условной дисквалификации подверглись Трошкин, Звягинцев, Матвиенко, Мунтян. Многие игроки получили выговоры и строгие выговоры. В таком состоянии команда не могла быть отправлена на запланированный турнир в Испанию, в котором вместо нее выступил ЦСКА.

Возобновились совместные тренировки.

Конфликт. Там, где его не ждали. Но там, где, как выяснилось, он давно назревал.

Мы пришли в серьезную и популярную команду с новой идеей подготовки по программе, создаваемой на научной основе, что, на наш взгляд, при достаточной работе давало возможность футболистам приобрести наивысшую форму к определенному периоду времени – ответственным соревнованиям. Все время быть в отличной форме невозможно, и программа наша предусматривала спады, приходившиеся на отрезки времени, связанные либо с перерывом в соревнованиях, либо с матчами, не имевшими для команды сверхважного значения. Программа, казалось, предусматривала все...

Вполне естественно, новую идею приняли в клубе не все футболисты сразу. Нам пришлось объяснять, доказывать, убеждать и – ждать результатов, которые (и только они!)

могли бы развеять сомнения скептически настроенных игроков. И результаты – причем весьма неплохие – появились. Как итог совместных усилий.

Хочу подчеркнуть последнюю фразу, поскольку в ней в немалой степени кроется разгадка причин конфликта.

Все ждали от нас новых успехов в 1976 году. Сначала – в розыгрыше Кубка европейских чемпионов, где в четвертьфинале мы проиграли французскому «Сент-Этьенну» (2:0, 0:3). Затем – в чемпионате Европы, где сборная, состоявшая в основном из киевлян, уступила на пути в финал чехословацкой команде (0:2, 2:2). И наконец, на Олимпиаде, где нас остановили олимпийцы ГДР (0:2).

Не было успехов. Были поражения. Поражения порой без острой борьбы, без игры, которой были бы отданы все силы.

Почему?

Тогда мы рассуждали следующим образом: «Программа предусматривает лишь раскрытие функциональных возможностей футболиста, а помимо программы есть еще масса вещей, необходимых игроку для наиболее полного проявления этих возможностей, – самоотверженность, смелость, риск, воля, мужество. К сожалению, некоторые игроки качеств этих не проявили. Программа дает результат только тогда, когда подкреплена настойчивостью футболистов, их ответственным, профессиональным отношением к делу, упорными тренировками сверх программы по совершенствованию технических навыков».

С точки зрения футболистов ответ на это «почему?» звучал примерно так: «Потому что мы, не успев как следует восстановиться после прошлогоднего сезона, стали выполнять огромный объем нагрузок с самого начала, с подготовки в Болгарии в условиях среднегорья. Накапливалась усталость от бесконечных перелетов, от постоянных интенсивных тренировок».

На собрании – том, другом, – игроки высказали свои претензии по подготовке, не углубляясь в теоретические тонкости (из-за отсутствия серьезных знаний по этим вопросам), но основываясь на собственном самочувствии, физическом состоянии, опыте.

Нет, на мой взгляд, смысла вдаваться в расшифровку претензий. Необходимо заострить внимание на том, почему же все-таки не была реализована программа-76.

Мы с самого начала своего пребывания в киевском «Динамо» решили отказаться от слова «эксперимент», полагая, что в такой команде ставить эксперимент неразумно. Эксперимент имел место в командах, в которых мы работали до этого, «Днепре» и «Шахтере». Здесь же нужны были прежде всего высокие конкретные результаты.

Но отказаться от слова, еще не значит отказаться от самого процесса. Мы буквально на ощупь, маленькими шажками двигались по программе в том же, например, 75-м году. Вполне оправданно много доверяли своей интуиции, игрокам, зачастую справедливо заменяя по ходу дела тот или иной режим программы на другой. Рождалось творческое взаимопонимание между нами и футболистами. Был контакт. Мы были единомышленниками. А если и существовали какие-то шероховатости в отношениях, то они сглаживались успехами.

Я бы сказал, что успехи подействовали усыпляюще на всех. Никто не мог представить себе, что возможен иной поворот событий. Нас всех – и тренеров, и игроков – не хватило, видимо, на то, чтобы реально и трезво взглянуть на кубки, суперкубки, призы и, забыв о них, начать новый сезон, продолжая эксперимент, развивая его и совершенствуя. Нужен же он был хотя бы по той простой причине, что никто и нигде в мире не тренируется по научным программам. Ситуация перед 1976 годом оказалась совершенно новой: цель – олимпийский турнир, время подготовки – полгода.

Если раньше мы двигались по программе осторожно, то сейчас шагали по ней, не допуская отступлений.

Надо заметить, что (сейчас это становится совершенно очевидным) плохую службу нам сослужил навязанный команде план, нацеливший ее, по существу, только на Олимпиаду. Психология – дело серьезное. Мы понимали прекрасно, что строго с нас спросят лишь за

неудачу в олимпийском турнире. Расчет на отдаленный результат не позволял критически оценить выполнение программы на определенном этапе. Мы смотрели в «завтра», забывая, что сегодняшние неудачи – с «Сент-Этьенном» прежде всего и чехами – наслаиваются на состояние команды, и наслаение это невозможно, как оказалось, снять.

И «головокружение от успехов» не обошло многих наших игроков. Шутка ли: годом раньше стали одной из лучших команд мира, в стране равных нет, все – в сборной. И футболисты перестали тренироваться столь же напряженно и страстно, как год назад.

Наверное, следовало бы нам в самом начале подготовки поговорить серьезно всем вместе с позиций творческого содружества единомышленников. Это способствовало бы главному – достижению взаимопонимания. Возможно, мы отступили бы от каких-то положений своей программы (но не от главного, разумеется, не от программы!), возможно, подобная мера перенастроила бы игроков, спустила бы их с небес на землю. Но разговор не состоялся.

Разрушался контакт. Росла взаимная раздражительность. Ее усугубили поражения динамовцев в Кубке чемпионов и сборной – в чемпионате Европы, задевшие, безусловно, профессиональную гордость тренеров и игроков. Но даже после этих событий при достаточных усилиях с обеих сторон могло быть достигнуто взаимопонимание. Однако не видимый глазу «овраг» между тренерами и футболистами продолжал расширяться, многое, вчера казавшееся очевидным и справедливым, сегодня выставлялось как несправедливое и субъективное. Контакт был потерян полностью. После неудачи в Монреале предполагаемый вывод из команды двух футболистов вызвал моментальную вспышку. Не будь этого повода, нашелся бы другой, третий, и события просто бы переместились во времени.

Мы почернели тогда от переживаний, но теперь я понимаю: в жизни обязательно должно произойти нечто похожее на эту послемонреальскую историю. Она закалила всех ее участников. Меня, во всяком случае, точно.

Кое-кто полагал, что 1976 год мог повториться в 1987-м. Я на сей счет был спокоен. Спад – да, в силу различного рода обстоятельств он был возможен. И произошел. Но для повторения конфликта предпосылок не было: урок пошел впрок.

Сейчас, встречаясь изредка с игроками команды-75, мы не вспоминаем конфликт-76, а если и вспоминаем, то как досадный эпизод в нашей совместной деятельности. Мы соглашались, что допустили тогда ряд ошибок. Ребята признаются в своих ошибках, связанных прежде всего с «шаляйваляйским» настроением и неумением в отдельных решающих матчах превозмочь себя, выложиться до предела. В целом же футболисты из той команды во всем были бойцами. Даже в конфликте, о котором рассказано выше.

Наверное, после того как в результате конфликта был освобожден от должности Базилевич, я тоже мог хлопнуть дверью и уйти из киевского «Динамо». И поступок этот никому бы не показался диковинным, наоборот, говорили бы: смотрите какая солидарность. Опрометчивое решение всегда принять легче. Труднее – разумное, оптимальное. Мы пришли тогда к выводу, что в интересах дела мне необходимо остаться. От ухода пострадал бы не я – дело, которому мы отдали столько сил, в правоте которого были уверены и которое надо было продолжать самым серьезным образом на той почве, на которой оно давало уже хорошие всходы.

Мы с Олегом Базилевичем не стали, как очень многим хотелось бы это видеть, врагами. Наши отношения остались прежними – равными и добрыми, и каждый из нас всегда уверен в помощи другого, когда кому-нибудь трудно.

...С момента моего появления на поле в футболке киевского «Динамо» прошло почти тридцать лет. Все эти годы я учился. У Ошенкова, Соловьева, Маслова, у коллег по «Днепру», у Базилевича и Зеленцова, у Симоняна и Морозова... Тренер должен учиться всю жизнь. Если зачерствел, перестал учиться – значит, перестал быть тренером. Время не обмануть. Акценты расставляет оно. И учит – тоже.

Глава 4. Тренера без игроков не существует

Однажды мне задали вопрос: «Интересно, кто для вас футболисты? Бойцы-гладиаторы, Дети неразумные, друзья?...»

В самом деле, кто?

Так бежит время, что, оказывается, я действительно уже гожусь им в отцы. Нет, не дети. Какие там дети, если их дело требует и физической, и духовной зрелости матерых мужиков, чувства ответственности взрослого человека. Все это сваливается на людей, только вступающих в жизнь. У них много своих бесконечных «почему?», а поскольку рядом месяцами нет родных, то спрашивают нас. И при том при всем должность тренера заставляет меня являться к ним застегнутым на все пуговицы. Так что и субординация нужна, и близость необходима – вот как это совместить? А совмещать надо.

Хотелось бы сказать о полной гармонии, яркой и разнообразной жизни вне футбольного поля. Но все гораздо сложнее. Наше дело не имеет ничего общего с физкультурным праздником на лужайке. Нет отваги, не можешь во многом отказать себе, не способен терпеть жесточайший тренинг – уходи. Такой приговор, как это было в свое время с Бережным, стоит мне мучений и бессонных ночей, но выбора нет. Тысячи, а может быть, и миллионы людей следят за командой, просят побед – это поднимет их настроение, добавит сил, гордости, – я обязан подчиниться их воле.

«Футбол – это не профессия, незачем уродовать ребенка, он должен быть гармоничной личностью...» Не правда ли, часто приходится слышать этот современный вариант присказки «У отца было три сына...» А что, скажите на милость, решительно все покидают общеобразовательную школу гармоничными? Каждый – талант или хотя бы при деле? Да одного книга ничему не научит, другому футбол ничем не помешает. Был, например, в симферопольской «Таврии» когда-то хороший футболист Ткаченко, сейчас есть хороший поэт Ткаченко. Неплохо играл в Одессе футболист Блиндер, сейчас трудится способный кандидат химических наук Блиндер...

Жизнь сложнее... Бойцы-гладиаторы? Но ведь я вместе с ними в этой борьбе. Когда публика опускает большой палец вниз, это касается всех нас, футболистов и тренеров. Выигрывают и проигрывают и те, кто на поле, и те, кто на скамейке. Формула «выигрывают футболисты, проигрывает тренер» придумана людьми слабыми.

Тренера без игроков не бывает. Когда у тренера единое с футболистами понимание цели – только по максимуму! – самые серьезные задачи решать не страшно, и тогда большой палец зрителей чаще всего поднимается вверх.

Без разногласий в нашем деле (и общего и частного порядка) не бывает и быть не может. Каждый человек вправе по-своему воспринимать определенные ситуации, даже требовательность к себе проявляется по-разному. Игрок анализирует свою игру и поведение, однако оставаться объективным к себе и к товарищам удается не всегда. Потому и возникают вопросы друг к другу.

Мы в команде давно определили для себя два основных принципа, которые помогают регулировать взаимоотношения. Первый – требования ко всем абсолютно одинаковые, играешь ты в клубе уже тысячу лет или же принят только вчера. Второй – постоянный двусторонний обмен мнениями. Пожалуйста, предлагайте все соображения. По игровой деятельности и по совместному нашему житью-бытью. Принятое же решение подлежит неукоснительному соблюдению всеми.

К выработанным принципам относимся свято.

Друзья!... Футбольное братство существует. Я благодарен игрокам, с которыми работал, за принадлежность к этому братству, за поддержку, в которой всегда нуждался, за помощь в сложных ситуациях, когда мелкие обиды и претензии могли обернуться несправедливыми словами, неверными поступками.

Настоящий тренер должен радоваться успеху всех футболистов, независимо от скрытых глубоко в душе симпатий и антипатий, – все они полноправные товарищи по работе. И успех каждого необходим для общего дела.

Я смотрю на них в раздевалке после матча – неважно какого, выигранного или проигранного, но забравшего все силы. Тела, не остывшие от битвы, брошены в кресла, руки висят словно плети, глаза полузакрыты. Ребята выложились полностью, и не надо ни о чем говорить. Пройдет несколько минут, они примут душ, оденутся и станут похожими на сверстников, которые наблюдали за ними с трибун и по телевизору.

Бывает, возбуждение, царившее на поле, переносится в раздевалку, и тогда – либо чересчур громкие реплики, веселые, с подначкой, безотносительно, быть может, к матчу, в котором одержана важная победа; либо разговор на повышенных тонах, со взаимными упреками и излишним детализированием запомнившихся моментов, приведших, по мнению участников «экспресс-анализа», к поражению.

Сколько же было вечеров в раздевалках стадионов разных городов и стран после матчей с «Зенитом» и «Пахтакором», «Ботафого» и «Утрехтом», сборными Ирана и Бразилии?... Калейдоскоп стадионов, городов, стран, соперников. Реестра у меня нет, по грубым подсчетам за девятнадцать лет тренерской деятельности команды, мною руководимые, провели примерно 1300–1400 матчей.

Однажды в поезде встретился с шахматным мастером, который лет десять-одиннадцать назад давал сеанс одновременной игры, и я в нем участвовал. Я помнил, что проиграл ему. Он вспомнил, как я проиграл, вспомнил всю партию, как она развивалась, и уверенно назвал ход, на котором я капитулировал. Ряд вводных для его «мозгового компьютера» (где и когда был сеанс, кто участвовал) был достаточен вполне: он вспомнил все.

Тренеры не могут, как профессиональные статистики, назубок отщелкать даты, соперников и результаты, но они держат в голове все игры, в которых участвовали, ход этих матчей и их содержание, самые характерные моменты и, если случается, казусные ситуации.

Не собираюсь объясняться в любви к ребятам, с которыми вместе работал и работаю, но не могу не сказать о своем главном чувстве по отношению к ним – уважении. За тяжкий труд, преодоление тягот футбольной жизни, верность делу и команде.

Довольно часто в последнее время пытаются выяснять: какая из команд киевского «Динамо» сильнее – образца 1975 года или 1986-го? Вопрос неправомерен по сути своей. Это все равно что задаться целью сравнить силу московского «Динамо», блистательно прошедшего английское турне в год окончания войны, со столичным «Динамо» нынешним, прыгающим по турнирной таблице и бросающим своих поклонников то в жар, то в холод. Или же соразмерить возможности «Спартака», дважды подряд побеждавшего и в чемпионате, и в Кубке в конце тридцатых годов, со «Спартаком» чемпионом-87. Для меня ответ на оба вопроса однозначен: гораздо сильнее сегодняшние московское «Динамо» и «Спартак», нежели их легендарные предшественники.

С 75-го по 86-й пролетело меньше лет, чем с 39-го по 87-й, но и одиннадцать годков для футбола – срок значительный. В игре – масса изменений.

На мой взгляд, уровень индивидуального, технического мастерства футболистов из команды, первой выигравшей для советского футбола Кубок обладателей кубков, был, конечно, выше. Сегодняшние игроки, многие из которых, между прочим, видели предшественников, пребывая в детском возрасте, не обижаясь, признают это. Согласен с этим и Олег Блохин – единственный футболист, выступавший в обоих составах.

Но только в индивидуальном и техническом мастерстве. Во всем остальном – в мышлении, скорости, эффективности коллективных действий, восприятию образа игры – идет постоянное совершенствование. Правда, теперешние хнычут побольше, а может быть, это я постарел и мне так кажется.

Не собираюсь заниматься сравнением несравнимого. Для меня прошлое – это прошлое. Я его принимаю в расчет только в качестве приобретенного опыта. Кто хочет проводить сравнения, может это делать. Обе команды – в памяти, и когда случается редкий досуг, который люблю проводить за городом (пусть даже несколько часов всего это будет, а уж если сутки – праздник для человека, пять последних лет не бывавшего в отпуске), в памяти этой нет-нет да и возникают матчи, добавившие престижа советскому футболу, и ребята из

киевского «Динамо», дважды побеждавшего в европейских клубных турнирах. И кажется, будто давным-давно все это было, будто и Коньков с Михайличенко играли в середине поля, будто стоппера Кузнецова страховал Фоменко, а на флангах обороны им ассистировали Трошкин и Демьяненко, пытавшиеся вывести вперед через Колотова, Заварова и Веремея форвардов Онищенко, Блохина и Беланова...

Перед тем как идти в конце 73-го года в киевское «Динамо» – команду детства нашего и юности, мы с Базилевичем конечно же изучили состав клуба. Издали.

Мы верили, что гигант Евгений Рудаков, один из опытнейших на то время игроков, тридцать три ему было в 75-м, когда выиграли Кубок кубков, останется в воротах, которые, когда он пребывал в необходимом для голкипера кураже и отличном физическом состоянии, казались для пего маловаты.

Рудаков к нашему приходу был в киевском «Динамо» десять лет, застал еще тот период, когда мы сами в нем играли, был «консультантом» по вопросам о новых тренерах, имел довольно много наград и призов, не хвалился и не бравировал ими, слыл человеком спокойным и уравновешенным, болезненно чутко реагирующим на любую несправедливость.

Однажды в душевой после товарищеского матча с швейцарским клубом, нами проигранного 1:2 и совсем не по вине Рудакова – оба гола были из категории «неберущихся», он стоял с намыленной головой и вслух беззлобно рассуждал о том, что нападающие наши могли бы использовать хотя бы часть оказавшихся в их распоряжении возможностей. «Сам бы пенек поменьше пускал, тогда, может быть, и выиграли бы», – услышал он в ответ голос молодого форварда, к которому в какой-то степени относились сентенции Рудакова. Потом эту сцену часто вспоминали со смехом: ничего не видящий Женя – голова намылена! – шарит вокруг длинными руками в поисках какого-нибудь предмета – мыла, мыльницы – с надеждой запустить его в обидчика, которого он тоже не видит.

По нашим наблюдениям, Рудаков был одним из первых в команде, кто воспринял новую методику тренировок, признал ее необходимость и всячески помогал нам в пропаганде наших идей среди остальных игроков.

Все помнят, как Женя играл, но мало кто знает, как он самозабвенно тренировался. Я никогда не оставляю никого после тренировок поработать дополнительно. Дело это сугубо индивидуальное. Рудаков – один из немногих игроков на моей памяти, который едва ли не после каждого занятия канючил: «Ну останьтесь кто-нибудь, ну побейте. Понимаю, что не забьете, потому и боитесь. Ну ничего, я парочку пропущу, чтобы вам интереснее было».

«Васильич, – попросил он меня однажды, – а можете мне свои угловые постучать? Чувствую, слабость имею некоторую, когда corner бьют, особенно хитрованы, которые не знаешь что сотворят: то ли «резаного» в ворота пошлют, то ли передачу заумную на набегающего сделают. Хочу отработать выходы и уверенность при угловых почувствовать».

Упорство Рудакова было поразительно. Он, сдается мне, где-то глубоко в душе ставил каждый раз перед собой какую-то локальную цель, не афишируя ее совершенно, и не успокаивался то тех пор, пока не добивался. Вереница достигнутых целей привела его в число лучших вратарей советского футбола.

Он, как полагали врачи, должен был уйти из футбола в 1970 году, когда перед мексиканским чемпионатом мира получил тяжелейшую травму и когда неизвестно было, останется ли его левая рука полностью работоспособной. Ситуации, связанные с преодолением себя, далеко не всегда в отличие от матча, выхваченного лучами прожекторов, на виду. Рудаков и себя, и физический недуг преодолел и еще на несколько лет встал в ворота киевского «Динамо». Он был единственным, кому не надо было присваивать звание заслуженного мастера спорта за победу в Кубке кубков, – он уже был им.

Совсем недавно я прочел, что 35-летний Рудаков стал виновником нашего поражения в полуфинале Кубка чемпионов в 1977 году от «Боруссии» (Менхенгладбах) – 0:2. Легче легкого обвинить в неудаче кого-то одного: «Да мы что? Мы в порядке были. Это все он...» В ФРГ проиграл не Рудаков, а команда. Гол с пенальти инкриминировать вратарю можно

только в порыве неконтролируемых эмоций. Вторым мячом от Витткампа, защитника, в прыжке посланного мяча в сетку, он мог бы, наверное, взять, но это был не наш день – 20 апреля 1977 года. И не были нам утешением слова тренера «Боруссии» Удо Латтека, сказавшего, что он «пережил во втором тайме, пожалуй, самые тяжелые минуты в своей спортивной жизни».

Спустя время ребята шутили: «Да как можно было в Дюссельдорфе выиграть? Выходим на матч в адидасовской форме. Соперники – в «Пуме». Смотрим – и судьи в «Пуме». Оглядываемся назад, и Женя наш в «Пуме». Куда нам вдесятером против пятнадцати?»

Второй раз в своей истории команда попала в полуфинал Кубка чемпионов десять лет спустя, и наши шансы на участие в финале оценивались, как никогда, высоко прежде всего за счет репутации, завоеванной в предыдущем сезоне. Ничто не предвещало «пожара» и после первого матча с «Порто» из Португалии, который мы проводили в гостях – 1:2. Гол Яковенко расстроил португальцев и увеличил наши шансы.

Но на одиннадцатой минуте ответного матча я подумывал, как бы незаметно, чтобы никто не видел, встать и уйти со скамейки – до того стало стыдно: игра толком не началась, а уже 0:2. Виктор Чанов вначале поставил «стенку» и необъяснимо заметался за ней как тигр в клетке, его метания были замечены, и, как только он оказался за стенкой, Селсу и вколотил мяч в незащищенный угол рикошетом от защитника. Чанов среагировал на удар, а не на мяч. Затем Гомеш первым оказался у мяча, посланного с углового и ударившегося о землю во вратарской площадке. Как можно было не выйти на эту передачу, до сих пор непонятно ни мне, ни Чанову.

Это был редкий случай, когда матч может проиграть один человек: две грубейшие ошибки на первых минутах в столь ответственной игре в состоянии вывести из равновесия находящуюся на любой волне настроения команду.

В перерыве и после матча невозможно было смотреть друг на друга. Утром мы с Чановым сто пятьдесят раз смотрели первые минуты, а потом останавливали видеомagneтофон. Поначалу Виктор пытался как-то объяснить и обосновать свои действия, но с каждым новым включением он все больше и больше чернел. «Я провалился, Васильич», – сказал он.

Виктор Чанов принадлежит к категории вратарей, которым необходимо ежедневно, на каждой тренировке чувствовать дыхание серьезного конкурента, способного в любой момент встать в ворота и оставаться в них на длительное время. Сам он – из таких, из конкурентов. В 1985 году он получил тяжелую травму, долго лечился и, как только встал на ноги, принялся догонять Михайлова, на приличном уровне завершившего сезон. Чанов добился своего. В ворота мы поставили его и многим ему обязаны, победив в Кубке кубков и в чемпионате, – золотая медаль, кстати, была первой в его жизни.

Самоуспокоение полевого игрока менее заметно – его подстрахуют и отработают за него трудолюбивые партнеры. Самоуспокоение вратаря заставляет его все чаще и чаще заглядывать за собственную спину.

Диапазон болельщических эмоций огромен. После поражения от Бельгии в Мексике нас упрекали в том, что мы не рискнули и не поставили в ворота Чанова. Те же люди после «Порто» требовали изгнания Чанова из футбола.

Все это – из области необузданных страстей.

Виктор Чанов весьма способный голкипер, и можно привести массу примеров его иногда даже изумительной игры, вдохновенной и безошибочной. Он подвластен общему настроению и состоянию команды, и когда она в порядке, он способен творить чудеса. Чанов скисает и сникает при общекомандных неудачах, что не прибавляет боеспособности остальным.

Он не достиг еще такого положения, когда говорят: «Да у них же в воротах сам!...», как говорили, к примеру, о Яшине. Как известно, ошибался и Яшин, но ниже определенного уровня никогда не опускался. В 1987 году Чанов оказался ниже той планки, которая была им же установлена в футболе.

Чанов – фамилия вратарская, «в голу» стояли его отец и старший брат. Возраст нашего Чанова – родился он в 1959 году – позволяет ему не один еще год выходить на поле под первым номером, и есть основания полагать, что класс его будет этому номеру соответствовать.

Уверенность Михаила Михайлова, напротив, проявляется только тогда, когда он убежден, что никто его не «подсиживает». Я убедился в этом в 1985 году: у Чанова сломана рука, Михайлов – основной и единственный вратарь. Очень много мы провели с ним матчей, и неплохих – в том же Кубке кубков и в чемпионате. Стоило вернуться Чанову, Михайлов смирился со вторыми ролями.

В душе он, безусловно, мечтал выходить в стартовом составе, но, оказалось, ему тяжело настроиться на один-два матча, высочайшее чувство ответственности приходит к нему, когда он знает, что замены нет.

Это всегда проблема, когда в команде два примерно равноценных вратаря. Выставлять их на матчи через раз, как это практикуется иногда в хоккее, не совсем, видимо, разумно для футбола, где оборона должна чувствовать голкипера спиной, привыкнуть к нему и доверять ему. А как привыкнуть, если сегодня один, завтра другой?

Что делать второму? Ждать своей очереди, которая неизвестно когда придет, или уехать в другую команду, где гарантируют регулярные выходы на поле в основном составе, в «Днепр», например, откуда Миша, интеллигентный и невозмутимый парень, пришел к нам и где одним из тренеров работает его тесть – бывший вратарь днепропетровской команды Леонид Колтун?

Но команде нужен хороший второй.

Я смотрю из окна своей комнаты в Конча-Заспе. На скамейке перед жилым корпусом базы сидит с книжкой в руках Михайлов, углублен и сосредоточен. Время от времени он поднимает голову, смотрит перед собой невидящим взглядом, жует травинку и о чем-то думает, машинально перелистывая страницы. О прочитанном? Вряд ли.

Вполне возможно, я недостаточно внимания уделяю вратарям, мечтая о том времени, когда у нас будет футбольный клуб, в котором с группой вратарей займется профессионал вратарского дела. Наверное, есть еще упущения и в разделе «тактика игры футбольного вратаря», недостаточно обобщен опыт игры ведущих голкиперов мира, должок имеется и у Льва Яшина, написавшего интересную книгу воспоминаний, но нужен и учебник вратарский, ставший бы настольной книгой и юным, и опытным.

Думается, в улучшении игры вратарей кроется немалый резерв усиления команды.

...Говорят, что Лобановский – тренер-диктатор, не прислушивается ни к кому, все делает по-своему, чужого мнения для него не существует.

Оставим в стороне безапелляционность этих суждений – любой из футболистов, особенно нынешнего поколения, я уверен, спокойно их опровергнет, добавив при этом, что футбольной команде – коллективу, функционирующему постоянно, как любая другая организация или предприятие, необходима жесткая рука, нужен лидер, объединяющий вокруг себя единомышленников.

Некоторые репортеры прямо-таки с болезненностью какой-то пытаются противопоставлять друг другу тренеров и игроков, вытягивая в интервью из ребят «сведения» о конфликтах, добиваясь того, чтобы футболист сказал «всю правду» о взаимоотношениях с тренером и призвал бы последнего к «порядку». Ясно, что футбол на виду и желательно преподнести что-нибудь «жареное», чтобы читатель, перебирая фамилии футболиста и тренера, попутно восторгался бы и фамилией журналиста. Но поверьте, без острых ситуаций невозможна деятельность любого коллектива, и мы сами, без постороннего вмешательства, в состоянии разобраться с ними на тренировочной площадке, а не на газетных и журнальных страницах. Наверное, существуют какие-то трения между сотрудниками и главным редактором самой крупной (по тиражу) спортивной газеты мира «Советский спорт», работают в ней люди достаточно известные, однако «Комсомольская правда», к примеру, не спешит поделиться этими трудностями со своими читателями...

Иной, конечно, вопрос, если топ и размер конфликта в команде вышли за пределы контроля обеих сторон. Тогда болельщик в полном праве знать, что же происходит в его любимом клубе, почему команда не только слабо играет, но и никак не может прийти к единству, столь необходимому для достижения успеха.

Тренер не может нравиться всей команде. Это аксиома. И абсурдны утверждения типа: «все игроки любят своего наставника и считают его своим первейшим другом». Недовольные всегда есть. Одни тем, что не поставили в стартовой состав. Другие – нерешенной жилищной проблемой. Третьи – тем, что сосед по комнате на базе постоянно молчит и слишком много читает... Все это понятно, жизнь есть жизнь. Но в одном мы неукоснительно пытаемся достичь единства во взглядах – по отношению к тренировкам и ведению игры.

Я твердо убежден, что старший тренер команды – последняя инстанция относительно того, что связано с постановкой игры. Но прежде чем принять решение, я выслушиваю очень многих людей. Бывает, не хотят говорить, руководствуясь какими-то своими соображениями. В таких случаях я иногда даже сумасшедшими идеями провоцирую на высказывания – ишу тем самым либо подтверждения тому, что уже придумал, либо опровержения. И если возражения убедительны, соглашаюсь с ними.

На регулярных предыгровых встречах, в которых участвуют ведущие игроки команды наряду и на равноправной основе с тренерами, футболисты могут высказать сто различных предложений на тему «как играть и в каком составе», но кто-то один должен сделать окончательный выбор. Директивные методы на производственных наших совещаниях бессмысленны. Необходимо, чтобы каждый проникся идеей так, будто все это придумано им самим, а состав на матч полностью отвечает его представлениям о возможностях каждого из названных футболистов.

Тренер, на мой взгляд, должен уметь с такой же легкостью, как он говорит «нет», говорить «да». Трудно, безусловно, но интересы дела этого требуют. Коэффициент взаимодоверия гораздо выше, когда все делается открыто и по справедливости.

Владимир Трошкин был весьма старателен в тренировках и играх, понимая (дано это не каждому – понимать), что от бога ему досталось не очень много. Танцуя от этой печки, он методично компенсировал отсутствие сверхталанта максимальной реализацией своих способностей.

Трошкин был известен в нашем внутреннем футболе как хавбек, мобильный и настырный, не умеющий, быть может, играть в высоко комбинационный футбол, но покрывавший этот недостаток неутомимостью и готовностью бегать, если необходимо, еще два тайма.

Нам не составило особого труда убедить Владимира в целесообразности – прежде всего в интересах команды – перевода его на позицию флангового защитника. Как выяснилось потом, выиграли от этой перестановки и команда, и Трошкин.

Перемена функций игроков в нашем клубе не выглядит чем-то необычным ни для самих футболистов, ни для публики, ни для специалистов.

Внешняя неяркость (но не блеклость!) не помешала Трошкину встать в один ряд с самыми полезными игроками команды. Одним из лучших для Трошкина стал первый полуфинальный матч Кубка кубков в 1975 году в Киеве против «Эйнховена». Два его потрясающих, мощных и неудержимых прохода по правому флангу в середине первого тайма и в начале второго завершились выверенными дугообразными передачами, на которые из-за спин не успевавших развернуться голландских защитников вылетали Колотов и Блохин, забившие по голу.

В редчайших случаях зона, покинутая Трошкиным, требовала страховки. Он при рейдах вперед или доводил дело до конца, или же успевал при потере мяча вернуться и как ни в чем не бывало приступить к необходимой обороне, словно не было перед этим изматывающих рывков.

В Базеле, перед финалом с «Ференцварошем», он подошел ко мне и спросил:

«Васильич, сколько, по-вашему, весит эта чашка?» и показал на афишу, на которой красовался Кубок кубков. «Какое это имеет значение?» – «Для вас, может быть, и не имеет, а мне ее тащить в раздевалку. У нас ведь как, если что тяжелое, пусть Трошкин тащит, он здоровый». У меня «мандраж» предстартовый, а тут-про «чашку», которую, кстати, неизвестно еще было кому тащить, нам или венграм...

Когда к проходам Трошкина по правому флангу привыкли, и соперники стали рейды эти блокировать, он время от времени их видоизменял, смещаясь в сторону центрального нападающего – и с мячом, и в ожидании передачи, норовя при каждом удобном случае дожидаться окончания атаки и принять непосредственное участие в ее завершении.

Достоверность перевоплощения Трошкина из защитника в атакующего игрока в ходе матча была настолько убедительной, что когда он, видя впереди на своем фланге скопление футболистов, делал передачу, а не шел вперед, ему не верили и... сторожили защитника, что всегда было нам на руку.

Рассказывают, что еще в Енакиеве, где жила семья Трошкиных, он раз двадцать посмотрел кинофильм «Строгая игра» режиссера Г. Липшица. Потрясенный игрой Володи Мунтяна, он поспорил с товарищами, что будет играть вместе с Мунтяном в одной команде. «Да это же талантище, каких не сыскать! Куда уж тебе», – сказали ему. Он ответил с простотой, граничившей с самонадеянностью: «Не боги горшки обжигают. Надо только захотеть». Над ним смеялись, но он сказал только: «Посмотрим...» Что из этого «посмотрим» вышло, известно.

Широкоскулый, с твердым резким взглядом, трудолюбивый как пчелка – он был своим в динамовском ансамбле.

Строгость и аккуратность в игре Михаила Фоменко была вызвана жизненной необходимостью – он занимал позицию заднего центрального защитника, которая предполагает прежде всего верность принципу высокой надежности. Мы уже тогда требовали от «чистильщика» участвовать в создании атак точным продольным пасом и подключением вперед для создания численного большинства на определенном участке поля, чаще всего в центральной зоне атаки, и Фоменко задания эти хорошо выполнял.

Когда он сомневался, удастся ли действовать без ошибок, он не предпринимал никаких шагов, сознавая пагубность опрометчивых действий для команды. «Пусть будет проще, но надежнее» – его девиз, который можно посоветовать взять на вооружение и многим сегодняшним задним центральным защитникам.

Позиционные промахи Михаил допускал нечасто, чутье на направление атак соперников у него было, но подводила иногда медлительность в принятии решений, особенно если игра шла на сумасшедших скоростях. Надежность оборонительная в этих случаях, к счастью, оставалась, вторая же, созидательная «половинка», исчезала.

Ему часто не давала покоя больная спина, играл на уколах, но знали об этом только в пашей команде, ну, может быть, и приятели из других: все футболисты все про всех знают, беспроводный телефон между командами работает с постоянным напряжением. Зрители не знали, да и не догадывались, что в центре обороны трудится парень, который с такой спиной брал бы на «гражданке» бюллетень за бюллетенем.

На первых же минутах матча Миша доверительно говорил ближайшему сопернику: «Сегодня можете даже не стараться. У нас все в порядке, вам не «светит». Естественно, на такую пушку взять кого-либо трудно, но наш «либеро» этого и не добивался – успокаивал себя, приводил в полное психологическое соответствие матчу. Кстати, зарубежным игрокам он объяснял то же самое, по с помощью жестов. После оповещения о том, что «мы в порядке», он брался за дело, и ничто больше от игры его не отвлекало.

Как-то – боюсь ошибиться, но, по-моему, было это в 1977 году – я обратил внимание, что Миша на базе не расстается с толстой клеенчатой тетрадью, в которую постоянно что-то записывает. «Может быть, дневник ведет», – промелькнуло тогда. Все прояснилось, когда этот черноволосый симпатичный парень постучал однажды в дверь моей комнаты и, войдя, сказал: «Не мыслю себя вне тренерского дела после того, как закончу играть. Хотел бы

посоветоваться с вами по этому вопросу».

С первых дней нашей работы в киевском «Динамо» мы с Олегом Базилевичем объявили игрокам, что нам не безразлично их будущее, что были бы рады иметь в их лице последователей и готовы, когда это потребуется, помочь в том деле, которым занимаемся сами. На словах можно говорить что угодно, но мы пытались заразить ребят увлеченностью, продемонстрировать все плюсы и минусы профессии.

Мы осознавали, безусловно, что далеко не каждому из наших подопечных суждено стать тренером. То есть заняться этим делом могли, конечно, все, но мы думали о тренерах высокого класса. ВШТ «штампует» тренеров в большом количестве, но где они, тренеры, о которых говорили бы как о новаторах?

В тренерском деле прошлые заслуги не в счет. Начало – с нуля. Опыт игрока полезен, но в минимальной дозе. Когда в интервью с двадцатилетним футболистом, забившим несколько красивых мячей, я читаю, что он мечтает стать тренером, я ему не верю, потому что реально он и понятия не имеет, что это за дело. Михаил Гершкович как-то признался, что когда он бегал по полю, то полагал, что секретов для него в этой игре нет никаких, а тренером сделает время. Только закончив, он понял, сколько же есть в футболе такого, чего он не знал, но без чего тренерская работа невозможна.

В «Монологам» Томаса Сакалускаса – книги о жизни и творчестве Юозаса Мильтипаса, театрального режиссера-творца, есть такое определение сущности театра, предназначения актера: «Актер не может опираться на титулы, звания, степени. Не может кичиться стажем и в будущем видеть себя в ореоле славы... Движение – это жизнь, покой – это смерть. К тем, кто способен на движение, театр относится взыскательно, но подоброму. К другим, окаменевшим, омертвевшим, театр взыскателен, но суров».

Помимо того, что мы «ставили» игру, репетировали ее в тренировках, мы хотели стать для ребят, расположенных и тянувшихся к тренерскому делу, теми, кем для нас были О. А. Ошейков, В. Д. Соловьев и В. А. Маслов. Мы рассчитывали (и рассчитываем по сей день уже с новыми игроками) передать им все лучшее, что умеем, и стимулировать их к собственному поиску – это главное.

Примерно об этом мы говорили тогда с Михаилом Фоменко, и я пожелал ему всяческих успехов, обещая помощь, когда она потребуется, добавив при этом, что профессия тренера требует недюжинного здоровья (обязательно надо следить за своим состоянием), крепких нервов (выматывающих обстоятельств в нашем деле предостаточно), умения сражаться, отстаивать свою точку зрения, не сдаваться и маневрировать.

Интеллектуально игроки становятся с течением времени более развитыми, а значит – и более требовательными. Они уже не довольствуются тремя-четырьмя выученными решениями, чувствуют: для того чтобы добиться успеха, нельзя стоять на месте. Не имеет права стоять на месте и тренер.

В тетрадь же Михаил записывал конспекты тренировок, разборы матчей.

Я порадовался, увидев Фоменко на тренерской скамейке, спокойного и уравновешенного.

Рассудительность и обстоятельность, присущие Стефану Решко в жизни, легко переносились им на поле. Сколько форвардов отскакивало от него, как от стенки, после жесточайших столкновений, корчилось от боли с искаженными лицами, а Решко, которому доставалось не меньше, как никто умел прятать боль и старался улыбаться, что выводило соперников из себя.

Внешне в игре неброский, с массивными ногами и истинно футбольным торсом, он знал потолок своих возможностей и никогда не старался придумать что-то невообразимое, что не отвечало бы этим возможностям. Благодаря такому обстоятельству уровень его надежности был весьма высок, и служил он команде верно.

Злые языки, имея намерение уязвить Решко, говаривали в 1975 году, что «Киев играет вдесятером», намекая на отсутствие в игре Стефана исключительной техники, яркости, умения привлечь к себе внимание публики, но забывая при этом почти совершенное

владение тактическим арсеналом, строгость в выполнении тренерских заданий и способность исключительно чисто играть в отборе – качества, которым могли бы позавидовать многие сегодняшние защитники.

Впрочем, Решко на подобные выпады никогда не отвечал, хотя не мог не обращать на них внимания и не переживать в душе как явную несправедливость.

Молчаливый по своей натуре, добрый и справедливый человек, Стефан безропотно переносил все предлагавшиеся на тренировках нагрузки, ворчал иногда про себя, когда было совсем уж невмоготу, но терпел и терпением своим заражал партнеров и читал в их глазах уважение к способности выдержать, казалось бы, невероятное.

«Тренировочные нагрузки, которые нам доводилось переносить, – сказал он однажды, – порой, откровенно говоря, доводили до изнеможения. При всей любви к футболу организм восставал против них. В странном состоянии мы пребывали. Одновременно и ждали, что тренеры допустят слабину и пожалеют нас, и – не хотели этого. Если бы дождались, то незамедлительно воспользовались бы поблажкой – таково свойство человеческой природы. Но пощады нам не было. Может, поэтому мы выиграли Кубок кубков, а затем и Суперкубок».

Легкость, с которой Виктор Матвиенко мчался по левому флангу, простреливал вдоль ворот, а иногда и сам завершал атаки, вызывала восхищение и казалась на первый взгляд природным даром. Способности Виктора бесспорны, но ему пришлось пролить не одно ведро пота и не один час просидеть в классе у доски с намагниченными фигурками футболистов, прежде чем появилась возможность готовить его к той игре, которую он демонстрировал в лучших своих матчах.

Мне показалось тогда, что Матвиенко с радостью воспринял задание расширить зону игры. Раньше от него требовалось лишь бдительно следить за соперником и безошибочно подыгрывать партнерам, чаще всего на коротке. Потенциал Матвиенко способствовал добавлению к этим, безусловно, необходимым элементам в игре крайнего защитника новых функций, связанных прежде всего с участием в активной атаке. Поначалу боязнь за свою зону сдерживала, словно кто-то невидимый подтягивал его на веревке назад, когда требовалось участие в создании численного большинства впереди, но потом, когда Матвиенко осознал, что пустой его зона не останется, когда понял основные принципы взаимостраховки и взаимозаменяемости, принятые в нашей команде, остановить его было невозможно, приходилось иногда даже сдерживать, и он здорово усилил атакующие действия команды киевского «Динамо».

Войдя во вкус такой игры, требовавшей незаурядных физических качеств, Виктор решил не ограничивать себя отработавшимися на тренировках нацеленными передачами, но и самостоятельно атаковать ворота, врываясь даже во вратарскую площадку на передачи с противоположного фланга. Для соперников это было поначалу в новинку. Потом разобрались что к чему, но противодействовать маневру в полной мере не могли, ибо появление Матвиенко в рядах оборонявшихся все равно оставалось неожиданным, особенно в тех случаях, когда мы проводили скоростные контратаки.

Надо сказать, что иногда довольно сложно убедить футболиста в необходимости изменить характер своей игры. Связано это во многом с неумением представить цельно требуемый образ игры. То ли везло мне на игроков, то ли убедительными выглядели мои аргументы и конкретные доказательства, но не припомню ни одного случая, когда не удалось бы добиться от футболиста осознанного понимания моих предложений. Бывает ведь, игрок соглашается с тем, что ему говоришь, готов поменять функции и амплуа, но выходит на поле – и сразу видишь, что все это ему «до лампочки», поставили в состав, ну и ладно.

Только осознавший и закрепивший новые навыки в тренировках игрок способен соответствовать задаче, которая поставлена тренером не только для этого конкретного футболиста, а с учетом общей тактической задачи команды.

Из разряда любимцев команды – Андрей Баль. Скромный чрезвычайно, не унывающий ни при каких обстоятельствах. Я могу припомнить один лишь, пожалуй, случай, когда он не

знал, куда себя деть, – 15 июня 1986 года в раздевалке стадиона мексиканского города Леон после проигрыша бельгийцам. Позиционные ошибки Баля в этом матче во многом предопределили результат. Правда, подавленно чувствовала себя вся команда, но Баль – особенно. Никто, включая нас, тренеров, не мог его утешить. Я сорвался было на крик, потом просто махнул рукой, на секунду представив себя на месте ребят и осознав мгновенно, что никакой всплеск эмоций делу уже не поможет. Рыдающие футболисты – зрелище, что и говорить, не совсем привычное. Плакать же было от чего...

Балю, одному из самых универсальных наших футболистов, какой-то малости не доставало, чтобы стать игроком-лидером, он силен при выполнении конкретного задания, но этого мало, чтобы блистать на поле. Впрочем, если бы все футболисты так до малейших деталей точно выполняли игровые задания, как Баль, общий уровень футбола у нас резко бы поднялся.

Андрею будет что вспомнить, когда он закончит играть: чемпион мира среди юниоров в 1977 году (тогда, а может, чуть раньше он приглянулся киевскому «Динамо»), участник двух чемпионатов мира – в Испании и Мексике, и не просто участник, а игрок основного состава, один из победителей Кубка кубков, не раз становился чемпионом страны и обладателем Кубка СССР в составе «Динамо»... Послужной список – дай бог каждому. Вот вам «неприметный и незаметный».

Сергей Балтача, «чистильщик» с тонким позиционным чутьем, появился в киевском «Динамо» в 1976 году, когда еще несла большую нагрузку «старая гвардия», но когда уже наступило время подумать о будущем команды. Балтача был одним из тех, с кем связывались определенные надежды. Он уже тогда показался нам в меру честолюбивым и уверенным – настолько, что эти качества не переходят у него в себялюбие и самоуверенность.

Вполне попятно, что 18-летнего дебютанта, приехавшего из Харькова, пусть даже хорошо известного в среде юниорских тренеров, «запускать» в основной состав было рановато при играющих Фоменко, Решко и Конькове, но в резерве, куда мы поначалу его определили, у него была возможность познакомиться с методами работы, практиковавшимися в киевском «Динамо», пожить рядом с корифеями, осмотреться и разобраться (вместе с нами), способен ли он будет занять первую же вакансию.

Мы никого не держим в команде насильно, любое заявление об уходе подписываем пусть не всегда с легким сердцем, но без длительных обсуждений. Раз человек решил уйти, значит, считает, что так ему будет лучше. И даже если команда потеряет хорошего игрока, задерживать насильно (а рычаги воздействия на футболиста всегда можно найти) его не стоит. Зачем оставлять в команде человека, которому команда эта не нужна? Ведь он, волевым путем задержанный, будет делать все возможное, чтобы избавиться от нее или чтобы она избавилась от него. Причины уходов бывают разными, вдаваться в подробности не считаю необходимым. Можно провести условную аналогию с разводами семейными – и там масса причин, в которые лучше не вдаваться. Можно только вообразить, что произойдет, если разводы запретить законодательным порядком.

Когда Сергей, получив на сборах первую дозу наших нагрузок, сказал: «Я остаюсь» и, засучив рукава тренировочного костюма, принялся за серьезную работу, отдавая себя футболу целиком, нам стало ясно, что мы не ошиблись в выборе. Он начал выходить на поле в числе «первых одиннадцати» даже раньше, чем мы предполагали. Правда, может быть, несколько позже, чем рассчитывал он.

Последние годы ему спасу не было от травм, и когда он рухнул 2 мая 1986 года на лионском стадионе «Жерлан» и выяснилось, что порвалось ахиллово сухожилие, я подумал, что после таких повреждений в таком возрасте (ему было 28 лет) при таких нагрузках в большую игру не возвращаются. Рад, что ошибся.

Надо было слышать, каким восторженным ревом приветствовала Балтачу на симферопольском стадионе публика, насыщенная о его злключениях с ахиллом, когда он в составе сборной появился на поле за пять минут до конца отборочной встречи чемпионата

Европы с норвежцами 29 октября 1986 года.

На игру с «Атлетико» в финале Кубка кубков, в которой он и получил эту тяжелую травму, Балтача вышел с воспаленными ахилловыми сухожилиями, попросив меня и врачей даже не обсуждать с ним возможность замены.

Травмы свое подлое дело сделали. Сергею труднее стало играть головой. Он признавался, что ничего не может с собой поделаться: ситуацию чувствует, а выпрыгнуть высоко не может – нога «не пускает». Он стал излишне перестраховываться сзади – делал больший, чем нужно, «зазор» между собой и передним центральным защитником. Он полагал, что так ему будет легче при подстраховке, но, когда передачи шли за спины наших защитников, он часто не успевал к мячу и создавались довольно сложные ситуации у ворот.

Балтачу бесила собственная беспомощность, он становился замкнутым и раздражительным. Те, кто знает, что такое цепь спортивных травм, поймут его.

Наверное, было бы высшей несправедливостью, если бы Олег Кузнецов, обладающий всеми необходимыми стопперу качествами, до сих пор играл в черниговской «Десне». К счастью, его вовремя заметили, в двадцатилетнем возрасте он появился в киевском «Динамо», но не стажером в резерве (это было в 1983 году – тогда и годом позже шло основательное реформирование клуба), а сразу игроком основного состава – это место он занимает и поныне, не собираясь его никому уступать.

Хладнокровный и решительный, он стал любимцем публики в Шотландии, где мы из года в год играли то с «Селтиком», то с «Глазго Рейнджерс». Шотландцы признали его своим, находили черты внешнего сходства – высокий рост, рыжие волосы, даже прозвали его на шотландский манер «Маккузнец».

Олег Кузнецов не понимает, как можно кого-то бояться. Ему больше нравится, чтобы боялись его, и он все делает для этого. Он не тарачит на соперника глаза из под белесых бровей, не запугивает его, не надувает щеки, но играет настолько жестко, что столкнувшийся с ним один раз вряд ли захочет повторить эксперимент. Великолепное зрелище, когда ему в соперники достается такой же одержимый и неуступчивый, как он сам. Тут уж поистине – чья возьмет: постоянные микродуэли, толчки, падения, ушибы, когда кажется, что перелом неизбежен, бескомпромиссная борьба в воздухе и – рукопожатие и похлопывание по спине после матча в знак уважения друг к другу. Правда, понадобилось некоторое время, чтобы игра Кузнецова стала более корректной, но максимально чистой ее до сих пор не назовешь.

Кузнецов способен (когда такой возможности нет у партнеров), заняться организацией атаки из глубины, поле и возможные направления атаки он видит неплохо.

Наш стоппер обладает мощным ударом, но требуется упорство, чтобы заставить его отрабатывать штрафные на тренировках. В игре он пользуется штрафными ударами неоправданно редко (пожалуй, единственная ситуация, когда он боится неточным ударом подвести партнеров и вызвать недовольство трибун). В финальном матче за Кубок СССР он поставил мяч на точку штрафного, приготовился бить метров с 25, и кто-то на нашей скамейке воскликнул: «Должно же когда-нибудь это ружье выстрелить!» Гол был великолепным, но великолепие его мы оценили потом, а тогда – необходимость.

Когда мы приглашали из Днепропетровска, а было это в конце 1978 года, довольно хлипкого на вид полузащитника Анатолия Демьяненко, многие в Киеве пожимали плечами: «Еще один дублер приехал, промурыжат его годик-другой, помыкается сам среди именитых, да и вернется восвояси».

Первое время я замечал, что Толе было несколько неуютно у нас, над ним слегка подтрунивали, но разгуляться шутникам взявшие его под свое крылышко Коньков и Веремеев не давали, жил он первое время у Бессонова, постепенно вошел в коллектив, стал в нем своим, приняли его безоговорочно.

Характер, между прочим, не последнее дело. Коллектив не терпит пустомелей, обманщиков, трусов, высокомерных, злопамятных, завистников – отторгает их. Мне представляется (сужу по своему тренерскому опыту), что со скверным характером в хорошем коллективе может задержаться только выдающийся футболист. Ему прощают

многое, и то – до определенного предела. Если же чересчур, как говорят дети, задается, то ставят на место. Собственными силами, не прибегая к помощи администрации и зачастую даже не информируя ее о случившемся. Уроки коллектива бывают намного поучительнее самых душевспасительных бесед, проводимых старшим тренером и начальником команды.

Демьяненко покорила всех работоспособностью на тренировках. Для реализации его отменных физических способностей необходимо было предоставить ему оптимальный простор на поле. Простор был найден на левом фланге нашей обороны, где он начал действовать с невиданным до тех пор, на мой взгляд, среди крайних защитников размахом. В некотором отношении Демьяненко превзошел своего предшественника Матвиенко, значительно усилив атаку. Он без усталости «перепыхивал» широкими шагами зону длиной 60–70 метров вдоль боковой линии и выглядел после матча так, будто этот адский труд доставляет ему огромное удовольствие.

Анатолий много забивал в клубе и сборной, в которой за короткий срок стал одним из ведущих игроков. Признание его в 1985 году лучшим футболистом страны не пошло ему на пользу. Удивительно, но факт: за редким исключением (Блохин, например), игрок, признававшийся журналистами первым номером, следующий сезон проводил заметно хуже. Не обошла эта участь и Демьяненко.

1986-й – не лучший его год, хотя в ранге капитана киевского «Динамо» он получил в Лионе Кубок кубков из рук президента УЕФА Жака Жоржа, а в Мексике, уже в качестве капитана сборной, вывел команду на поле.

Я верю в Анатолия Демьяненко, верю, что некоторый спад в его игре преодолим – залог тому его собственное осознание своих ошибок. Я знаю характер этого парня, его натуру, не испорченную «звездной» или «предзвездной» болезнью (в зазнайстве и погоне за дешевой популярностью его обвинить невозможно), знаю об умении постоять за честь коллектива, видел, как он за коллектив переживает. Надеюсь, у нас еще будет возможность вместе решать серьезные задачи. Ждать их в сегодняшней футбольной жизни долго не приходится.

Игроком основного состава киевского «Динамо» Владимир Мунтян стал задолго до моего прихода в эту команду, еще в 1966 году, когда ведущие футболисты уехали в Англию на чемпионат мира, и 19-летний резервист заменил одного из них, да так ярко выступил, что киевский клуб без молодого диспетчера уже и не мыслился.

Опытного футболиста тренеру привлечь на свою сторону и легче, и труднее, чем неискушенного. Легче, потому что опыт помогает ему воспринимать новое значительно быстрее. Труднее, потому что за долгие годы работы складывается определенная система привычек и стереотипов. Мунтян с его безукоризненной техникой, по-кошачьи мягким обращением с мячом, отменной координацией, умением мгновенно принимать верные решения, точным сильным ударом был нужен новой команде, мы весьма на него рассчитывали и прямо сказали ему об этом. Мы, правда, немного опасались, что ему сложно будет переносить тренировочные нагрузки нашей программы, но он с ними справлялся почти безупречно, а когда самый старший игрок делает на занятиях все, то грешно не делать этого же молодому.

Один из немногих «коренных» динамовцев Киева (в школе «Юного динамовца» он появился в семилетнем возрасте, в 1953 году), он воспитан на традициях клуба. Мечтал, правда, одно время о «Торпедо», ибо там играли кумиры его детства Воронин и Стрельцов.

Раньше, чем мы пришли в команду, он понял, что на «чистеньких» мячах в классный футбол на высоком уровне уже не сыграешь, необходимо совершенствовать искусство обороны, и первым эту мысль привил ему В. А. Маслов. Мы практически ничего не стали менять в игре Мунтяна, попросили лишь обратить большее внимание на участие в коллективных действиях. Дважды Володе ничего объяснять не требовалось.

Каким бы прекрасным ни был игрок, один он не в состоянии решить исход встречи в современном футболе. Необходима довольно большая группа отменно подготовленных футболистов, которые определяют игру команды. Времена личных подвигов Пеле, Пушкаша,

Гарринчи, Эйсебио, Круиффа, которые могли с некоторой помощью ассистентов, сами решать задачи игры, канули в Лету. На мой взгляд, голландцы не стали чемпионами мира в 1974 году в основном по одной причине: Круифф, будучи одновременно и капитаном, и игроком, и тренером на поле, хотел слишком многое сделать в одиночку и заставил поверить в свои феноменальные возможности партнеров, которые возлагали на него слишком большие надежды, в итоге не осуществившиеся. Круифф тогда, если уж вспоминать, вообще не должен был играть в финале. В матчах, проходивших до решающей встречи, он чувствовал себя не совсем хорошо и, как утверждали тогда голландские эксперты, был не в лучшей форме. Именно поэтому Фогтс выключил его из игры, именно поэтому он сам пытался начинать атаки со своей половины поля, которые захлебывались либо во время его индивидуальных проходов, либо на второй-третьей передаче. Забив гол, голландцы стали вести себя так, будто они выигрывают по меньшей мере пять мячей, в их действиях стала проследиваться небрежность, а Круифф и Неекенс – два явных лидера – не сумели переубедить партнеров и позволили сборной ФРГ оправиться от шока, вызванного пропущенным с пенальти мячом, собраться и полностью перехватить инициативу...

Мунтяну не возбранялось использовать свои лучшие индивидуальные качества. Напротив, его непредсказуемые ходы, в которых разбирались только партнеры, отменно дополняли командную игру, придавали ей яркость, элегантность, некоторый шарм.

В победном для нас розыгрыше Кубка кубков Владимир Мунтян сыграл в восьми матчах из девяти, в том числе и в финале, забил два гола. Многого стоят его 49 матчей в составе сборной и участие в мексиканском чемпионате мира в 1970 году.

Мы не включили в состав олимпийцев в 1976 году 30-летнего Мунтяна. Возможно, это была наша ошибка, хотя тогда мы были уверены в своей правоте. Мы объявили ему о своем решении на базе в Конча-Заспе за сутки до отлета в Москву, где собиралась вся наша олимпийская делегация. Он ничего не сказал, только кивнул и вышел. Во дворе он сел за руль своей машины, сидел без движения, откинувшись на спинку, минут десять, потом включил зажигание и поехал, сосредоточенно и уверенно как всегда. Я подумал: лучше иметь на сборах перед крупным турниром уже полностью укомплектованный состав, чтобы не принимать участия в таких сценах.

Утром следующего дня Мунтян приехал в аэропорт проводить команду и пожелал ей удачи. После возвращения из Монреаля мы услышали совсем иную версию (убежден, что информация исходила не от него): якобы Володя был уверен, что летит вместе с нами, а мы его в последний момент высадили прямо с вещами из самолета.

Я не собираюсь вспоминать подробности самого активного участия Володи в послемонреальском конфликте, о котором на этих страницах уже рассказано, о его собственных дисциплинарных погрешностях, которые ему чаще всего сходили с рук при всеобщем попустительстве. Не в этом дело. Все эти частности, преходящие и временные, не могут затмить главного: Владимир Мунтян – одна из самых ярких фигур советского и европейского футбола конца 60-х – первой половины 70-х годов.

Не уверен, что можно найти тренера, не пожелавшего бы иметь в своей команде Анатолия Конькова. Потрясающие его способности не вызвали сомнений, хотя противоречивость характера, заметная в жизненных ситуациях, проявлялась иногда в игре и сказывалась на ней.

Базилевич, работавший в 1973 году в «Шахтере», в котором играл Коньков, приложил много сил и стараний, чтобы заполучить этого великолепного футболиста в нашу команду, с которой мы планировали покорить футбольную Европу. В 1986 году Базилевич, вновь возглавив «Шахтер», предложил Конькову стать вторым тренером. Вместе они проработали год, после чего старшим стал Коньков, а Базилевич уехал в Болгарию тренировать софийскую «Славию»...

У меня до сих пор нет сомнений, что Коньков – игрок уровня Франца Беккенбауэра. В отборе мяча он был безупречен, его передачи были точны, своевременны и направлены в нужное место, он, как никто, умел за короткий отрезок времени определить слабые места у

соперника и вместе с партнерами обрушивал именно в эти точки всю мощь наших атак. На позиции опорного хавбека равных Конькову не было.

«Все, больше не могу, сил нет», – сказал он однажды на тренировочных сборах в первую или во вторую неделю своего появления в команде в начале 1975 года. Его адаптация к нагрузкам проходила довольно болезненно на фоне других игроков, которые в этом режиме работали весь предыдущий сезон. Как потом выяснилось, «не могу» вырвалось непроизвольно. Конькову не надо было говорить: «Как же так, а остальные почему могут?». Он все видел сам, играть в Киеве в хороший футбол хотел, пробился в основной состав, который обыграл турецкий «Бурсаспор», голландский «Эйндховен» и венгерский «Ференцварош» в Кубке кубков.

Мы не сумели тогда настоять, чтобы Конькову, как и остальным, было присвоено звание заслуженного мастера спорта. На него были здорово сердиты функционеры из Спорткомитета из-за старых грехов, за которые он одно время был дисквалифицирован, и в Скатертном переулке даже слышать не хотели о таком поощрении Конькова. Впоследствии, когда он закончил играть, справедливость была восстановлена.

«Какая разница, со званием играть или без звания? – говорил тогда Анатолий, хотя ему, наверное, все-таки было обидно. – Вы можете, например, представить себе заслуженных мастеров спорта ФРГ или Голландии? А ведь играют, и ничего, как видим, играют».

Коньков отдал футболу далеко не все, что мог бы. Не знаю, по какой причине, но он начал постепенно угасать. Вероятно, он не видел возможностей для возрождения команды или видел, но не был уверен, что будет в состоянии играть в новой команде первые роли. Не знаю. Во всяком случае, он начал готовиться к уходу из футбола, и первым признаком этого стала последняя его игра за сборную 11 октября 1978 года в Венгрии в рамках отборочного турнира чемпионата Европы. Проводя этот матч, он поблагодарил партнеров и тренеров и попросил его больше в сборную не вызывать, сославшись на недостаточную готовность и неважное самочувствие.

В клубе его игра на месте заднего центрального защитника поначалу нареканий тренеров не вызывала, ему нравилась новая «должность», в которой раньше он, бывало, выступал лишь от случая к случаю. Помню, говорил даже: «Если последить за собой хорошенько, на этом месте можно лет до пятидесяти играть». Он дотянул до 1981 года, когда ему исполнилось 32, и с нескрываемой торопливостью, горя от нетерпения устремился в тренерское дело, надеясь наверстать то, что недодал футболу, на новом поприще. Если он не перегорит в ожидании скорых успехов и если не скрутит его тяжелая тренерская доля, из него может получиться хороший специалист.

Скорость, на которой самобытный парень из-под Казани Виктор Колотов ворвался в наш большой футбол, казалась непостижимой. Вторая лига – сборная – киевское «Динамо» – все в один присест, за вычетом времени, когда ему не давали играть из-за появившегося вдруг ошибочного, на мой взгляд, фельетона, обвинявшего Виктора во всех мыслимых и немыслимых грехах. Маршрут фантастический, и вполне понятной была битва за способного футболиста, развернувшаяся между несколькими клубами сразу.

Диапазон игры его неповторим, все он делал настолько правильно и вовремя, что болельщики на трибунах, сразу зачислившие Колотова в разряд любимцев, не переставали диву даваться. Сделав передачу, короткую ли, среднюю, длинную, он стремглав летел к воротам, его останавливали, пихали, цепляли, но он был неудержим и всегда стремился к максимальной цели – оказаться первым у мяча после прострела партнера и забить.

Сейчас это вспоминается не так явственно, как сразу после матчей, но Колотов забивал много красивых, ярких мячей, претендовавших бы сейчас на «лучший гол месяца».

Более молчаливого человека я в жизни не встречал. Сам немногословен, но таких не видел. Если он говорил, то только по делу – ни одного лишнего слова. В глаза мог сказать любому все, что о нем думает. Бил редкими словами по самолюбию, не щадя при этом и себя. Слышать неприятно, а что поделаешь – все верно и сказано человеком, к которому претензий почти никогда ни у кого не возникало и возникнуть не могло – ни в быту, ни на

тренировках, ни в игре.

О работоспособности Колотова ходили легенды, шутники утверждали, что, если нужно, он и третий тайм отыграет, и четвертый, причем с той же неутомимостью, что и первые два. Но я подметил одну характерную деталь. Если обычно футболисты стремятся хоть какие-то крупницы сил сберечь, то Колотов выкладывался за полтора часа весь, без остатка. Он знал, что ему работать 90 минут и работал на полную катушку, доводя себя до состояния невменяемости. После игры с «Эйндховеном» в Киеве – матча высокого уровня и большого напряжения, когда у футболистов не осталось никаких сил, когда мы с Базилевичем не могли стоять в раздевалке – ноги не держали, а сидели в креслах, из душевой вышел Колотов, оглядел всех внимательно и спросил в тишине: «Так они нам забили гол или нет?» Раздался мощный взрыв хохота. Во внутреннем дворике Центрального стадиона, как нам потом рассказывали, он был принят за проявление неумного восторга. Кто-то из ребят, по-моему, Володя Мунтян, воскликнул: «Ну ты даешь, Витек! Успокойся, осталось так, как было, – 3:0, если, конечно, судья им голик в протоколе не приписал». «Понятно», – невозмутимо сказал Колотов и снова отправился в душевую.

Колотов, работавший в киевском «Динамо» до нашего прихода, сознательно и одним из первых пошел на преодоление трудностей, связанных с предложенной нами программой. Он понимал, что в случае успешной реализации программы и отработанной на тренировках игры команда может подняться на новый, гораздо более высокий качественный уровень. Ему, прирожденному универсалу (говорят, что однажды, еще до нашего прихода в клуб, он в Бельгии в товарищеском матче играл в воротах, и весьма неплохо), не надо было долго объяснять преимущества коллективного гармоничного футбола.

Как-то мы смотрели на базе видеозаписи двух игр с участием «Аякса» времен Стефана Ковача. Колотов вдруг оторвался от экрана и сказал вопросительно-утверждающе: «Мы в такой футбол должны играть?!» И добавил спустя мгновение: «Только на более высоких скоростях».

Характеризующую Колотова историю поведал бессменный врач сборной Савелий Евсеевич Мышалов: «В 1973 году в московском матче со сборной Франции Виктор подошел ко мне в перерыве и сказал: «У меня один глаз не видит». В игре был момент, когда он получил сильный удар мячом по глазу. И вот глаз не видит. Я – к тренеру, Евгению Ивановичу Горянскому. «Менять надо Колотова!» Перед окончанием перерыва Виктор подходит ко мне и говорит: «Все в порядке с глазом». А у меня и времени уже не было проверить. Пошел он играть. После игры подходит. «Не видит глаз», – говорит. Закончилось это месяцем в госпитале».

Капитанская повязка свалилась на него словно гром в ясную погоду. Он привык считать себя рядовым футболистом, скромно и честно делающим свое дело, и вдруг... Реакция на доверие и уважение выбравших его ребят была ожидаемой: власть какая-никакая, а все же власть, ни на йоту его не изменила. Он не стал покрикивать на партнеров, не напускал на себя важный вид и не говорил менторским тоном. Капитанство он расценил как необходимость быть примером в жизни, на тренировках и в игре.

Я не собираю специально футбольные реликвии – вымпелы, фотографии, значки, но среди скопившихся за многие годы вещей бережно храню неиспользованный билет на матч киевского «Динамо» с московскими армейцами 22 июня 1941 года, фотографию команды 1961 года, когда она впервые выиграла чемпионский титул, и фото, на котором Виктор Колотов высоко поднимает над головой первый в истории советского футбола европейский кубок для клубных команд.

Больше, чем Володя Веремеев, со мной, пожалуй, никто не спорил. Он последовательно пытался убедить меня в том, что футболисту на базе перед игрой делать нечего, надо готовиться дома, в спокойной обстановке, слушая музыку или же читая. «Хорошо, – говорил я ему, – отпущу я тебя, еще несколько человек, в благоразумности которых уверен на сто процентов, а остальные? Как остальные ребята это расценят, ты подумал? Я бы на их месте взбунтовался. Это первое. А второе, поверь: какой бы гнетущей

ни казалась тебе обстановка в «резервации», как вы называете базу, лучше, чем здесь, к игре ты не подготовишься. С питанием, в отличие от города, проблем нет никаких, на тренировку не надо мчаться тридцать километров туда – тридцать обратно, продуманный режим, врачебная помощь – словом, все условия для работы и отдыха».

Сейчас Веремеев, работая вместе со мной в тренерском штабе киевского «Динамо», говорит: «Я был нрав с точки зрения игрока, вы – с точки зрения тренера. Тренерская работа выше, поскольку исходит она прежде всего из интересов всей команды, игрок же волей-неволей, как бы он ни хотел иного, свои интересы ставит выше».

Веремеев с воодушевлением воспринял возможность играть в новый футбол, мечтал, оказывается, об этом. Мы поняли друг друга с полуслова во время первого нашего серьезного разговора с ним в Ташкенте. Я сказал ему тогда: «Ты можешь играть лучше». И говорил я это не только для того, чтобы его вдохновить. Мы видели Веремеева в отдельных матчах киевского «Динамо» при В. А. Маслове и заметили у него нереализованные возможности. «Не знаю, смогу ли, – ответил он, – но что хочу – это точно».

Хрупкость сложения Веремеева обманчива, даже визуально можно было определить, что его организм способен выдерживать большие нагрузки, и медицина подтверждала это.

Ему было интереснее и легче действовать впереди, но наступила в команде такая пора, когда каждый должен был отрабатывать и сзади, не гнушаться черновой работы. Я бы не стал характеризовать Веремеева как идеального универсала, по к выполнению функций соседа на поле он был готов процентов на шестьдесят-семьдесят.

Уже тогда, в 1975-м, мы задумывались о количественном и качественном насыщении средней линии, и получалось весьма неплохо, когда в полузащите орудовали вместе Коньков, Колотов, Веремеев, Мунтян и Буряк. Правда, затем из-за постепенного схода со сцены корифеев и отсутствия высококвалифицированных исполнителей этой идеи от нее на время пришлось отказаться.

Он не выступал в Базеле. Две желтые карточки, показанные испанцем Санчесом Ибаньесом в полуфинале в Эйнхovensене, означали удаление и автоматический пропуск следующего матча. Веремеев бродил с повязкой «Пресса» и фотоаппаратом «Смена» в руках вокруг поля и, по-моему, щелкнул камерой раза два, не больше. Во всяком случае, снимки потом не показывал.

Передачи Веремеева были хрестоматийными, и очень жаль, что не сделан вовремя видеофильм под таким, например, названием: «Пасы Владимира Веремеева» – хорошее было бы учебное пособие.

Он доверял интуиции, и не однажды хотелось крикнуть: «Куда? Зачем?», когда он без остановки использовал катящийся или летящий мяч для выполнения дальней передачи, заметив оказавшегося в выгоднейшей ситуации партнера. В его голове работала маленькая ЭВМ, и пока он на скорости мчался вперед, она выдавала ему решение, иногда заставлявшее врасплох даже своих, не подозревавших о расчетах «машины». Свои в конце концов к его ходам привыкли, для этого и существуют тренировки, противников же он продолжал обескураживать.

Веремеев достиг почти совершенного мастерства импровизации в условиях строгой коллективной игры, что заметно отличает очень хорошего футболиста от среднего.

Монреальское фиаско он переживал как катастрофу, но довольно быстро встал на ноги в следующем, чемпионском сезоне, – я боялся, что излишняя чувствительность не позволит ему сделать это. Последние десять матчей в киевском «Динамо» провел в 1982 году, когда из «могикан» 1975-го оставались Буряк, Блохин и он. Спустя два года стал начальником команды.

Леонид Буряк ушел предпоследним из той плеяды, сыграв 24 матча из 34 в 1984 году. Вокруг его ухода и последующего появления в московском «Торпедо», а затем в харьковском «Металлисте» возник целый клубок слухов, в свою очередь породивших различные домыслы, прежде всего о конфликте между Буряком и мной. Леонид в печати публично объяснил, что совесть его перед киевским «Динамо» чиста, что никого он не

предавал – ни Лобановского, ни команду. «Но интриги вокруг меня, – сказал он, – плелись давно, и люди, которые были заинтересованы, чтобы я ушел, радовались, когда это случилось».

Насколько мне известно, в киевском «Динамо» никто Леонида в нечистой совести и тем более в предательстве интересов команды никогда не обвинял. Ничего не слышал я и об интригах и о заинтересованных в его уходе людях.

Повторюсь, мы никого не отчисляем, кроме тех, кто нарушает нормы жизни команды. Тех, кто просится, отпускаем. Буряк хотел полных гарантий того, что он будет играть в основном составе. Разумеется, дать их ему мы не могли, как не даем никому. Критерий один – игра.

Наверное, одна из самых сложных проблем для тренера – решиться не выставлять на матчи популярных игроков, если они не в форме. Такие решения принимать трудно, их, как правило, не готовы принять сами футболисты, считающие, что место в основном составе для них зарезервировано навсегда.

Участие Леонида в 24 матчах в 1984 году (меньше него тогда сыграли Кузнецов, Рац, Яковенко, Михайличенко и Бессонов, столько же – Заваров), мне кажется, опровергает все слухи о дискриминационном к нему отношении, а ведь мы видели потерю Буряком скорости, стремление сыграть в основном в «чистый» футбол, особенно не утруждая себя черновой работой, от которой, кстати, его освободили полностью в двух следующих командах – «Торпедо» и «Металлисте».

Я не имел ничего против того, чтобы он продолжал карьеру игрока в любой другой команде, он выбрал «Торпедо», и это его право. Расстались без истерик, но на довольно напряженной нервной ноте. Следующий сезон убедил пас в том, что Леонид, останься он в команде, несколько бы тормозил общекомандную скорость, которую удалось набрать и в матчах чемпионата, и во встречах европейского кубка. Конечно, можно было тогда предположить: убери, мол, из киевского «Динамо» Блохина, Балтачу, Демьяненко, Бессонова – и это будет рядовая средняя команда. Предполагать можно что угодно, реальность же совсем иная.

Всегда элегантный в жизни, Буряк на футбольном поле оставался верным стилю, и его безошибочно можно было отличить по бегу с высоко поднятой головой (глазами он искал своего друга Блохина и часто делал ему передачи даже тогда, когда из хода событий вытекало более разумное продолжение), по аккуратной прическе, по мягкости обращения с мячом даже при «стыках» или при выполнении подкатов, которые он но любил.

Он – из футбольных романтиков, но не из безнадежных, для которых главное – потешить публику каскадом трюков, побегать по зеленой лужайке в свое удовольствие, а из тех, которые не только в состоянии принять душой принципы сугубо коллективной игры, но и привнести в нее что-то свое, частицу романтики, что ли.

По-моему, от Буряка пошла легенда, будто в киевском «Динамо» отменены «стенки» – эдакий трючок, когда игрок отдает мяч партнеру, а сам выходит на свободное место в надежде получить пас в одно касание, чаще всего это делается накоротке. Прием исключительно ненадежный: в случае неудачи «отрезаются» не только оба участника «стенки», но и их партнеры, рассчитывающие на продолжение атаки и набирающие скорость, продвигаясь в сторону ворот соперника. Я сказал однажды в сердцах в раздевалке после нескольких таких «отрезаний»: «Леня, «стенки» надо исключить!» Отсюда, видимо, и пошло, хотя я отнюдь не против подобного приема, который можно применять на любых других участках поля, только не в непосредственной близости от ворот противника, хорошо владеющего оборонительными средствами, – здесь «стенка» обречена на провал.

Техника и настырность Буряка, умение выбрать правильную позицию позволяли ему, когда он находился в лучшей своей форме, без особых хлопот перехватывать передачи соперников и с «бригадой» полузащитников зорко выискивать бреши в обороне соперников.

Для хавбека забивал он вполне достаточно, вошел в 1987 году в «Клуб Григория Федотова» – 100 мячей на его счету, и было весьма приятно, что, говоря о своем вступлении

в «клуб», Леонид с благодарностью вспомнил о годах, проведенных в киевском «Динамо», о пяти титулах чемпиона страны, завоеванных в составе нашей команды, о трех Кубках СССР, о Кубке кубков и Суперкубке. Он не грешил против истины, когда сказал: «Я много, очень много работал: за «красивые глаза» в такой классной команде не держат».

Леонид Буряк достаточно сделал для киевского «Динамо», служил ему верой и правдой 12 сезонов.

Для Владимира Бессонова сезон 1987 года тоже был двенадцатым. Первые матчи в составе киевского «Динамо» 18-летний Бессонов сыграл в весеннем (9 матчей) и осеннем (2 матча) чемпионатах страны 1976 года.

Боец, каких свет не видывал. Для него не существует безнадежно проигранных ситуаций, борется до конца в любой, иногда даже в ущерб себе, но всегда – на пользу команде.

Он застал всю «старую гвардию», которая относилась к нему без показного покровительства, но как к младшему брату. В год победы юниорской сборной СССР на чемпионате мира в Тунисе, где Бессонов блистал и сам президент ФИФА Жоао Авеланж посулил ему будущее Пеле, в нашем клубе он провел более половины матчей за основной состав и получил свою первую медаль чемпиона страны. Сейчас их у него уже пять, и он надеется, что это не все.

«Человек-травма» – к сожалению, это определение как нельзя лучше подходит Бессонову. Как-то врачи паши выбрали время и подсчитали: за 12 лет у Бессонова было более 80 травм различного характера, от легких до очень серьезных, когда он не мог работать по нескольку месяцев.

В августе 1986 года, возвращаясь с амстердамского турнира, уже в Шереметьеве мы узнали, что у Бессонова позвоночник в гипсе и практически нет никаких шансов на то, что он вернется на поле. Демьяненко чуть не разрыдался. Потом выяснилось, что тревога, к счастью, оказалась ложной: диагноз не подтвердился, гипс накладывали, предполагая одно, а лечить надо было совсем иное.

Из-за травм Бессонов иногда играет очень мало в сезоне, но на поле он не выходит только тогда, когда действительно не может. Мелкие повреждения не в счет: тогда ему накладывают тугую повязку, и он сам настаивает на участии в матче. Мы идем ему навстречу только с разрешения врачей.

Причин травм у Володи несколько: безоглядное бесстрашие – в первую очередь, чрезмерная жесткость соперников – во вторую.

Он не из тех, кто бьет в ответ, ему доставляет радость переигрывать грубияна, а еще большую – забить гол.

Травмы не позволяют ему зачастую готовиться по полной программе, и тогда в игре могут произойти срывы, в простейших, заметьте, ситуациях, и причины срывов необъяснимы. Вместо того чтобы сыграть просто и надежно, он может, находясь на посту «либеро», затеять обводку и выпустить соперника один на один с нашим вратарем, может в безобиднейшем моменте небрежно откинуть мяч голкиперу, и мяч этот перехватят и забьют нам, способен вдруг ни с того ни с сего схватить противника, пытающегося обвести его в штрафной площадке, рукой – пенальти.

Подобные срывы чрезвычайно редки, но они запоминаются, потому что резко контрастируют с тем, как он может играть и как играет в лучших своих матчах, которых у него, конечно же, больше, чем провальных.

Чем выше ставка в игре, тем собраннее Бессонов. Его без колебаний, даже если он только-только оправился от травмы, можно ставить на престижные международные встречи, официальные и товарищеские, за сборную и за клуб. Он долго болел в сезоне 1987 года, не играл за клуб с конца мая по середину сентября, а еще через месяц был одним из лучших в решающем отборочном матче чемпионата Европы в ГДР, где выступал на позиции правого защитника.

Владимир Бессонов – один из немногих футболистов в стране, амплуа которого никто

не знает. Ничуть не преувеличиваю: он способен сыграть на любом месте с одинаковой отдачей, с одинаковой надежностью, при одинаковом коэффициенте полезного действия. Для него не составляет труда менять позиции по ходу игры, не требуется времени для «притирки» на новом месте и налаживания новых связей с партнерами.

По числу сыгранных матчей в сборной Бессонов занимает среди киевских динамовцев всех поколений второе место после Блохина – к январю 1988 года принял участие в 66 встречах национальной команды, выступил на двух чемпионатах мира.

Мне иногда говорят, что я слишком суров по отношению к Бессонову. Сам Бессонов, кстати, так не считает. Я убежден и делаю все, чтобы футболисты, с которыми работаю, прониклись этим убеждением: независимо от уровня мастерства игрок не может показать на поле все, на что способен, если не готов к матчу физически. И моя задача заключается в том, чтобы футболисты были отлично подготовлены.

Александр Заваров боялся браться за серьезную работу, хотел этого, но боялся и не верил, что ему предоставляется возможность для осуществления, быть может, последней попытки вернуться в настоящий футбол. Он вполне мог безбедно, не особенно напрягаясь, докоротать свой век в первой или даже второй лиге, живя только днем сегодняшним, но, видимо, воспоминания о том времени, когда он блистал на поле, жгли ему душу, и он рискнул, собрав в кулак всю волю.

Все, кто видел Заварова в молодые его годы, в частности на юниорском чемпионате мира 1979 года в Токио, прочили ему весьма перспективное будущее. Он играл совсем не хуже, чем выделявшийся тогда в составе чемпионов мира аргентинец Диего Марадона.

«Зачем вы его берете?» – недоумевали многие, когда Заварова пригласили в киевское «Динамо».

Действительно, зачем? У пас не воспитательная организация, а команда, постоянно ставящая перед собой серьезные задачи. Заварова не пригласили бы в киевское «Динамо», если бы предварительный разговор не показал, насколько велико его желание переменить образ жизни и играть, играть в футбол, который он безумно любит.

Возможно, для самого Заварова было даже неплохо, что первые два сезона его пребывания в команде она выступала в чемпионате неважно – седьмое и десятое место. Он загорелся большими целями киевского «Динамо», вставал на ноги вместе с ним, втянулся в жесточайший режим нашей работы, не всегда ему удавалось то, на что он был способен, но в стремлении покончить с неудачами нельзя было отказать ни ему, ни его новым партнерам, которые с уважением восприняли игру невысокого, подвижного и боевитого парня.

Один футболист, оговорюсь еще раз, погоды не сделает, но в том, как плохо команде на поле без Заварова, мы убеждались не раз. Особенно в 1987 году, когда в середине лета получив – даже не получив, а приобретя (соперников в момент его передачи рядом не было), – травму в матче с ЦСКА, он практически до конца сезона так и не смог вылечиться.

Заводила, неприменный участник всех возникающих на поле коалиций, хитрющий до невозможности, лучший дриблер в нашем футболе – он привнес в игру киевского «Динамо» новые штрихи, обогатившие, безусловно, команду.

Совершенство его обводки, которой, надо заметить, он никогда не злоупотребляет, разумно балансируя на грани целесообразности, позволило нам разнообразить атакующие действия. При срыве атаки он не несется как угорелый назад, зная, что его зона надежно подстрахована, но и не плетется на полусогнутых. При возвращении он старается занять такую позицию, которая позволила бы ему без промедления завязать новую атаку, ходы которой в его хитрющей головке, будьте уверены, уже просчитаны. Удивительное сочетание возможностей индивидуальной игры с коллективными действиями, которым Заваров подчиняется полностью.

Уровень стабильности его может быть гораздо выше. Отдельные яркие выступления Заварова в ряде незабываемых матчей: в Париже, например, осенью 1986 года, когда «Парк де Пренс» рукоплескал ему, а Деттмар Крамер, специалист из ФРГ, спросил после матча: «Где вам удалось найти такого парня? Я видел его в Мексике, он и тогда был силен, а

сейчас– слов нет!»); в Глазго против «Селтика», когда ему удавалось все, что он задумывал; в финальном матче с «Атлетико», в финальном матче с минским «Динамо», – лишь подтверждают его незаурядные возможности.

Несправедливо было бы требовать от Заварова на одном – высочайшем – уровне проводить все встречи, это невозможно, но подобраться вплотную к вершинам стабильности он в состоянии.

Гнев, бывает, застилает ему глаза, и он способен поддаться на провокацию соперников, нещадно лупящих по ногам, цепляющих, толкающих, бьющих под дых исподтишка, и ответить открытым ударом. Тут же он поднимает обе руки вверх: «Виноват», а мне приходится задумываться над тем, кем бы его заменить, потому что именно перед этим матчем мы уславливались о необходимости терпеть и ни в коем случае не отвечать провокаторам, ставящим цель вынести из равновесия наиболее предрасположенного к этому футболиста.

Заваров – один из немногих наших игроков, публично признавших в 1987 году, что, посмотрев в зеркало, увидели себя с задранной кверху носом.

Я уже перестал подробно отвечать на реплики относительно того, что в киевском «Динамо» сознательно губятся индивидуальности. Я говорю только слово: «Заваров».

Профессиональный образ мышления, беспредельная верность футболу позволили Василию Рацу не только долгое время дожидаться своего часа в киевском «Динамо», честно работая в дубле и лишь время от времени появляясь в основном составе, но и дождаться его, стать одним из самых стабильных в команде игроков, выступать почти без замен во всех матчах, добиться права играть в сборной.

Закарпатский парень, с детства привыкший трудиться, он не роптал, когда его «выдерживали» в резерве, потому что полагал: раз его не ставят, значит, он не готов еще как следует, и с достойным подражания упорством продолжал постигать игру. Я не раз видел, как после тренировки дубля, в которой он участвовал, Рад, наскоро сполоснувшись в душе, наблюдал на базе за работой основного состава. Он не стеснялся задавать вопросы, оговариваясь при этом: «Извините, может быть, я говорю чушь, но мне непонятно...» Пытливость еще никому вреда не приносила.

Признаюсь, поначалу он не показался мне. Возможно, такое впечатление было продиктовано весьма высокими критериями, которыми я руководствуюсь в работе. Рад, что Рад сумел изменить мое отношение к нему.

Выдержанный, проклинающий себя за каждую не ошибку даже, а неточность, Василий выглядит одноплановым игроком, способным лишь на игру «по желобку», полезную, но однообразную, надежную, по без выдумки. Обманчивое впечатление. Он высокотехничен в заключительной стадии атаки, грамотен в современной игре в позиции левого крайнего защитника, ему уже не надо объяснять тонкостей при взаимостраховке и взаимозаменяемости, он готов к неожиданному для соперников завершению коллективных действий партнеров. Рад некоторым образом напоминает мне Колотова, но с несколько более узким игровым диапазоном.

К Ивану Яремчуку в первые дни пребывания этого «малыша» в команде мы присматривались как к маленькому чуду, неизвестно откуда свалившемуся на нас. Он сразу повел себя так, будто не в 23 года появился у нас, а по крайней мере лет с 17–18, и играет уже давно. Причем такое поведение совсем не свидетельствовало о наглости или развязности в отношениях с новыми знакомцами, не было и намека на панибратство и самоуверенность. Просто новичок органически влился в коллектив и стал в нем вместе с другими хозяином. Редкое довольно явление.

Впрочем, Яремчук вообще из разряда редких для нашего футбола явлений. Все его вроде видели в Черкассах, киевском СКА – ничего, говорили, парнишка, но не выше среднего. Мы пригласили его «попробоваться» в киевском «Динамо». «Не возражаю против проб и смотрин, – сказал он. – Только я хочу играть сразу и уверен, что играть буду».

Яремчук с первых же минут вошел в основной состав, да так крепко, что никакими

клещами его оттуда нельзя было вытащить: заиграл отменно, в первом своем сезоне провел 33 матча и забил три мяча. Это в чемпионате. Не было у него никаких проблем и в международных матчах.

Доведенное до абсолюта умение абстрагироваться от силы соперника («Со всеми надо играть одинаково, чтобы тебя боялись», – утверждает Яремчук) позволило новобранцу нашему сразу же стать одним из сильнейших игроков в средней линии в советском футболе.

Все вроде бы он делает просто, без выкрутас, но настолько уверенно и точно, настолько до травинки знает участки, по которым бегают, что простота эта постоянно оборачивается для соперников неприятностями. Были опасения, что даже его способности, с которыми мы познакомились на первых сборах, не позволят ему с места в карьер включиться в исповедуемую нами игру. Были да сплыли...

Яремчук не унывает ни при каких обстоятельствах. В Мадриде в августе 1986 года аргентинец Вальдано из «Реала» сломал ему ногу в финале международного турнира, прыгнув от злобы и беспомощности сзади. Меня в Мадриде не было в те дни, я встретился с командой в Москве. Мне рассказали, что Вальдано с представителями «Реала» приезжал в госпиталь к загипсованному Ивану, извинялся и подарил ему часы, которые ему вручили как чемпиону мира 1986 года. «Спасибо, конечно, – ответил Иван. – Только на кой ляд они мне нужны, ты же, паренек, меня работы лишил и видать надолго».

Когда прилетели из Мадрида с первым призом, ребята на своих плечах помогли Ивану выбраться из самолета и взобраться в автобус. На Киевском же вокзале он договорился с носильщиком и в полночь можно было наблюдать следующую сцену на перроне: на большой громохочущей тележке, едущей по направлению к первым вагонам, сидит, вытянув больную ногу, Яремчук, время от времени весело кричит: «Поберегись!» и грустно, уже тихо, добавляет: «Все бывает...»

Его лечение проходило долго и мучительно. Выяснилось, к сожалению, не сразу, что мадридские врачи не определили разрыва связок. Пришлось делать операцию. Восемь месяцев он не играл. Правда, полтора-два из них – на его совести, складывалось впечатление, что он не особенно и торопится. Когда же он по-настоящему вернулся, принялся за дело основательно, в том числе и в сборной, все у него пошло на лад – это привело в восторг болельщиков, с первого же дня полубивших нашего «малыша».

Должен заметить, что невысокие Рац, Беланов, Заваров и Яремчук – опровержение еще одной легенды, согласно которой в компьютере у киевского «Динамо» заложены оптимальные модельные характеристики идеального игрока, и когда они (то есть мы) кого-то приглашают, сравнивают данные приглашенного со своими цифрами. Если что-то не совпадает (претендент ниже, скажем, 178–180 сантиметров), его не берут.

Конечно, модельные характеристики существуют, это – веление времени, но разработаны они с учетом гораздо большего количества параметров, нежели рост и вес, и в деле применяются не так примитивно, как нам пытаются иногда приписать несведущие и не желающие ознакомиться с истинным положением дел люди. Впрочем, это касается не только модельных характеристик...

Павел Яковенко – хрестоматийный пример того, как неординарному игроку необходимо находиться в постоянном тренинге, быть готовым к безостановочному движению на поле, безукоризненно чувствовать себя психологически, не поддаваться самообольщению.

Два великолепно проведенных сезона – 1985 и 1986 – стали вершинами в его футбольном творчестве, но, надо полагать, не пиками. Двадцать два года ему исполнилось, когда он играл на первом для себя мировом чемпионате, – для пика возраст недостаточный.

Впрочем, все зависит от самого Яковенко. Два совершенно полярных начала борются в нем, и борьба эта отражается на его игровых кондициях. С одной стороны, более бережного отношения к себе – до мнительности – я давно не встречал. Он следит буквально за каждым глотком воды – неровен час, выпьет больше, чем нужно. Кое в чем его педантичность вызывает уважение, потому что характеризует осмысленно действующего профессионала. В

интересах предстоящего матча он боится потратить капельку сил на что-то ненужное, не имеющее к футболу отношения, спуститься, допустим, на базе со второго этажа на первый, чтобы позвонить. Встает и ложится строго по часам, режим питания для него – святое дело. Обязательна вечерняя прогулка. Его и прозвали ребята – «профессионал», совершенно не имея при этом в виду ничего язвительного.

Но в то же время Паша способен иногда выкинуть такие «коленца», что диву даешься, – вполсилы поработать на тренировке, «пешком» вести игру, наплевательски отнестись к игровому заданию, позволить себе вольности, идущие во вред командным действиям... Повлиять на него могут только строгие меры, одна из которых – скамейка запасных. Тогда он быстро приводит в нужное соответствие все свои взгляды на футбол, и вновь становится на поле быстрым, подвижным, неугомонным, техничным, радостным, когда что-то удается, неунывающим, когда трудно, стискивает зубы, когда больно.

К счастью, подобные перепады в его игре и отношении к работе, вызванные прежде всего неумением достаточно критично отнестись к себе, – редкость. Надо думать, с возрастом все наносное пройдет, останется лишь то, благодаря чему силен Павел Яковенко в футболе – воля, высокая скоростная выносливость и работоспособность, сочетающаяся с приличной техникой, умение разбираться в игре в самых экстремальных условиях, жажда быть лучше и сильнее соперников.

Внешне мягкий, он обладает редкими для категории «технарей» бойцовскими качествами, но на рожон не лезет, если и вступает в жесткую борьбу, то только тогда, когда уверен в абсолютной удаче. Во всех остальных случаях предпочитает действовать позиционно, рассчитывая выиграть за счет скорости и техники. Забивает очень мало, хотя чутье на гол у него есть – он это доказал в некоторых международных матчах.

Блестящий техник и Вадим Евтушенко. С годами его игра в чем-то неумовимо разладилась, он стал считать, что его удел-работа на «чистых мячах», а сейчас такого позволить не может себе ни одна команда, ставящая перед собой очень высокие цели. Вадим в 1980 году поступил в распоряжение тренеров киевского «Динамо» из кировоградской «Звезды», над ним сразу же взял шефство другой кировоградец – Веремеев, и у парня дело зашпорилось быстро: 31 матч в основном составе и 7 забитых мячей в год дебюта, пробы в сборной – весьма солидно для новичка, которого прежде никто не знал.

Поначалу он играл в основном впереди, филигранная техника позволяла ему забивать умопомрачительные мячи (никогда не забуду один из них – на турнире в Испании, когда Вадим в головокружительном прыжке вколотил в верхний угол такой гол, что аплодировали даже соперники), мягкость делала его неумовимым вблизи ворот противника.

Обстоятельства потребовали перевода Евтушенко, человека весьма корректного и вежливого, в среднюю линию, он достаточно легко на это пошел. Вообще, надо сказать, с точки зрения соблюдения игровой дисциплины претензий к нему быть не может, он добросовестно выполняет все, что ему поручают, сознавая, что это не прихоть тренеров, а перестановки в интересах команды. В одном из матчей сборной его можно было увидеть, например, на позиции левого защитника, по это был скорее формальный вариант, играли мы тогда на своем поле, с не очень сильным соперником, и Евтушенко вменялось в обязанность больше поддерживать атаку, вполглаза приглядывая за своей новой зоной.

Мне думается, тяготение к функциям чистого нападающего создало комплекс, от которого Вадим весьма трудно избавляется. Ему, я бы сказал, не всегда хочется поверить, что его возможности в игре в середине поля значительно выше. Комплекс этот усугубляется и скамейкой запасных, с которой ему довольно часто приходится вступать в игру во втором тайме. Правда, надо отдать должное Евтушенко: хоть он и обижается (и я его понимаю, но что можно поделать, если на матч логичнее всего выставлять самых сильных на сегодня футболистов), но, выйдя на замену, на какой бы минуте это ни произошло, моментально включается в игру. Можно привести немало примеров, когда он за короткий предоставленный ему отрезок времени забивал очень важные мячи, решавшие исход встречи, или же мячи, ставившие весомую точку в матче, как это произошло в Лионе в

финале Кубка кубков.

Полагаю, что Вадим Евтушенко, очень многое сделавший для киевского «Динамо», особенно в годы второго успешного похода за европейским призом, не может считать себя в команде обойденным и обладает достаточным разумом для того, чтобы осознать: ничего нет вечного в футболе, кроме самой игры.

Алексей Михайличенко – один из немногих воспитанников киевского «Динамо», коренной киевлянин, с которым мы связываем большие надежды. Появившись в основном составе, он заиграл с такой страстью, с такой легкостью, так лихо, что все только переглядывались и пожимали плечами: «Откуда?!»

Я не случайно упомянул про страсть. Бесстрастие близко к равнодушию. Михайличенко словно бы посвящал каждую игру бывшим партнерам по дворовому футболу с Борщаговки – киевского района, в котором он вырос.

Он не представляет себе, что можно подвести товарищей по команде, а он играет и в киевском «Динамо», и в первой сборной, и в олимпийской. Он выкладывается, старается, готов играть если не каждый день, то через день-то уж точно. Его приходится сдерживать.

Олимпийцы прилетели в мае 1987 года из Софии после победы в официальном матче над болгарями, все партнеры Михайличенко отправились по домам, а он остался в Москве – мы через день играли со «Спартаком». Пока нас ждал, времени даром не терял: присоединился к дублю, вышел на матч со спартаковцами за резервный состав, провел один тайм, забил два мяча (один, по рассказам, едва ли не с центра поля, заметив, что вратарь не успел встать на место). Вечером в гостинице я спросил его про матч дублеров. «Все нормально, – ответил он, – да вот не дали второй тайм проиграть».

В национальной сборной Михайличенко дебютировал 29 апреля 1987 года в матче с командой ГДР. Ему удалось оставить в раздевалке и волнение, неизбежно сопутствующее официальной игре, и воспоминания о не забитых неделях раньше мячах в ворота «Порто» в полуфинале Кубка чемпионов. Дебют запомнился, а в конце сезона сборную СССР без Алексея Михайличенко, лучшие дни и годы которого, безусловно, впереди, и нельзя было представить.

Его светловолосая голова мелькает по всему полю, он играет в свое удовольствие, но не анархист – всегда помнит, что рядом с ним команда. Его диапазон – от ворот до ворот, от боковой линии до боковой.

Владимир Онищенко, футболист из славной плеяды 1975 года, стал хорошим детским тренером, безмерно любящим своих мальчишек. Он как насадка над ними, когда приводит их на матч киевского «Динамо» сегодняшнего созыва.

Форвард от бога, он был неприметным в жизни и на поле. Выслушивая пространные рассуждения кого-нибудь о футболе, он лишь улыбался тихонько и, если позволяла обстановка, задремывал.

На поле он никогда не был в тени много забивавшего Блохина, напротив, дополняя друг друга, они вдвоем при поддержке партнеров создавали мощный атакующий кулак.

Обладая исключительно острым чувством времени, практически безошибочным выбором позиции, Владимир постоянно получал передачи наших хавбеков. Соперники его ненавидели за постоянные «появления из ниоткуда» и уважали за редкостное бесстрашие. Онищенко не задумываясь бросался головой за низко летящим мячом, к которому уже устремлялась нога обороняющегося. Несколько сотрясений мозга – результат столкновений, из которых он чаще всего выходил победителем, но после которых врачам требовалось проявлять все свое искусство, чтобы он быстрее вернулся на поле. Он же, пока над ним колдовали за воротами, требовал: «Док, ну что вы возитесь? Дайте нашатыря, всего делов-то».

«Появления из ниоткуда» существовали на самом деле. Иной раз на нашей скамейке кричали: «Куда Онищенко делся?», предполагая, что он в какой-то из ситуаций получил травму и ждет на бровке помощи врачей. Нет, он на поле, но так достоверно уходил в «тень», что теряли его и соперники, вот и получалось – «из ниоткуда».

Володя, которого все, с кем бы и где бы он ни играл, называли самым желанным партнером (и сейчас называют, вспоминая те годы), больше всего на свете, по-моему, не любил проигрывать. Даже на тренировках.

Его звездный год, вне всякого сомнения, – год нашей первой победы в Кубке кубков. Матч в Базеле был, наверное, лучшим в его карьере, в нем наиболее выпукло просматривались самые сильные стороны Онищенко – футбольного рыцаря с душой, легко отзывающейся на малейшую несправедливость.

Онищенко, как и Мунтян с Блохиным, приехал в Базель со «свежей» травмой, но даже обсуждать не позволил, сможет ли выйти на поле. Вышел и сыграл превосходно. Уже на 17-й минуте взаимодействие Блохина с Онищенко привело к голу: Олег дал точный пас, Володя безупречно пробил. За шесть минут до перерыва мяч находился у Онищенко, все, в том числе и вратарь венгров Геци, ждали передачи, а он без подготовки из довольно неудобного положения левой ногой послал мяч в «девятку».

Он ушел из футбола спокойно, без суеты, хотя, я уверен, мог бы поиграть еще. Но он не хотел просто «поигрывать», для него весьма важным было, чтобы не осели у людей в памяти годы, когда он без прежнего блеска играет в киевском «Динамо» – команде, которой было отдано много сил и любви.

Когда Игорь Беланов просит репортеров: «Не напоминайте мне о «Золотом мяче»!», его можно понять. Столь высокое международное признание он расценивает как недоразумение, не досадное, конечно, а приятное, но все же недоразумение. Он не занимался позерством, когда говорил, что Заваров в 1986 году гораздо больше, чем кто-либо другой, достоин звания лучшего футболиста Европы. Не позировал Игорь, когда утверждал где только мог, что этот сугубо индивидуальный приз – дань коллективу киевского «Динамо», хотя сам он, между прочим, так высоко котировался в анкетах «Франс футбол» прежде всего за великолепную игру на чемпионате мира.

Если в 1986 году время и место для Беланова удачно совпали, то уже на следующий год они совпали со знаком минус: одновременно упала мощь игры команды и сник Беланов.

Мы несколько раз приглашали Игоря в команду. Он откликнулся на третье приглашение, считая, очевидно, что четвертого может не быть, а время уходит. После первых тренировок, когда не все у него получалось, а физическая готовность далеко не соответствовала нашим нагрузкам, он подошел однажды и спросил: «Васильич, только честно, будет из меня толк или лучше мне вернуться домой?» Я ответил, что все зависит от него самого и если и дальше он будет работать так же добросовестно, то все будет в порядке. Сказал ему также, что он не первый и, очевидно, не последний новичок, которому сложно привыкать к такому объему работы и выработать в себе привычку заниматься ею каждодневно.

Беланов человек настойчивый, стиснуть зубы и терпеть умеет, и со временем он все меньше и меньше заводил речь об «этом лошадином ритме» и о возвращении в «Черноморец».

Начало первого его сезона у нас прошло ни шатко ни валко. «Прорезался» он в домашнем матче со «Спартакком», забив два красивых гола Дасаеву. Сразу же последовало приглашение в сборную. Из Копенгагена, где сборная проиграла датчанам 2:4, а Беланов выступал в первом своем матче на таком уровне, он возвратился сам не свой: его обвинили в трусости и объявили одним из главных еиновников поражения.

Процесс переживаний, самоанализа, самокопаний (а Игорь парень весьма и весьма чувствительный) стал затягиваться, и нам стоило порядочного труда, чтобы вернуть его к действительности, в которой пора уже было стартовать в Кубке кубков.

Чтобы узнать, что такое «Беланов в порядке», надо было увидеть его игру в Мексике и с французами в Париже.

Будучи в какой-то степени предрасположенным к проявлению чувства неуверенности и, возможно, даже боязни того, что не удастся подтвердить свою репутацию (особенно после получения «Золотого мяча»), он не в состоянии выйти на игру полностью раскрепощенным.

Это мешает ему и команде.

Отдельные матчи (даже не матчи, скорее всего, а эпизоды матчей) убедили меня в том, что постепенно Игорь избавляется от груза свалившихся на него дополнительных проблем – внезапной известности, исключительной популярности и, как следствие, постоянного ожидания чудес от его игры.

Олег Блохин – история киевского «Динамо» и советского футбола, и я не могу не присоединиться ко всем добрым словам, сказанным в его адрес в разные годы.

Исключительно одаренный спортсмен, который рано понял, благодаря воспитанию, видимо (вырос Олег в спортивной семье), что просто талант – это даже не полдела. Работает не за страх, а за совесть. Может ворчать по-стариковски, сетовать на непомерные нагрузки, через два дня на третий заявлять: «Все, больше не могу, ухожу, так можно инвалидом стать», но продолжает работать. Не из-под палки, а с полным сознанием того, что каждая тренировочная минута с лихвой окупается возможностью постоянно быть в форме и быть готовым к серьезной игре.

В последние годы, когда он остался последним из тех, с которыми мы в 1974 году начинали, его довольно трудно было убедить, что принципы наши, несмотря на ход времени, остались неизменными. И один из них – одинаковое отношение ко всем, отсутствие привилегий в виде щадящего режима, послаблений в тренировках, создания особых условий. Возможно, это жестоко, но речь идет о команде, являющейся единым целым, и во главу угла должна быть поставлена справедливость.

Мы с Блохиным довольно часто спорим. Узнающие об этих спорах из «достоверных источников» люди пытаются выдать разногласия по некоторым профессиональным вопросам (вполне, полагаю, естественные для людей, почти полтора десятка лет работающих вместе и досконально изучивших друг друга) за конфликты, в которых тренер, пользуясь своей властью, угнетает игрока.

Бывает, споры наши проходят на довольно высоких тонах, расходимся мы злыми друг на друга, но, хочется верить, никогда не перейдем той грани, за которой начинается вражда.

Постоянная тень недовольства на его лице не нравится зрителям. Это их дело. Чем вызвано это недовольство в каждой конкретной ситуации, не знаю. Возможно, это злость на самого себя, когда не удалось что-то задуманное, возможно, обида на партнеров, не давших, по его мнению, точную передачу в нужный момент или не забивших из выгодного положения, возможно, гнев на тренеров, чем-то рассердивших его в перерыве, возможно, реакция на несправедливый свист с трибун... Но знаю. А может быть, причиной недовольства становится все в комплексе.

Партнеры, особенно те, которые не знакомы с манерой поведения Олега, искренне обижаются на него за постоянное проявление недовольства. И их тоже можно понять, поскольку со своей позиции они видят за этим высокомерное к ним отношение, подчеркивание разницы в возрасте, опыте и игровом мастерстве.

Олег Блохин – форвард, вне всякого сомнения, очень высокого международного класса, игровая стабильность его поражает, беззаветное служение футболу – пример для остальных, а уж о многочисленных принадлежащих ему рекордах и говорить не приходится.

Он строго последователен в выполнении главной своей цели – забивать голы. Триста с лишним возникли не из воздуха. За каждым – адский труд на тренировках, полнейшая самоотдача в матчах, многолетний спартанский образ жизни.

В киевском «Динамо» не принято выделять отдельных игроков. Все в игре делает команда, за все ответственна одна. Пожалуй, лишь один раз я отступил от этого правила, публично на пресс-конференции назвав фамилию футболиста, исключительно прошедшего матч. Было это в Киеве в конце 1986 года, когда в ответной встрече /в финала розыгрыша Кубка европейских чемпионов мы принимали шотландский «Селтик». Это не самая лучшая игра нашей команды, претензии к ней были, но не конкретные, касающиеся отдельных игроков, а в плане реализации коллективного мастерства, ведь образ игры создает вся команда. Но я не мог не выделить Блохина – как личность, как спортсмена. Ему в тот день

исполнилось 34 года, а действовал он на поле словно десять лет назад – образец, на мой взгляд, того, как надо служить футболу, делу, зрителям.

...Почему я рассказал об этих футболистах, а не о других, с которыми работал (всего их было больше ста, входивших в основные составы «Днепра» и киевского «Динамо» с 1969 по 1987 год)?

Все они – заслуженные мастера спорта, все (кроме Михайлова) выступали в сборной СССР. Но самое главное для меня то, что благодаря именно этим игрокам я могу считать себя тренером.

Г-м... Может быть, составить из них символическую сборную киевского «Динамо» последних четырнадцати лет? Нет, пожалуй, предоставлю эту возможность читателю – выбирать из хороших и очень хороших футболистов.

Глава 5. Сезон на сезон не приходится

Иногда хочется бросить все и пойти работать библиотекарем. Вычитал где-то, что ученые исследовали зависимость стрессов в жизни человека от рода его деятельности, и выяснилось, что профессия библиотекаря – наименее опасная (но девятибалльной оценочной системе она в конце таблицы – 2,0). Футбольные же тренеры входят в «лидирующую группу» вместе с шахтерами, полицейскими, журналистами, рабочими-машиностроителями и пилотами гражданской авиации. Это – выводы английских ученых. Их западногерманские коллеги вообще считают профессию футбольного тренера одной из самых опасных для здоровья. При обследовании 32 тренеров во время матчей на кардиограммах большинства из них были обнаружены серьезные отклонения от нормы. Пульс достигал 150 ударов в минуту, у некоторых – даже 190, что граничит с сердечным приступом.

Знаю по себе: бывают игры, когда пробавляешься у сидящего на скамейке врача валокордином и валидолом, но все равно руки по истечении полутора часов дрожат, мокрые. Эмоции обычно стараюсь держать при себе. Это привело к «эффекту маятника»: раскачиваюсь взад-вперед. Однажды в Ереване, там козырек плексигласовый над скамейкой запасных, кто-то бросил камень с трибуны, я в этот момент качнулся – и камень угодил мне в голову. Олег Базилевич в перерыве, когда доктор ликвидировал последствия травмы, заметил: «Говорил же я тебе: раскачивайся не взад-вперед, а слева направо».

Про суперматчи я не говорю. В Мексике в 1986 году на исходе игры с бельгийцами сердцехватило так, что я, по свидетельству сидевшего рядом Юрия Морозова, на мгновение «отключился».

Накануне чемпионата страны 1967 года прочитал в одной из украинских газет следующие высказывания В. А. Маслова: «Футбол с каждым годом становится строже. Сегодня он не прощает и минутной расслабленности не только отдельным игрокам, но и целым командам».

Помня об этом, мы весь подготовительный период старались забыть о своих высоких титулах (годом раньше киевское «Динамо» выиграло и чемпионат, и Кубок СССР – В. Л.). Дается это нелегко. Даже иным зрелым людям порой трудно отказаться от мысли о своей исключительности. А здесь парни по 20–25 лет. Но давать соперникам в новом сезоне такую фору, как излишняя уверенность в собственных силах, мы не намерены.

В свое время киевское «Динамо» во многом проигрывало по сравнению с московскими клубами именно из-за недостатка серьезного, делового отношения футболистов к своим обязанностям. Я профессиональный тренер, и меня это не устраивало с первого дня прихода в команду. Почему молодой человек, вышедший на футбольное поле по велению страсти, вдруг начинает искать в футболе легкой жизни? Почему он представляет себе чемпионат страны как прогулку по солнечной лужайке под гром аплодисментов, почему ему мерещится собственная фамилия, набранная жирным шрифтом в газете? Такому молодому человеку ничего не стоит опоздать на тренировку, отказаться от тяжелой поездки, обмануть тренера.

Были подобные игроки и в киевском «Динамо». Сейчас таких у нас нет. Но рецидивы

превратно понятого любительства случаются. Бурная похвала болельщиков и малопрофессиональные восторги прессы иногда прямо-таки оглушают некоторых наших футболистов. Расслабленные сознанием собственной значимости, такие ребята вскоре получают по носу от волевых, собранных соперников и лишь тогда возвращаются в жесткую колею настоящей работы.

Профессиональное отношение к футболу – это не жажда повышенных гонораров. Это прежде всего увлеченность делом, которому себя посвящаешь. Требования современного футбола таковы, что игрок, отдыхающий среди сезона в свой свободный день, должен хорошенько думать, как это делать. Исключаются всякие лежания на пляже под солнцем, длительные походы за грибами и прочие, казалось бы, невинные развлечения. Выйти из строя хотя бы частично, хотя бы на день – это значит уже отстать. Тот, кто этого не понимает, рискует в ближайшем будущем вообще выбыть из игры».

Согласитесь, что под этими словами, сказанными двадцать лет назад, можно подписаться и сегодня. Я подписываюсь. В 1987 году мы дали соперникам и такую фору, как излишняя уверенность в собственных силах.

...Прозвучал финальный свисток последнего нашего матча в чемпионате 1987 года – в Киеве с «Гурией». Мы не стали чемпионами, «не оправдали надежд многочисленных любителей футбола», как об этом потом не раз писали. Не вышли мы весной и в финал Кубка европейских чемпионов, дважды с одинаковым счетом 1:2 проиграв будущему победителю турнира – португальскому «Порто», выбыли на первом этапе нового розыгрыша, проиграв «Глазго Рейнджерс» (1:0, 0:2). В активе «лишь» Кубок СССР, Кубок сезона да такая еще «мелочь», как участие многих киевских динамовцев в отборочных матчах чемпионата Европы, решающих для нашей сборной, наконец-то попавшей в финальную стадию первенства.

Обидно, конечно, что не взяли на этот раз чемпионские награды (чем плохо – третий раз подряд?), но, оглядываясь на сезон, поучительный во всех отношениях, я все больше и больше убеждаюсь, что могло быть хуже. Не так, как в сезоне, последовавшем после 1975 года, но все же.

Цейтнот начался с первых январских дней. Собрались мы вместе через сутки после встречи Нового года, еще через двое вылетели в ФРГ и Швейцарию на две с половиной недели: тренироваться, играть в представительных международных турнирах по мини-футболу. Проводили товарищеские матчи на обычных полях, в частности с «Баварией» играли на поле с подогревом – на мюнхенском олимпийском стадионе. Удивительное зрелище – изумрудная трава при пятнадцатиградусном морозе, тысячи две с половиной тепло одетых зрителей, которым диктор стадиона объявил: «Благодарим вас за мужество, за то, что пришли поддержать «Баварию» в такую погоду. Просим не выбрасывать входные билеты – по ним вы сможете бесплатно прийти на официальный матч «Баварии» в чемпионате страны против «Фортуны» (Дюссельдорф) 28 февраля».

Тренерский коллектив наш мечтал больше всего о том, чтобы ребята как можно быстрее забыли о всех командных и индивидуальных призах 1986 года, чтобы выветрились у них из головы хвалебные рецензии на их игру, чтобы в сезон новый они вступили так, словно год-два назад ничего не добились.

Как забыть? Как не помнить обо всех этих «золотых мячах», итогах всевозможных референдумов, восторженных откликах, напечатанных в «Футболе – Хоккее» и во «Франс футбол», «Советском спорте» и «Киккерс», в «Правде» и «Либерасьон»...

Не успели мы прилететь в ФРГ, как команду окружили специально прибывшие сюда представители спортивных изданий многих европейских стран, теле- и радиокomentаторы. Вопросы, вопросы, вопросы... Беланову, Блохину, Заварову, мне, Яковенко, Кузнецову, Рацу... Серьезные и глупые, остроумные и провокационные, доброжелательные и злые. И – напоминавшие о том, о чем мы стремились забыть.

Надо сказать, западные журналисты довольно часто безбожно перевирают текст, и в итоге он значительно отличается от того, что ты говоришь интервьюеру. С недавних пор

пришлось прибегнуть к новой практике – принимать вопросы в письменной форме и письменно же отвечать, оговаривая при этом, что все сокращения и добавления должны быть согласованы. И подействовало. Во всяком случае, «Франс футбол», например, весьма охотно пошел на такой метод сотрудничества и ничего уже не перевирает. Бюрократическая, быть может, мера, но вынужденная: иной раз такое читаешь в переводе, что волосы дыбом встают.

Разумная реакция на то, что ты сделал раньше, – один из признаков профессионализма. Футбол – профессия, а не состояние души, подверженной эмоциям. Однако и эмоциональные проявления понятны – это разрядка. Неумение управлять ими трудно ставить в вину. Это исключительно сложно, сдержанность приходит только с возрастом, с опытом. Мне трудно понять критиков, обвиняющих забивших гол футболистов в том, что они, дескать, не мужски отмечают это событие объятиями, поцелуями, а то и кучей-малой на поле. Гол – главное, к чему стремится команда. Обратите внимание: забившего третий, а то и четвертый гол, особенно в тех случаях, когда игра идет практически в одни ворота, так не поздравляют, как забившего первый. Не поздравляют обычно и отличившихся в кубковой, скажем, игре с заведомо слабым соперником. Ритуалы поздравлений во всех игровых видах спорта разные. Там, где забивают много, и времени для поздравлений нет. В футболе гол – событие, в огромной степени влияющее на настроение людей и даже на судьбы игроков и тренеров.

В ФРГ нам не удалось снять эмоциональное перенапряжение предыдущего сезона. В меньшей степени, но беспокоило нас и физическое состояние игроков, два года подряд вывозивших на своих плечах два воза – клуба и сборной. Вывозивших и, можно сказать, вывезших. Времени для полного восстановления щедро растраченных сил не было.

Уже в Монако, на Суперкубке, мы убедились, что игра не клеится. Потом начались мытарства из-за непогоды перед первым четвертьфинальным матчем Кубка чемпионов с «Бешикташем». Снежный плен в Турции, перелеты, отсутствие условий для тренировок – все это не добавило нам психологической уверенности. Н. Н. Озеров, находившийся тогда вместе с командой, сказал, что он никогда раньше не видел такого сплоченного коллектива и, познакомившись с ним ближе, узнав его «изнутри», берет назад все критические стрелы, выпущенные им в свое время в адрес киевского «Динамо». Приятно было, что человек опытный и поднаторевший за свою долгую творческую жизнь в футбольных делах, так оценил нашу команду. Но нам от этого было не легче.

Безусловно, в Монако мы летели за Суперкубком. Беспокоило только, что всюду – и дома, и за рубежом – нас считали явными фаворитами, не учитывая честолюбия «Стяуа», подкрепленного несколько иными, чем у нас, материальными стимулами.

На обязательном после финала допинг-контроле у футболистов есть время поговорить. Так вот, в приятной беседе между киевлянами и румынскими футболистами в Монако выяснилось, что гонорар за победу в состоявшемся матче у «Стяуа» гораздо выше, чем у киевского «Динамо». Это не вызвало гнев и возмущение наших игроков – к такому порядку вещей уже привыкли, это просто принимается к сведению и сопровождается беззлобными шутками.

Ни в коем случае не хочу сказать, что, будь у нас материальные стимулы выше, мы бы привезли Суперкубок. Это совсем не так. Футбол есть футбол. В качестве контрпримера можно вспомнить 1975 год, когда, вне всякого сомнения, «Бавария» проиграла больше, чем выиграла мы, но приз тем не менее был выставлен в итоге на Крещатике и долго там стоял, пока Михаил Ошемков не увез его, чтобы передать следующему победителю. Но в современном мировом футболе уровень мотивации постоянно повышается, и делать вид, что нас это не касается, уже нельзя.

Трудно найти разумное объяснение, почему мы не можем использовать в качестве призового фонда определенное количество процентов от суммы, гарантированной нам организаторами только за участие в матче, суммы, которую мы обязаны целиком отдать в Госкомспорт. Ведь команда это заработала! Почему она не может воспользоваться хотя бы частью заработанного? Заработанного честно!

Еще в Москве, в гостинице «Спорт», где две группы киевлян (одна прилетела из Уэльса

со сборной после товарищеского матча, другая – с южных сборов из Гантиади) встретились за день до отлета в Монако, мы еще раз объяснили футболистам, что «Стяуа» также едет не на прогулку. Я видел эту команду в декабре 1986 года в Токио в матче за Межконтинентальный кубок против аргентинского клуба «Ривер Плейт» и должен сказать: игра наших соперников производила впечатление. Мне показалось даже, что в их игре чувствуется рука Стефана Ковача, легендарного румынского тренера, руководившего голландским «Аяксом» в начале семидесятых годов, одного из прародителей тотального футбола. Мне, кстати, приписывают, будто я возражаю против термина «тотальный футбол». Это не так: нет смысла не принимать то, что полностью отражает существо дела.

В Токио меня поразил интерес к футболу. Казалось бы, чего уж там: японцев на поле нет, какие-то неведомые «Стяуа» и «Ривер Плейт» борются за какой-то непонятный Межконтинентальный кубок. Но на трибунах – больше шестидесяти тысяч человек, идет прямая трансляция по телевидению (к слову, и еще в 54 страны), атмосфера праздничная. Этот матч иногда называют «Кубком «Тойоты», поскольку основной его спонсор – эта крупнейшая автомобильная корпорация.

Румыны проиграли тогда – 0:1, но это был несчастный случай. Европейцы доминировали на протяжении всего матча, несмотря на то, что в составе соперников выделялись чемпионы мира 1986 года вратарь Пумпидо, защитник Ружжери, полузащитник Энрике, чемпионы мира 1978 года хавбеки Гальего и Алонсо, а также игроки сборной Уругвая Гутьеррес и Алсаменди. Последнему удалось забить единственный мяч после розыгрыша штрафного, правда, до этого был гол румын, проведенный защитником Белодедичем после высокоскоростной контратаки, но арбитр из Уругвая по понятным ему одному причинам его не засчитал.

После гола «Ривер Плейт» отбивался как мог, изредка проводя ответные атаки. Румынские футболисты резко взвинтили темп, не сбавляли его до конца матча, владели серединой поля, но так и не смогли ничего поделать против аргентинской обороны и вратаря. Я взял на заметку нестандартно играющих форвардов «Стяуа» Пицурку и Лэкэтуша, и нельзя было не отметить сбалансированную линию полузащитников румынской команды.

В Монако, на скамейке запасных, мне еще раз пришлось вспомнить матч в Токио – настолько были похожи сюжеты обеих встреч, только на сей раз в роли ведущих игру и проигравших ее оказались мы.

И без радости читали в «Экип»: «Футбол мы видели интересный, а советские болельщики могут быть разочарованы только результатом, но не игрой». Опять красивая игра... Впрочем, мы не имели никаких оснований оставаться довольными ею. «Стяуа» мы превосходили, но выгод от этого имели немного: несколько опасных ситуаций не использовали Беланов, Блохин, Заваров... Чанов пропустил на последней минуте первого тайма нелепейший гол со штрафного. Даже телезрителям, как выяснилось, был слышен его голос, когда он устанавливал стенку и командовал партнерами – Балем, в частности: «Андрей, вправо, вправо. Хорошо!» Оказалось, не очень хорошо.

В стенке плотно стояли шесть игроков (крайний слева – Рац). Седьмой, Беланов, стоял, чуть-чуть отойдя от Раца и готовясь выбежать на бьющего, если бы румыны вздумали разыграть штрафной. «Дырка», таким образом, между Рацем и Белановым образовалась. Нельзя быть уверенным, что именно в нее направил мяч Хаджи, но полетел он между двумя игроками, задел предплечье Раца и, как в бильярде, срикошетировал совсем не в ту сторону, в которую бросился, реагируя не на мяч, а на удар, Чанов. Рикошет он не учел и не заставил Беланова встать в стенку седьмым. В этом случае возможности Хаджи, пробившего, кстати, мощно, были бы ограничены.

Но это все – эпизоды, из которых складывается любая игра. Нас больше беспокоил дисбаланс в действиях команды, несовпадение тактов у ребят независимо от того, шла ли игра в обороне или же в атаке.

Готовность к игре у одних даже на глазок выглядела лучше, чем у других. Я сказал команде после этого матча: «Мы едем сейчас к «Бешикташу». С такой игрой мы его,

возможно, и одолеем, но останутся «Бавария», «Порто» и «Реал», а с ними такие номера не проходят. Прошу не забывать также, что через два месяца многим из вас предстоит играть за сборную против ГДР и неудача там будет гораздо тяжелее клубной неудачи, хотя и после нее будет стыдно».

Матчи с «Порто», португальским клубом, «подброшенным» нам жребием, остались для нас в разряде «трагедийных». После жеребьевки знакомые и незнакомые люди подходили и поздравляли нас, словно киевское «Динамо» уже в финале. За спиной я слышал смех после того, как публично, в телевизионном интервью, заявил, что нам достался, пожалуй, самый сильный из всех оставшихся соперников. Я понимал тех, кто смеялся. Их информация исчерпывалась сведениями о «Реале», «Баварии». А что такое «Порто»? Да с ним «Шахтер» в свое время на равных играл.

Вот именно – в свое время. Оно прошло. И настало время говорить о весьма серьезной силе португальского клуба, не избалованного к тому же большими успехами. Если бы мне самому предложили тогда выбирать, я бы выбрал «Баварию». Между прочим, в финале португальцы не оставили «Баварии» никаких шансов и во втором тайме западногерманскую команду не было видно. В дни, когда я заканчивал работу над книгой, «Порто» подряд выиграл еще два приза – Межконтинентальный кубок в Токио и Суперкубок по сумме двух матчей у амстердамского «Аякса». Это – еще штришок к вопросу о постоянных величинах в футболе.

Мощь и настрой португальцев мы на себе прочувствовали 8 апреля 1987 года в Порту. К тому времени нам удалось в некоторой степени ликвидировать дисбаланс в игре, заметный по матчу в Монако. Во всяком случае, процент технического и тактического брака был значительно ниже, хотя первую полуфинальную встречу мы также проиграли, 1:2.

Грешно сетовать на необъективный арбитраж. Стараюсь избегать этого. Хочу лишь объяснить, как легко в матчах команд примерно одного уровня «передернуть» события и попытаться выбить из колеи неудобную судьбу по каким-то обстоятельствам команды. Опытному судьбе это не составляет никакого труда, а в опыте голландца Яна Кайзера сомневаться не приходится. И когда на 20-й минуте он не засчитал чисто забитый Блохиным гол, стало ясно: выиграть нам здесь не дадут, нужно добиваться минимального приемлемого результата.

В начале второго тайма разорвалась бомба: прошло всего 12 минут, а мы проигрывали 0:2. Объективных предпосылок к этому, кроме традиционного владения хозяевами поля инициативой, не было никаких. Все известные нам возможные направления атак «Порто» были перекрыты достаточно надежно, и вполне регулярно мы беспокоили оборону португальцев острыми переходами от обороны к атаке, в которых участвовали по четыре-пять человек.

Но если бы в футболе существовала шкала объективности, то, собственно, играть было бы совсем не обязательно – заполняй себе рейтинговую табличку, и все тут.

К счастью, все сложнее. Не поддающийся прогнозированию результат и простота правил – причины популярности футбола. События, происходящие на футбольном поле, во многом можно сравнить с жизнью. Я говорю сейчас не об увеличении темпа игры настолько, что можно искать аналогии разве что с прогрессом автомобильных моторов или же переходом от пропеллера к реактивному двигателю. Я – о ситуациях, связанных с постоянной борьбой, с радостями и глубоким огорчением, о полторачасовых коллизиях, напоминающих жизнь во всех ее проявлениях...

Михайличенко потерял мяч на левом фланге нашей атаки: вместо того, чтобы в совершенно спокойной обстановке отпасовать стоящему неподалеку Рацу, а самому попытаться создать численный перевес в штрафной площадке, он сделал длинную передачу. Соперники ее прервали и провели мощную контратаку. Футре намерен был пробить по воротам с угла штрафной площадки, но далеко упустил мяч, к которому успевал мчавшийся в оборону Заваров. Форвард «Порто» в последний момент подкатом хотел помешать Заварову забрать мяч. У мяча одновременно сошлись две ноги, и он по немыслимой

совершенно траектории влетел в дальний угол.

Чем не трагическая ситуация, заставляющая поверить чуть ли не в потусторонние силы?

После углового Кузнецов в борьбе с португальцем выпрыгивал, выбрав верную позицию, и готов был головой отправить мяч из пределов штрафной площадки, но в последний момент зачем-то, словно крылом, взмахнул рукой, и мяч нашел его руку. Пенальти. 0:2.

Между голами был удален Валь, в первом тайме имевший профилактическую желтую карточку, а красную увидевший перед собой после остановки грубым приемом Жуари, выходявшего в одиночку на Чанова.

Безвыходная ситуация? Их практически не бывает, и радость португальцев, которых 2:0 вполне устраивало, сменилась огорчением, когда «выстрелили» Михайличенко и Яковенко – один пасом, другой голом.

Почти перед каждым матчем я говорю себе, что нас ждет, исходя из абсолютно реальных предпосылок. Перед ответной игрой с «Порто» так и не смог сказать ни «да» (пройдем), ни «нет» (пройдет «Порто»).

Практически ни разу еще мы не смогли выступить в боевом составе и провести хотя бы несколько матчей с одними и теми же людьми. Нам пришлось вновь перекраивать линию обороны. В настроении команды я не видел нервозности, напротив, наблюдал достаточную уверенность команды, которую вполне устраивал выигрыш со счетом 1:0. Через одиннадцать минут после начала матча выяснилось, что надо забивать не один мяч, а четыре.

Внешняя уверенность игроков (в том, что она была внешней, а не прочувствованной изнутри, я убежден, ибо для твердости духа недоставало крепкой основы в виде отменного физического состояния, как, положим, перед матчами с «Утрехтом» и «Рапидом», «Берое» и «Селтиком») испарилась на глазах, они поняли, что четыре им не забить, но, поняв это, продолжали тем не менее верить в чудо и из последних сил старались призвать это чудо себе на помощь.

Нет нужды перечислять моменты, всплескивать руками по поводу каждого из 29 ударов по воротам «Порто», тем более что голом закончился один.

Финал Кубка европейских чемпионов был близок как никогда прежде, но на него отправились португальцы, тренер которых Артур Жоржи сказал, что после того, как они одолели киевское «Динамо», им никто не страшен. У «Порто» последовала феноменальная серия: Кубок чемпионов – Межконтинентальный кубок – Суперкубок, но в четвертьфинал следующего розыгрыша европейского приза не пробилась и эта ярко сверкнувшая в течение сезона команда.

...Только утром следующего дня, после бессонной ночи, я мог спокойно разговаривать и анализировать то, что произошло накануне вечером. Я обязан был вернуть в состояние равновесия себя и команду, многим игрокам которой через неделю после встречи с «Порто» предстояло выйти на поле в отборочном матче огромной важности против сборной ГДР. К группе киевлян добавились игроки из других клубов, и стало несколько легче.

Итог встреч с португальцами подломил нашу команду прежде всего в моральном плане, потому что на игры эти мы рассчитывали, надеялись, что успех поможет обрести уверенность. Но поражение, которому, согласитесь, сопутствовала изрядная доля невезения, лишь наслоилось сверху жирным пластом на все наши беды, и тренерам сборной требовалось приложить значительные усилия, чтобы неудачи не повлияли на результаты национальной команды...

К критике можно относиться по-разному. Моя позиция по этому вопросу выработана давно, я считаю, что критиковать не только можно, но и нужно. И если критика конструктивна, если в пей есть какие-то разумные начала, то она идет только на пользу критикуемому. К сожалению, встречаются еще голословные утверждения, базирующиеся прежде всего на абсолютном незнании сути дела, на всевозможных слухах и домыслах, на дилетантском подходе к предмету, на нежелании объективно разобраться в процессе под

названием «футбольная игра».

Причем относится это не только к болельщикам – их дилетантизм в большой степени оправдан, но и к журналистам, а уж они-то профессией призваны докапываться до истины и доносить ее до миллионов людей, приходящих на стадионы, воспитывать любителей футбола, разъяснять им тонкости игры и моменты, связанные с современным ее развитием. Для того чтобы это делать, нужно знать.

В одном из писем Чехова есть такая, возможно чисто ироническая, фраза: «Я знаю, что Шекспир писал лучше Златовратского, но объяснить почему – не могу».

Дело серьезных критиков – объяснять.

Полностью согласен со своим уважаемым коллегой Константином Ивановичем Бесковым, который через день после того, как «Спартак» в 1987 году стал чемпионом, сказал в одном из интервью: «Можно критиковать игру, и я далеко не всегда ею доволен, и далеко не каждый выигрыш улучшает мне настроение. Но беспардонно вмешиваться в мою работу... И хотя за годы тренерской работы я ко всему вроде привык, мне странно видеть в команде, возле команды людей, предрекающих нам провал, готовых, стоит нам чуть отступить, камня на камне не оставить от построенного нами таким тяжким трудом».

Нетерпение болельщика понять можно. Ему всегда хочется видеть свою команду только победительницей.

4 сентября 1987 года украинская молодежная газета «Комсомольское знамя» опубликовала письмо, адресованное мне, за подписью «Владимир Портнов – болельщик». Цитаты из этого письма подхватили многие наши известные журналисты, не дав себе труда самостоятельно разобраться в ситуации, в которой киевское «Динамо» оказалось в 1987 году. Приведу его полностью:

«Уважаемый Валерий Васильевич! Извините, но буду говорить резко. По-видимому, время комплиментов и восторгов проходит. Вы, конечно, можете возразить, что необходимо иметь выдержку, подождать результатов главных матчей, потом все тщательно осмыслить и взвесить, подключить науку и т. д. Да все это уже было.

Помните, и клуб, и сборная под Вашим руководством проигрывали игру за игрой, а Вы убеждали всех, что, мол, все в порядке, цели поставлены совсем другие, и уж главные матчи наши обязательно выигрывают. Чуда не произошло, не выиграла.

Можно, конечно, посетовать на набравший силы в ту пору период застоя и отсутствия гласности, только что это даст нам, болельщикам? Как и тогда, одиннадцать лет назад, Вы, Валерий Васильевич, делаете хорошую мину при плохой игре, как и тогда, заверяете общественность в непогрешимости ваших решений и методик, как и тогда, обеспечиваете «надежность результата».

Смею высказать свое мнение. Мы можем (в принципе теоретически, хотя я лично в это не верю) выиграть у французов и шотландцев. Однако эти победы сути дела не изменят. Команда наша, динамовский клуб, что бы ни писали и ни говорили знакомые Ваши журналисты, обречена на тяжелую болезнь. Теперь-то уж точно знаю: из кризиса ей выбираться долго. Давно для меня это началось – еще когда после бельгийской осечки Вы убеждали всех в том, что вероятность допущения таких ошибок классной командой равна нулю, что виноват конкретно такой-то и такой-то, дело отнюдь не в тренерских просчетах. Щелкнул выключатель в первый раз. Может, все и поправимо было тогда, если разобраться по-честному, по справедливости. Разобраться и извлечь для себя уроки. Но тогда критиковать надо было себя. Любите ли Вы это, Валерий Васильевич?

Помните ту тишину и оцепенение сотысячного стадиона, когда «Селтик» уравнивал игру и все висело на волоске? Помните тревожную тишину после гола Васильева? Тогда все, слава богу, обошлось, результат удалось обеспечить, были здравицы и тосты.

Но трещина уже поползла в глубь и среднего класса, нападающие «Жальгириса» и тбилисского «Динамо», точь-в-точь как позавчера минчане, «расстреливали» наши ворота с позиций, которые выбирали по своему усмотрению. Но и тогда все обошлось, и Вы, Валерий Васильевич, после окончания сезона ни разу не вспомнили о тех провалах, а ловко во

всех интервью уводили общественное мнение к созданию клубов, переходу в профессионалы, начислению пенсий, то есть говорили о чем угодно, кроме истинного положения дел в команде.

Но вот наступил новый сезон, и мы начали проигрывать все, что только можно проиграть. И не только «Стяуа» и «Порто», но даже ЦСКА на своем стадионе и симферопольской «Таврии» в товарищеском, правда, матче. Так весь сезон мы и проигрываем, забивая преимущественно с пенальти, а в ответ слышим все те же заверения в непогрешимости старшего тренера и научных методик, которыми он руководствуется.

Вернее, даже не слышим, а читаем. Потому что Вы, Валерий Васильевич, как мне кажется, пребываете вне критики в республиканской прессе, во всяком случае, ни разу не приходилось ее читать в Ваш адрес. Что же касается встреч с болельщиками, откровенного и открытого разговора команды и тех, кто ее поддерживает, то такие встречи не практикуются, и Вы, очевидно, считаете их нерациональной тратой времени, отвлечением от главного, от обеспечения результата...

Непонятно, куда девалась еще одна наша динамовская традиция – провожать на виду, с почестями человека, верой и правдой служившего клубу в течение многих лет? Давно мы гласно никого не провожали, а жаль. Того же Веремеева, например. Боюсь, участь эта ждет и Олега, все реже появляется он в составе. Я вспоминаю, Валерий Васильевич, как один за другим тускнели наши «звезды», попадавшие к концу карьеры в Вашу немилость, вспоминаю Мунтяна, Трошкина, Буряка, Веремеева, и мне жалко Блохина, которому Вы, моему, тоже, как и тем, уже начали устраивать, как говорят на театре, «затир». Вы уверены в правильности своего решения?

Повторяю, Валерий Васильевич, Вы, конечно, отыщете новые оправдания нынешним и будущим поражениям, может случиться, что одни или два матча команда выиграет. Но в принципе дела это не изменит, лишь может оттянуть окончательное выздоровление. Поэтому прошу Вас, как человека мужественного, как киевлянина, ответить публично, как и подобает во время гласности, ответить через газету:

Что происходит с «Динамо» (ссылку на турецкий снегопад желательно не приводить)?

Что надо предпринять для того, чтобы команда играла в футбол с желанием, а не отбывала на поле повинность (речь не о выигрышах, об игре, о самоотдаче. Может, нужна наша помощь? Мы готовы, как в прошлом году, хоть сутки мерзнуть на заснеженном стадионе, оставаясь верными до конца своей команде).

Считаете ли Вы взаимоотношения игроков и тренеров, положение в клубе нормальным (может, «все идет по плану», а поражения – это тактические хитрости)?

Еще раз извините за резкость. Думаю, Вы все же поймете, что мною движут отнюдь не мотивы уязвленного самолюбия либо личных счетов, но тревога за судьбу нашей любимой Команды».

Мы получаем много писем. Нас критикуют, дают советы, причем, бывает, дельные, мы обсуждаем их, на некоторые отвечаем (на все – не хватает времени). Но такое письмо – исключение, оно задело ребят за живое прежде всего несправедливостью обвинений. Сам я, кстати, отнесся к нему достаточно спокойно, ибо понимаю, что публикация его была обусловлена прежде всего рядом конъюнктурных соображений: кому-то было выгодно публично предположить, будто в киевском «Динамо», да и в сборной, далеко не все в порядке во взаимоотношениях, сделать вид, что некоторые успехи команды на протяжении последних тринадцати лет – не более чем случайность, усомниться, воспользовавшись объявленным периодом гласности, в правомерности выбранного нами направления, Убежден, что за письмом этим стоят люди, из года в год ждущие, когда же провалится киевское «Динамо» и с удовольствием потирающие руки при любой неудаче команды: уж сейчас-то мы их... И раз за разом повторяют в своих опусах одни и те же тезисы, сконцентрированные в письме Портнова.

Команда провела общее собрание, и ее ответ также был опубликован в печати под

заголовком «Нас можно обыграть, но нельзя поссорить». Приведу полностью и его:

«Общее собрание команды киевского „Динамо“ уполномочило нас ответить Владимиру Портнову, автору открытого письма, опубликованного в республиканской молодежной газете „Комсомольское знамя“. Не обесцудьте, что отвечаем мы, игроки, а не старший тренер, которому было адресовано письмо. Для этого есть достаточно оснований, предать гласности которые и попросили наши товарищи.

В сезоне нынешнего года дела у нашей команды складываются не так хорошо, как хотели почитатели киевского «Динамо» и как рассчитывали мы сами, футболисты. Легко находить причины каждого конкретного поражения. Намного труднее оценить весь комплекс причин, обусловивших снижение эффективности игры. У нас нет такого разделения: тренеры думают, а игроки исполняют. Стратегию подготовки и выступлений в различных турнирах мы обсуждаем коллективно. Коллективно разбираем и любые отклонения от норм, идет ли речь о трудовой дисциплине и быте или об игре.

И вот к каким выводам мы пришли, откровенно обменявшись мнениями. После выигрыша командой в прошлом году европейского Кубка кубков и первенства страны, а также ряда удачных выступлений в престижных международных турнирах многие из нас утратили чувство реальности в оценке своих истинных спортивных возможностей и возможностей соперников. Чрезмерная вера в безотказность своего мастерства и подспудная уверенность в том, что соперники не скоро догонят нас в подготовке и футбольном искусстве, отнимали крупницы воли в тренировочной работе и календарных матчах. В спортивных единоборствах и других индивидуальных видах спорта такие настроения быстро отрезвляют атлета горькими провалами. А в спортивных играх какое-то время можно тешиться иллюзиями, будто это не ты в посредственном состоянии, а партнер. Да и тренеры не дремлют, вводят в состав молодых игроков. С одной стороны, азарт и энергия новобранцев затушевывают игровые моменты, в которых могла бы проявиться недостаточная отдача ветеранов, а с другой – неудовлетворительный результат можно объяснить неопытностью вчерашних резервистов.

Надеемся на правильное понимание этих, возможно, длинноватых объяснений. Но без них может вызвать недоумение, почему мы так долго разбирались в причинах снижения уровня игры.

Нет, все это нельзя назвать зазнайством. Зазнайство – это ведь пренебрежение. А мы не пренебрегали ни силой бакинского «Нефтчи», ни возможностями сборных ГДР и Франции. Речь идет как раз о той внутренней расслабленности, которая таится где-то в укромных уголках и которую в конечном итоге легко спутать с ощущениями усталости. Тем более когда усталость действительно накопилась. Три года подряд мы играли почти в неизменном составе. И какие три года! У каждого есть своя вершина, на которую дважды не взойдешь.

Фактическая же сторона дела заключается в том, что мы не готовили себя морально ко многим матчам нынешнего сезона с той прежней, прошлогодней силой самовнушения, что помогало многим из нас в игре, как говорится, прыгнуть выше головы. К сожалению, спортивное мастерство – не раз и навсегда заданная величина. Иначе мы все играли бы хорошо до глубокой старости. Но даже не состояние функциональных систем все решает, а состояние моральное. Уметь реализовать свои возможности – наука не для успокоившихся.

Чтобы было еще понятнее, обязательно скажем, что такого методически гибкого построения учебно-тренировочного процесса, как в нынешнем сезоне, в команде еще не было. Тренеры лучше нас, игроков, понимали наше состояние – не зря ведь у них опыта побольше и житейского, и спортивного. Наставники с предельным душевным напряжением подбирали педагогические и методические средства, чтобы помочь нам обрести себя без ущерба для нашего достоинства. Как-никак в команде сплошь заслуженные мастера спорта. Причем иные из нас бывают очень обидчивыми, когда речь заходит о персональном вкладе в игру.

Тренерскому составу во главе с Валерием Васильевичем Лобановским мы обязаны не только покорением спортивных вершин. Наши тренеры оказались мудрыми педагогами и людьми широкой души в час, когда суровые законы спорта требовали от них «отцепить» отработанную ракету-носитель. Но ни словом, ни, тем более, поступком не испортили они неизгладимого впечатления о нашей совместной великолепной работе в сезоне 1985–1986 годов. И пусть не все из нас пойдут за ними дальше на штурм новых достижений киевского «Динамо» – спортивный век короток, – но свою меру ответственности за нас они, вероятно, уже отмерили. За свои недоработки ответим сами. И не дадим этих людей в обиду.

Об обиде сказано не случайно. Открытое письмо в «Комсомольском знамени» вроде бы вызвано неудовлетворенностью игрой команды, но почему-то каждой строкой норовит уколоть побольнее тренера. Если б автор захотел выяснить, почему мы так часто пропускаем нелепые голы, «зеваем» подопечных соперников и порой не забиваем «стопроцентных» голов, никто из нас не стал бы возражать. Но об этом в письме ни слова. Зато скрупулезно собраны все сплетенного характера «сведения» о причинах отдельных неудач киевского «Динамо» за последние годы. Автор кому-то хочет доказать недоказуемое: что якобы весь путь команды под руководством Лобановского изобилует ошибками и просчетами. А то, что во главе с Валерием Васильевичем киевские динамовцы семь раз становились чемпионами Союза, пять раз владели Кубком СССР, выиграли три европейских Кубка и с десятков престижных международных турниров, что, наконец, 24 заслуженных мастера спорта по футболу обязаны своим званием Лобановскому – это, если судить по письму в газету, какое-то исключение в практике тренера. Побольше б таких «исключений».

И уж совсем смехотворно утверждение, будто наш старший тренер огражден от критики. Это Лобановский-то? В критических стрелах, выпущенных в него, недостатка не ощущается. Сама публикация в «Комсомольском знамени» – подтверждение этому.

Мы привыкли к тому, что не все воспринимают с восторгом удачу киевского «Динамо». Знакомы и с попытками непременно отыскать в жизни коллектива что-нибудь эдакое скандальное. Но еще никто и никогда не пытался в прессе внести разлад между нами и тренерами, как это сделано в письме болельщика. Ведь нельзя иначе квалифицировать многословные сетования автора на якобы черствое отношение наших тренеров к выдающимся футболистам киевского «Динамо» недавнего прошлого, а также на редкость бестактное прогнозирование обстоятельств, в которых якобы завершится футбольная карьера Олега Блохина.

Мало того что эти недостойные перепевы дворовых сплетен странно выглядят на страницах боевой комсомольской газеты, это еще и не имеет никакого отношения к тому, что мы играем хуже, чем можем и хотим.

Да, мы мало встречаемся со спортивной общественностью, редко отчитываемся перед почитателями команды. Не так просто организовывать такие встречи, если перерывов между играми и перелетами не хватает для полноценных тренировок и восстановления сил. А мы попадаем в такой переплет второй сезон подряд. Когда у нас будет клуб, общение с болельщиками наладится. Руководители команды уже продумали и это: наши встречи с активистами клуба будут записываться на видеопленку и демонстрироваться в клубном кинотеатре. А зрители смогут опускать в специальные ящички свои записки с вопросами и претензиями, на которые мы будем отвечать при следующей встрече с представителями общественности. В клубе планируется издавать пресс-бюллетень, радиогазету. Тогда информация о жизни команды станет всеобщим достоянием.

А пока отсутствие крайне необходимой команде двусторонней связи с любителями футбола нередко заполняется активностью любителей посплетничать. Может быть, кому-нибудь и впрямь хочется, чтобы нашу команду раздирали распри, чтобы, как выражается Владимир Портнов, ее поразила тяжелая болезнь. Но мы здоровы. И автор

письма в газету может сам вполне убедиться в этом. Приходите к нам, Владимир Портнов, в любое удобное для вас время.

По поручению футбольной команды мастеров «Динамо» (Киев):

Анатолий Демьяненко, Владимир Бессонов, Павел Яковенко, Вадим Евтушенко, Сергей Балтача, Алексей Михайличенко, Олег Кузнецов.

...После того как мы споткнулись на Бельгии и Мексике, я был уверен, что сборную возглавят новые люди. Уверенность моя основывалась, во-первых, на традиции – за неудачным результатом автоматически следуют оргвыводы, и, во-вторых, на том обстоятельстве, что с тренерами, работавшими с командой на чемпионате мира, спортивные руководители не вели никаких разговоров относительно их дальнейшей судьбы.

Парадоксальная сложилась ситуация. Нас позвали помочь сборной перед Мексикой, а по завершении чемпионата не сказали ни слова, ни полслова о том, что же будет с нами дальше. В частных беседах утверждали: вы, мол, будете тренерами сборной до 1990 года – до очередного чемпионата мира в Италии. Когда же я попробовал поставить вопрос официально, напомнил о существовании такой формы, как заключение контракта на какой-либо срок, в ответ последовало: «Вы пока работайте...»

Неопределенность положения не способствовала, конечно же, нашему настроению. Мы вольны были понимать дело таким образом, что каждый следующий матч может стать для нас последним, но для себя решили не обращать внимания на такие «пустяки», как отсутствие контракта и договоренностей, а работать в меру наших способностей на всем тринадцатимесячном отрезке отборочного турнира чемпионата Европы.

Надо сказать, в таком положении среди наших тренеров мы оказались не первыми (хочется надеяться, что последними). Можно привести массу примеров, когда тренеры узнавали о том, что они больше не в сборной, из газет. Мне же запомнился один случай, самый, пожалуй, вопиющий, происшедший в 1964 году с К. Бесковым.

Он провел тогда команду по сложному пути до финального матча второго розыгрыша Кубка Европы среди национальных сборных, что само по себе – значительный успех. Финальная встреча с испанцами проходила в Мадриде. Представьте себе: испанская сборная на своем стадионе, ее поддерживают 120 тысяч экспансивных зрителей, собравшихся на стадионе «Сантьяго Бернабеу», английского арбитра Артура Холланда сложно упрекнуть в предвзятости, по симпатии его к хозяевам очевидны. И в таких условиях – 1:2 в равной преимущественно борьбе, второй гол пропущен за шесть минут до окончания второго тайма. Получены серебряные медали, команда стала второй на континенте. Комментируя финал, тренер английской футбольной ассоциации Аллен Вейд утверждал: «Всякий англичанин, который посмотрел бы финал этого интересного нового соревнования, мог сказать: «Настоящий кубковый финал!» У нас это означает наивысшую похвалу. В самом деле Испания и СССР продемонстрировали темп, физическую подготовку, темперамент. Итак, острое соревнование с хорошей, увлекательной концовкой!»

Концовка действительно получилась «увлекательной»: Бескова от работы освободили. Игра команды получила высокую оценку европейских специалистов, ряд игроков, в частности Лев Яшин и Валерий Воронин, привлекались по итогам Кубка в состав сборной Европы, фигурировали в различных символических сборных, а тренера уволили. Кто это сделал и почему?

К сожалению, инициаторы подобных решений, принимаемых чаще всего келейно, волевым способом, остаются безымянными. Их подписи нет на бумаге, они «создают мнение». «Есть мнение» – выражение, сопровождаемое обычно взглядом в потолок, будто там, на следующем этаже или на крыше сидит некто, это «мнение» изрекающий. Действует безотказно.

Кажется, зачем вспоминать то, что происходило двадцать с лишним лет назад? К чему беречь старые раны?

Только для того, чтобы учиться на ошибках, которые, как правило, повторяются.

При всем моем уважении к Николаю Петровичу Морозову, назначенному старшим

тренером сборной после увольнения Бескова, я убежден, что советская команда выступила бы на английском чемпионате мира 1966 года лучше и вполне могла если и не стать чемпионом мира, то уж в финале-то играть точно, в том случае, если бы остался Бесков. Он начал кропотливую работу по формированию сборной, по постановке для нее игры. В работе этой он продвинулся далеко, но завершить ее ему не позволили.

Новый тренер начал, конечно, не с нуля, но и не с тех позиций, на которых команда уже побывала. Это вполне естественно – «новая метла...». Преемственность не была соблюдена, да ее и не могло быть: у тренеров различны и творчество, и взгляды на игру, и методы комплектования.

В результате смены тренеров было упущено то, чего ничем нельзя компенсировать, – время. Упущено по воле пожелавшего остаться неизвестным Лица, которое, будучи весьма далеким от спорта вообще и от футбола в частности, полагает, что «духу нашему спортивному цвезть везде!», а уж если не случилась победа, значит, тренера гнать надо взащей.

Вообще, разговор о бесправии – юридическом и моральном – тренеров может получиться долгим и интересным, но коли ведем мы речь о чемпионатах Европы, вспомню и свой печальный опыт.

После испанского чемпионата мира 1982 года, где командой руководил триумвират (по сути своей – искусственное решение): К. И. Бесков, Н. П. Ахалкаци и я, меня пригласили возглавить сборную. Предстояли отборочные матчи первенства Европы с финнами, поляками и португальцами. Условие было довольно жестким – уйти из киевского «Динамо» и полностью сосредоточиться только на работе со сборной.

С клубом расставаться было жаль, но я понимал (знал из опыта мирового футбола), что сборную должен тренировать только освобожденный специалист, не связанный с каждодневными заботами о клубной команде. Придерживаюсь этого убеждения и поныне, хотя сам участвую в эксперименте, отнимающем массу сил и до предела выматывающем нервы.

Сложности возникли сразу. «Кто заменит вас в клубе?» – спросили меня в Киеве. Я назвал две фамилии – Олег Базилевич и Юрий Морозов. После детального обсуждения остановились на кандидатуре Морозова, работавшего тогда с ленинградским «Зенитом». «Зенит» в конце июля играл в Киеве, с Морозовым состоялся предварительный разговор, согласие он дал.

Договорились, что до конца 1982 года я продолжу «совместительство» в клубе и сборной, а с начала следующего года перееду в Москву и буду жить там в служебной квартире (потом, кстати, «служебность» этой квартиры вменили мне в вину, заявив, что тренер сборной должен быть москвичом! Почему?).

Признаюсь, несколько колебался: принимать приглашение в сборную или не принимать? Причины колебаний объяснимы. Я понимал, что любой неудачный матч оставит меня без работы, как это не раз случалось с моими коллегами. Даже несмотря на то, что мне было предложено разработать программу подготовки команды на четырехлетний период.

Стремление проверить свои силы на совершенно новом витке самостоятельной работы, желание сменить обстановку – все это помогло мне принять решение и занять место тренера сборной, рабочий стол которого находился в здании Госкомспорта СССР на Лужнецкой набережной.

Квартира, в которой я жил, была расположена примерно в часе ходьбы от Госкомспорта, и я использовал каждую возможность для того, чтобы преодолевать этот путь по набережным пешком. Прекрасное время для раздумий!

Обдумывать было что. Перво-наперво – подробнейший план функционирования сборной на ближайшие четыре года, вплоть до мексиканского чемпионата мира. Затем – создание штаба всех сборных, способного решать сложные задачи подготовки к важным и ответственным соревнованиям. Без такого штаба, полагал я тогда (остаюсь при своем мнении и сейчас), невозможно добиваться больших побед. Речь в данном случае идет не о

механическом формировании штаба, скажем, из тренеров команд высшей лиги, а из тренеров-единомышленников, которые в состоянии координировать работу всех сборных – от юношеских до первой. Несоблюдение принципов преемственности (в тактической, к примеру, подготовке) – бич нашего футбола, мы теряем из-за этого довольно много игроков при переводе их из одной возрастной группы в другую. Если с детского, юношеского возраста не приучать к ощутимым нагрузкам, серьезной работе, исключительно сложно добиваться этого от уже сформировавшихся футболистов.

В идеале я вижу, как во всех наших командах готовят игроков по современным тренировочным программам. Не по взятым с потолка и спущенным вниз методическим указаниям, совершенно не учитывающим специфику той или иной команды, состояние отдельных игроков на определенный момент, а по научно обоснованным рекомендациям, позволяющим тренерам и фантазировать, и импровизировать, если хотите, и не быть в то же время рабом бумаг, отчетов, требуемых в различных спортивных и околоспортивных инстанциях.

Рядовые болельщики полагают, наверное, что, встречаясь на тренерском совете для обмена мнениями, ведущие тренеры могут разрешить все крупнейшие проблемы футбола. Заблуждение!

Во-первых, тренерский совет – сегодня в нем наставники всех шестнадцати команд высшей лиги – никогда практически не собирает кворума. Во-вторых, подавляющее большинство тренеров на нем отмалчивается. В-третьих, и это, пожалуй, самое главное – без этого «в-третьих» не было бы, возможно, и «во-первых», и «во-вторых», – тренерский совет не принимает решения, а «вырабатывает рекомендации», которые затем обсуждаются неоднократно в таком количестве мест, что и не сосчитать.

Впрочем, об организационной стороне дела в советском футболе речь впереди.

Хотелось наладить информационную деятельность в рамках страны. Я сторонник получения максимальной, вернее, максимально возможной информации о сопернике. С давних времен, когда еще сам играл, мне хотелось знать особенности игры защитников, против которых выходил на поле, особенности команды, с которой предстояло сражаться. Только тогда можно придумывать, как обыграть противника.

В «Днепре» одной из наших целей было – владеть подробнейшей информацией о соперниках по первой лиге. Я чувствовал себя не в своей тарелке, если мало знал о тех, с кем через час предстояло играть. Это доходило до суеверия. Словно вышел на люди в мятых брюках или в рубашке с оторванной пуговицей.

С годами это чувство обострилось и стал замечать – иногда перерастало в чувство неуверенности, не страха, а именно неуверенности. А ведь это состояние, как ни маскируйся, и футболистам передается, особенно тем, с которыми давно работаешь и которые знают малейшие нюансы твоего поведения, даже если ты молчишь.

К счастью, в киевском «Динамо» дело налажено таким образом, что подобные ощущения у команды возникают весьма и весьма редко.

Всей информацией ведает Ошемков. В его обязанности входит запись игры соперников на видеопленку, обработка зарубежной прессы, сбор сведений из других источников. Пользу футбольной «разведки» мы не переоцениваем, боже упаси. Но она является важным элементом в нашей общей деятельности, и недооценивать ее также нельзя.

Должен сказать, нам завидуют. Считается, что в Киеве на высоком уровне дело поставлено. Но ведь это смотря с чем сравнивать. Если брать международный уровень информированности, то мы – жалкие дилетанты. Нет возможностей – технических прежде всего – записывать все наиболее интересные матчи клубов и сборных в Европе. Создать видеодосье на них. Нет возможностей взять в штат команды переводчиков – Ошемков владеет только английским. Нет возможностей, наконец, организовать собственный настоящий «банк информации» – приходится ограничиваться «мини-банком».

Создание такого банка для всего нашего футбола, с постоянным пополнением и обновлением имеющейся в нем информации не повредило бы и остальным командам. Чего

уж лучше – получил по жребью в соперники, скажем, «Витошу» болгарскую или мадридский «Реал», а в «банке» вся предварительная информация имеется.

Как пополнять и обновлять сведения? Собирать. «С миру по нитке – голому рубашка». Видеокопию и ксерокопию сделать сейчас не проблема. Поехали мы, к примеру, на амстердамский турнир – записали все игры бразильского «Ботафого», «Аякса», «Манчестер Юнайтед». Отправился «Спартак» на турнир в Испанию – записал «Реал», мадридский «Атлетико», «Манчестер». О «Манчестере» уже составила бы достаточно полная картина – два матча. А вдруг кому-нибудь выпадет играть с ним в Кубке УЕФА?

Можно наладить контакты с контрагентами в развитых футбольных странах и через них, за определенное вознаграждение разумеется, получать дополнительную информацию, как видео, так и печатную.

Не складывается ли впечатление, что слишком уж важное значение я придаю сбору информации в команде? Мы в киевском «Динамо» давно уже пришли к выводу: тратить время и средства на детальный, тщательный сбор информации выгодно – окупится сторицей. Это важная составная часть нашей работы, и готовить сейчас команду «вслепую» – понапрасну тратить время.

Ни в коем случае не утверждаю, что подробная информация непременно приведет к успеху. Гарантий в нашем деле вообще быть не может. Но то, что это способствует достижению цели, – несомненно.

Итак, планов и задумок у меня было «вагон и маленькая тележка», оставалось лишь толкать их вперед, а первой станцией стал отборочный турнир чемпионата Европы, где необходимо было занять первое место в борьбе с командами Польши, Португалии и Финляндии. Четыре победы, ничья и поражение не позволили это сделать. Не утверждаю, что нас подвели поляки, хотя, по свидетельству наблюдателей из сборной СССР, польские футболисты, которым игра ничего не давала, довольно инертно действовали на своем поле против португальской команды и уступили фактически без борьбы. Правда, на иной результат этого матча мы и не рассчитывали, и делали все, чтобы обойтись своими силами.

После поражения в Лиссабоне, крайне огорчительного прежде всего из-за грубейшей ошибки французского арбитра Жоржа Конрата, назначившего пенальти, в неправомерности которого он потом публично признался (и был отстранен от арбитража), чего только мы не наслушались и не начитались! Людьми, не побывавшими не только в нашей раздевалке, но и вообще на стадионе «Де Луш», была придумана версия об оборонительной установке, которую мы якобы дали на матч. Вымысел опровергли игроки, в частности Черенков и Дасаев. Обвинили нас и в том, что не тот выбрали состав на игру – никого, мол, практически не было из команд – призеров чемпионата, из состава обладателя Кубка страны, да и из других клубов, выступавших неплохо. Согласно такой логике, после окончания каждого сезона надо формировать новую сборную в соответствии с занятыми командами местами. Совершенно серьезно декларировалось, что в футболе надо строить игру активную, созидательную, комбинационную, нацеленную на атаку, на победу, будто тренеры сборной только-только покинули школьные классы и ставят целью настроить команду на игру пассивную, разрушительную, бескомбинационную, нацеленную на оборону, на поражение, а глубокомысленные рассуждения знающего толк в тактике, в вопросах подготовки команды, ведения игры журналиста могут стать для них откровением необычайным. Анализ футбольного матча с пеленой личных обид на глазах, мешающей разобраться в том, как команда готовилась к игре, как намерена была ее вести и как вела, отнюдь не способствует, на мой взгляд, ни репутации обозревателя, становящегося штатным специалистом по поражениям команд, которые возглавляются определенными тренерами, ни возможности болельщикам получать объективную информацию – истинную, а не подтасованную, сознательно извращенную; ни умению абстрагироваться от результата. Ведь не будь этого злополучного пенальти, из-за которого переживали не только мы, но и арбитр (его я могу упрекнуть не в предвзятости, а в том лишь, что он не видел точное место нарушения), и рецензии на тот же самый матч, при той же самой игре были бы совершенно иными. Такими,

например: «Советским футболистам удалось сыграть вничью и выполнить поставленную на сезон задачу – выйти в финал европейского первенства. Конечно, команде много еще предстоит поработать, чтобы показать свои лучшие качества в борьбе с именитыми соперниками по финалу. А пока мы ее поздравляем...» Но ведь и это тоже верх дилетантизма!

Почему бы, похвалив за победу, не разобрать объективно и профессионально игру со знанием дела, да так, чтобы не только любители футбола поняли, что же происходило на поле, но и тренеры и игроки могли бы почерпнуть для себя из такого анализа что-то полезное? И почему, справедливо отругав за поражение, с таким же знанием дела не проанализировать все сильные и слабые стороны соперников, чтобы польза от этого была и читателям, и команде? Удалось бы, наверное, и то и другое нашим обозревателям, если бы им доставало стремления к футбольному образованию и самообразованию. Ведь развивается футбол, не стоит на месте.

Как мне представляется, на футбольной прессе лежит огромная ответственность, ведь слово не только формирует общественное мнение, но и влияет на поведение зрителей на трибунах. Оно должно быть взвешенным и основываться на единственной критерии – объективности. Возможно, я ошибаюсь, но, похоже, общий уровень футбольной журналистики, если таковая существует (а в этом есть сомнения, поскольку многие пишущие сегодня о футболе, завтра комментируют состязания по стрельбе из лука, послезавтра рассказывают о хоккее или велоспорте, затем о гимнастике и т. д. – подобная всеядность не стыкуется с нашим временем узкого профессионализма, зато расцвету дилетантизма способствует), за два, два с половиной последних десятилетия снизился. Места, освобожденные в силу ряда причин асами, формально, конечно, заняты, но, к сожалению, большей частью формально.

Не буду называть фамилии. И не потому, что не хочу кого-то задеть или обидеть. Просто в контексте общих рассуждений упоминание фамилий не выглядело бы правомерным, а заниматься подробным рецензированием рецензий на матчи нет времени и места. Из опыта общения с коллегами и некоторыми игроками скажу: они хорошо знают возможности и пристрастия каждого из пишущих о футболе, кого-то читают полностью, кого-то – по диагонали, кому-то верят, кому-то – нет.

После Португалии на коллегии Спорткомитета обсуждался вопрос «Об итогах футбольного сезона 1983 года и мерах по повышению мастерства советских футболистов», но серьезных мер так и не было принято – обычная калька с предыдущих и будущих (!) постановлений. Впрочем, нет, одну решительную меру приняли, сформулировав ее следующим образом: «За допущенные серьезные просчеты В. Лобановскому и Н. Симоняну объявлен выговор. Признано нецелесообразным использовать их в дальнейшем в качестве тренеров сборных команд страны». Куда уж серьезнее – даже о юношеской сборной забудьте!

Выговор – дело понятное: заслужили – получили. Но за явное обвинение в профессиональной непригодности ни перед Никитой Павловичем, ни передо мной не извинились даже тогда, когда приглашали возглавить сборную за три недели до ее отлета в Мексику. Более того, формулировка осталась, постановление не аннулировано. Так мы, которых «нецелесообразно использовать», и работаем в сборной... фактически вопреки постановлению высшей пашей спортивной организации.

Домой я вернулся с твердо принятым решением до конца дней своих работать только в клубе. Но перед Мексикой не выдержал...

В Киеве меня приняли достаточно хорошо. Команда заняла в чемпионате седьмое место, с Юрием Андреевичем Морозовым, приступившим к переформированию ее рядов, намерены были распрощаться. Я предложил ему остаться в роли помощника. Он отказался, и я его понял. Стремление к самостоятельной работе, особенно если привык только к ней, всегда похвально.

Чем мог закончиться для меня первый после возвращения сезон и чем он закончился, я

уже рассказывал.

...Мексиканские страсти поулеглись довольно быстро. Переосмыслив уроки чемпионата, проанализировав его итоги с точки зрения прежде всего выступления сборной Советского Союза, мы почти немедленно вступили в следующее соревнование – отборочный турнир чемпионата Европы в одной группе с командами Франции, ГДР, Норвегии и Исландии, в котором вновь требовалась только победа.

По-прежнему несколько неопределенным представлялось мне мое положение как тренера сборной. С одной стороны, когда перед Мексикой мне предложили возглавить команду, никакие перспективы не оговаривались, не было никакого разговора о, скажем, новом четырехлетнем цикле подготовки к чемпионату мира 1990 года (серьезно эта тема не обсуждалась и после нашего возвращения с первенства мира). С другой же стороны, в послемексиканский период я вроде бы автоматически оставался, продолжая работать в клубе, и тренером сборной, готовил ее вместе с опытными коллегами к матчам европейского турнира.

Если перед чемпионатом мира мы оказались в сложном положении, то после Мексики ситуация изменилась, но не упростилась. Любители футбола, общественность, пресса дали в целом высокую оценку нашим играм на чемпионате (и это несмотря на отсутствие приемлемого результата), от нас требовали сохранить состав, продолжать работать в том же направлении, считали, что мы способны не только выиграть отборочный турнир, но и победить на чемпионате континента.

Но кто возьмется утверждать, что игра на чемпионате мира была не всплеском, где гарантии, что мы можем не только повторить ту игру, но и развить ее? Гарантий таких нет, и никто их дать не может. Время покажет, сумеют ли те молодые в основном ребята, которые впервые участвовали в исключительно трудном соревновании – чемпионате мира, сохранить высокий уровень на протяжении длительного времени, сумеем ли мы, тренеры, в полной мере содействовать этому.

Можно было предположить, что мы не пройдем европейский отборочный турнир. Возможен был такой вариант? Наверное, возможен. Громогласно заявлять, что мы победим, – лишь воздух сотрясать. А что же дальше в таком случае? Сохранила бы сборная выбранное направление?

Сложности были связаны с тем, что в нашем распоряжении находился очень ограниченный круг футболистов, соответствующих требованиям, которые мы предъявляем. Необходимо проделать огромную работу для того, чтобы найти игроков, способных эти требования выполнять, и подготовить их. Ведь не сразу же это делается: привлекли игроков в сборную, поставили на матч и тут же получили требуемый результат. Нет, нужно время, ведь сборная – тот же коллектив, пусть функционирующий периодически, по коллектив, в котором должны быть свои традиции и задачи, лидеры и нравственная совместимость.

А где гарантии, что мы будем продолжать эту работу? Приходить же в сборную на год и в случае малейшей неудачи возвращаться «на круги своя» нет смысла.

Такая в нас вера родилась после чемпионата мира, что самое страшное было – подвести людей, разочаровать их.

Безусловно, основными нашими соперниками по группе были французы, владевшие на тот период титулом чемпиона Европы, и футболисты ГДР, давно уже в финалы крупных турниров не попадавшие и намеревавшиеся сделать это. Тем более что фон был благоприятным – спад в игре команд, выступавших в Мексике. Замечено: сборные, прилично выступившие на чемпионате мира, потом некоторое время находятся в тени. Самый характерный пример – итальянцы, победившие в 1982 году в Испании, но не сумевшие затем пройти довольно несложный отборочный турнир первенства континента.

Подтверждением закономерного спада стали, мне думается, ничьи, которыми довольствовались в Рейкьявике в матчах против Исландии и французы, и мы. Как выразился тогда Анри Мишель, тренер сборной Франции, «заочный счет между французской и советской командами стал 1:1 и через две недели в Париже во время очной встречи многое

прояснится». Можно было бы напомнить, что с исландцами мы играли без травмированных Яковенко, Чивадзе, Яремчука и Беланова, но перечисление больных игроков основного состава сборной вызывает обычно гнев со стороны людей, далеких от практической работы с футбольной командой и считающих, что если даже травмированы все одиннадцать ведущих, все равно коллектив обязан выигрывать любой матч против любого соперника на любом поле да еще непременно показывая «красивый» футбол.

Перед игрой 11 октября 1986 года на «Парк де Пренс» нас больше всего беспокоило функциональное состояние ряда игроков, толком не отошедших после чемпионата мира, на котором было отдано очень много сил, но продолжавших напряженный сезон в чемпионате страны, европейских турнирах и в матчах за сборную. Показатели медицинского обследования накануне немного нас успокоили. Что же касается настроя... На игру в Париже никого не надо было настраивать. Все понимали, что от результата встречи с французами во многом зависит, попадем ли мы в 1988 году в ФРГ или нет. Анри Мишель заявил, что ничья стала бы для него равносильной поражению. Нас ничья вполне бы устроила. Атаковать – да, но не сломя голову, а обезопасив тылы.

Состав у французов, не скрывавших намерения победить, по сравнению с Мексикой изменился незначительно. Вернулся в него Платини, после чемпионата мира в сборной не игравший, но мечтавший сразиться с командой СССР.

За то время, что я работал со сборной СССР, она провела – по 1987 год включительно – 44 матча. Отборочный матч чемпионата Европы с французской командой в Париже – один из лучших среди них. Игра эта достойна того, чтобы остаться в истории команды – хотя бы в виде стенограммы: тот, кто матч видел, мгновенно вспомнит в подробностях, как все происходило.

1 -15-я минуты. Платини, с которым было связано много надежд, выдал точный пас Папену, удар которого отменно парировал Дасаев, вовремя вышедший из ворот.

Чивадзе ответил штрафным ударом – штанга, тело вратаря Батса, снова штанга, и мяч в руках голкипера.

Платини бросил вперед Аморо, подача слева, неточный удар Папена головой – выше ворот.

Заваров и Бессонов передачами прошли центр поля, затем Бессонов отправился на скорости с мячом один, Жанноль, дебютант французов, сбил его с ног. После розыгрыша штрафного Чивадзе пробил выше ворот.

16 -30-я. Фернандес, Папен и Феррери пытались организовать атаку по центру, но на подступах к штрафной им помешали это сделать Кузнецов, Чивадзе и Демьяненко.

Заваров и Бессонов – оба в отличной форме – повторили свой маневр, и вновь Бессонов помчался вперед, на скорости увернулся от подката Фернандеса, но Аморо и Платини совместными усилиями свалили нашего крайнего защитника на газон. Штрафной с правого фланга подал Рац – на голову Беланову, но к мячу первым успел Батс.

Короткая перепасовка Тигана – Платини, удар капитана сборной Франции издали, очень неточно.

Красивая комбинация Заваров – Алейников – Заваров, завершившаяся, потерей мяча на линии штрафной площадки.

Заваров головой (!) перехватил высоко летящий на половине поля соперников мяч, точная передача в прорыв по правому флангу Рацу, неточный навес на Беланова, боровшегося в штрафной с Боли.

Заваров подхватил мяч в центральном круге, слаломом, к восторгу понимающих толк в футболе французских зрителей, прошел трех соперников, на четвертом искушать судьбу не стал и точно отправил мяч направо находившемуся в выгоднейшей позиции Родионову. Под удар Родионова бросился защитник – как в хоккее – и отбил мяч.

Жанноль «заработал» штрафной, сам же его и пробил немного выше левого угла, который Дасаев контролировал.

Игровое столкновение Бессонова с Аморо, и Бессонов, полежав немного на бровке,

прихрамывая, отправился в сопровождении врача и массажиста к скамейке запасных – травма.

Попытка после комбинации Яковенко – Рац – Яковенко подключить к атаке Кузнецова успехом на подступах к штрафной не увенчалась.

Точную передачу сделал Тигана Папену, который из-за штрафной несильно пробил мимо нижнего угла. Дасаев удар контролировал.

31 -45-я. Беланов перед штрафной «украл» мяч у двух центральных защитников, отдал его Яковенко, но продолжения не получилось. Тут же попытались пробиться к воротам Фернандес с Платини, передачу перед штрафной прервал Алейников. Последовала контратака с участием Заварова и Родионова, удар вышел неточным.

Хидиятуллин заменил Бессонова на правом фланге обороны с заданием контролировать зону. Аморо в стенку пробил штрафной, назначенный за нарушение Демьяненко в борьбе с Папеном.

Еще один штрафной, на этот раз со своей точки бил Платини, выше.

Вновь штрафной, после короткого розыгрыша бил Жанноль, низом, мяч летел в угол, но блестяще сыграл Дасаев. Угловой.

Платини «отправил» вперед Аморо по правому флангу, Демьяненко зону перекрыл вовремя. Угловой.

Родионов – Заваров (с быстрым проходом) – Алейников, удар последнего низом, мимо.

Заваров в подкате отобрал мяч на своей половине поля, сыграв с Хидиятуллиным в короткую стенку, промчался до штрафной, плотный удар, и мяч пролетел рядом со штангой. Батс к броску готов не был.

Платини со штрафного хитро навесил мяч на Стопиру, но защитники оказались на высоте.

Заваров и Яковенко в несколько передач прошли до штрафной, мяч потеряли, острая контратака, пас на Папена, нарушение правил Кузнецовым (не успел с подкатом), штрафной пробил Платини, Дасаев сыграл отменно.

46 -60-я. Неподалеку от штрафной Платини сбил Заварова. Хидиятуллин пробил точно, но в угол Батса.

Боли отобрал у Алейникова мяч в подкате, Аяш и Феррери организовали острую атаку, Кузнецов выбил мяч на угловой после опасной передачи.

Проход Фернандеса, удар Феррери – очень неточный.

Родионов, Рац и Хидиятуллин разыграли комбинацию, последовал пас на врывавшегося в штрафную площадку Яковенко, несколько неточный.

Яковенко с мячом на скорости проник слева в штрафную, попытался сыграть индивидуально, мяч потерял.

Родионов длинной передачей вывел вперед Беланова, Боли, не догоняя, сбил форварда. Крученный удар Раца со штрафного Батс с трудом парировал на угловой.

Две подряд опасные атаки французов, вторая завершается мощным ударом Тиганы, отлично сыграл Дасаев – на добивание подкатом летел Платини.

61 -75-я. Некоторое время игра в середине поля без особых выпадов.

Начал подключаться к атакам Демьяненко.

Блестящая комбинация Чивадзе – Хидиятуллин – Яковенко – Родионов (на лицевой линии) – Яковенко. Аморо цепляет его во вратарской площадке за ноги, не попадая по мячу, пенальти судья не назначает.

Боли и Аяш провели атаку, закончившуюся передачей на Папена. Дасаев отлично сыграл на выходе.

Многоходовка Рац – Заваров – Родионов (освободился от наседавшего защитника в штрафной площадке) – Заваров (протолкнул мяч между ногами Жанноля) – Беланов – 1:0. Гол для учебника.

Два подряд угловых у наших ворот.

Еще одна отличная многоходовка, проведенная на высокой скорости: Беланов –

Алейников – Родионов – Рац, последний бил из штрафной, Бате с трудом парировал удар на угловой.

Тигана отправил в штрафную мяч в борьбу, Дасаев на выходе был безупречен.

76 -90-я. Хорошая фланговая атака сборной СССР справа, Родионов сделал передачу в штрафную, Беланов в борьбе с Боли мяч пропускал, но сзади никого не оказалось.

Угловой у ворот французской команды. После подачи Демьяненко первым у мяча был Батс, выбросил его Фернандесу, один подкат он прошел, вторым Захаров отобрал мяч, увернулся от бросившегося вперед двумя ногами Фернандеса, развернулся и отправил вразрез мяч налево Демьяненко, в одно касание передача в штрафную Рацу, удар, Беланов, находившийся на линии удара, подпрыгнул, и все увидели мяч в воротах – 2:0.

Дасаев намертво взял штрафной от Жанноля.

Удар Аморо, самого активного у французов, мимо.

Боли «отомстил» Беланову за гол, ударив его по ногам, грубо и откровенно.

Удар Беллона много выше ворот.

Навес в штрафную справа – Дасаев на месте...

Рассказывают, что Деттмар Крамер, тренер-инспектор ФИФА, известный в прошлом тренер «Баварии», выигравшей под его руководством Кубок европейских чемпионов, специально летал на матч в Париж – выбрал его как встречу, в которой можно увидеть достойный футбол. Для Крамера, опытного практика, высказывания французской прессы об игре Франция– СССР (такие, как «советская симфония в мажоре», «сильны, очень сильны, слишком сильны», «голы были забиты, как на параде») – не более чем эмоции. Он верит тому, что видит сам.

Когда Крамер вернулся в ФРГ и Беккенбауэр спросил его, что он видел в Париже, Деттмар ответил: «Боюсь, Франц, что, если мы не сумеем прибавить в ближайшие полтора года в игре, я видел новых чемпионов Европы». Но и это – эмоции. Мы провели к тому времени всего лишь два матча, и абсолютно неизвестно было, как будет выглядеть команда в 1987 году, удастся ли подтвердить определенный уровень игры, убедить и себя, и других, что он есть...

Доводилось после этого матча слышать, что «очень уж плохи были французы». Нам так не показалось – ни тем, кто находился на скамейке, ни тем особенно, кто играл. Не показалось так и французским обозревателям, оценившим своих игроков по десятибалльной системе достаточно высоко и в довольно узком диапазоне – от 7,5 до 8,5.

Примерно год спустя мы играли ответный матч с французами в Лужниках. Они начали строить новую команду в расчете на чемпионат мира 1990 года. Ушли корифеи, достигшие критического возраста для выступлений за сборную, и Мишелю не было смысла уговаривать их остаться, поскольку к итальянскому чемпионату мира они постарели бы еще на несколько лет. Пришли новые – молодые и честолюбивые футболисты, которые умеют самостоятельно думать и не достигли еще своей игровой вершины. По сравнению с парижским матчем наполовину обновился и наш состав, причем трое – Лосев, Тищенко и Добровольский – дебютировали в официальных матчах сборной. Наши замены носили в основном вынужденный характер, и в целом дублеры выдержали острую борьбу, навязанную нам мечтавшей взять реванш сборной Франции.

Последние шаги на пути к «Европе-88» оказались исключительно сложными. Осечка в любом из заключительных матчей могла стоять первого места. Особенно это относится к встрече в Берлине 10 октября 1987 года. Сборная ГДР «почувала свой шанс», бросила в бой все силы, и матч получился весьма жестким и даже временами жестоким. Только черствые люди могли позволить себе ехидничать по поводу наших поздравлений друг друга после такой игры, завершившейся вничью. У ребят не было сил – выложились до предела, и мы вместе с ними радовались как дети. Поражение, убежден, выводило бы в итоге на первое место футболистов ГДР. Они сумели бы с нужным счетом, для лучшей разницы забитых и пропущенных мячей, обыграть норвежцев на своем поле и выиграть в Париже у французов.

В конце 1987 года на игре сборной и на ее результатах не сказались локальные неудачи

киевского «Динамо», хотя уровень игры, если сравнивать с мексиканским чемпионатом и парижской встречей, несколько снизился. Мы победили, но оказались в сложной ситуации. Напрямую столкнулись интересы первой и олимпийской сборных. Это – удивительный факт и возможен он только в нашем футболе, исключительно слабым своей организационной стороной.

В странах высокоразвитого футбола молодежная и олимпийская команды являются своеобразными этапами в подготовке игроков для национальной сборной. Это и подсказывает решения в сезонах, когда совпадают чемпионаты Европы и олимпийские турниры. Разрешение выступать за олимпийцев профессионалам позволяет укреплять ряды участников олимпиады в решающий период опытными футболистами, имеющими солидную международную практику. Помимо всего прочего это способствует достижению главной цели олимпийской сборной – раскрывать способности перспективных игроков в экстремальных условиях престижных международных турниров. Рядом с бывалыми турнирными бойцами молодые футболисты быстрее и надежнее закрепляют навыки игры на высшем уровне.

В условиях же нашего футбола, когда совпадают интересы национальной и олимпийской команд, почему-то сразу возникает ряд проблем. Одна из них – кадровая. Руководители олимпийской сборной настаивали на решении, согласно которому футболисты, внесенные в их список, никоим образом не должны привлекаться в первую сборную вплоть до окончания олимпийского турнира и значит не могут участвовать в финальной стадии первенства Европы. Потом был принят «компромиссный вариант», согласно которому запрещено использовать необходимых нам олимпийцев для подготовки и для участия в товарищеских матчах вплоть до мая 1988 года – до окончания отборочного олимпийского турнира, хотя уже в 1987 году даже далеким от футбола людям было ясно, что олимпийцы в своей отборочной группе победят, опередив команды Болгарии, Швейцарии, Турции и Норвегии.

Признаюсь, я не был готов к такому повороту событий. Это означало, что внесенных в список олимпийской сборной Михайличенко, Тищенко, Добровольского, Яковенко и нескольких других игроков, на которых мы вправе были рассчитывать (и рассчитывали), готовясь к чемпионату Европы, мы не увидим до середины мая 1988 года. Важны не имена – важна сегодняшняя форма отдельных игроков. Нельзя создавать команду только на основании теоретических соображений, надо постоянно проверять эти соображения в контрольных матчах.

Нет нужды сопоставлять весомость в мировом футболе чемпионата Европы и олимпийского турнира. Различие в значимости их очевидно для всех, но только не для наших спортивных руководителей, которые из четырехлетия в четырехлетие повторяют, что нет в футболе ничего важнее олимпийского турнира. Переубедить их невозможно. Ссылки на то, что в чемпионатах мира и Европы выступают сильнейшие сборные в сильнейших своих составах, что представлены в них лучшие футбольные силы, что даже с хоккейными чемпионатами, в которых не принимают участие ведущие канадские, шведские и финские игроки, их нельзя сравнивать, не принимаются во внимание.

Тренеры олимпийцев, планируя свою подготовку, потеряли и никак не могли найти второй пик формы. Следуя их методическим представлениям, футболисты наши в сезоне не в состоянии дважды подниматься на пик спортивной формы даже при таком условии, что финальный турнир чемпионата Европы и олимпийский футбольный турнир значительно – на три месяца – разбросаны по времени. Должен заметить по этому поводу, что давно уже многие наши тренеры, исходя из реальных требований соревновательного периода, программируют в сезоне как минимум два пика формы. Другое дело, что не все еще надежно овладели этой методикой и не в состоянии решать простую в общем-то задачу. Печально, но к подобным «нестыковкам» приводит полное отсутствие единых принципов в комплектовании и подготовке сборных команд. Нет единства целей.

И настала пора подробно поговорить об организационной стороне нашего футбола,

находящейся, полагаю, во многих своих проявлениях на доисторическом уровне.

...Обычное утро. Необычно только то, что просыпаюсь я дома. Гораздо чаще это происходит либо на нашей базе в Конча-Заспе, либо в гостиничном номере какого-нибудь чужого города, бесчисленное множество которых я объездил за тридцать почти лет. Легкий завтрак, машина уже под окном, надо мчаться на стадион «Динамо», через два часа отъезд на базу, а за эти два часа надо решить множество вопросов, которыми конечно же не должен заниматься старший тренер. Знать их он должен. Но – не заниматься.

Тем не менее пока это так. Пока тренер, у которого голова должна быть занята только мыслями о футболе, тренировочном процессе, состоянии игроков, матчах, вынужден слыть знатоком в экономике, в хозяйственной деятельности, в юриспруденции. Спору пет, знакомство со всеми этими областями знаний не понаслышке развивает человека, повышает уровень его образования, но зачем же в наш век узкой специализации непрофессионально заниматься специальными вопросами? (Как не позавидовать Стефану Ковачу, сетовавшему на то, что в «Стяуа» он слишком расплылся: ему приходилось половину рабочего времени заниматься административными функциями. А в «Аяксе» он лишь 10 процентов своего времени посвящал административной работе – выездам за город, путешествиям и т. д.).

Вместо того чтобы лучше подготовиться к тренировке, я начинаю выяснять, почему так мало денег перевели на счет городского совета «Динамо» после последней игры. Следующий вопрос: когда получим форму для команды? Администратору не удалось в Москве договориться об этом. Далее: можно ли перенести сроки экзаменов для Заварова в ворошиловградском институте? У нас же игры!... Таких (или похожих) вопросов каждодневно возникает десятки – сужу по своим записям.

Никогда не вел дневники, хотя не считаю это занятие пустым и праздным. Просто всегда времени недоставало. Сейчас же, на пороге пятидесятилетия, жалею об этом. Впрочем, кое-какие записи сохранились, прежде всего сугубо профессиональные, сделанные во время бесчисленных совещаний, при подготовке к ним, особенно если приходилось выступать.

Сколько же их было, этих совещаний! «Широких» и «узких», с привлечением общественности и без, с информацией для печати и закрытых (словно речь не о футболе шла, а о крылатых ракетах). В бесполезности подавляющего большинства подобных мероприятий сомневаться не приходится. Во-первых, на них никогда не принимались никакие решения, а если и принимались, то не выполнялись. Во-вторых, – беспредметность разговоров. Встречи эти, на которые съезжались люди со всей страны, с трудом доставая билеты, отрываясь от своего дела, тратя зачастую на них свои редкие выходные дни, напоминали плохо отрепетированный концерт, на котором говорилось обо всем и ни о чем. Взгляд и нечто. Иногда это бывало полезно: гора пустословия, случалось, рождала крупницы информации. Но только иногда. Обычно – пустая трата времени. Демагогическими рассуждениями можно оглушить, усыпить, но приходит усталость от всех этих трескучих фраз, не несущих никакой нагрузки, а после усталости остаются лишь те же сомнения.

В прессе после некоторых таких совещаний появлялось сообщение: «Состоялся серьезный, обстоятельный разговор о судьбах нашего футбола. Выступили...» На самом же деле... Вспоминаю совещание старших тренеров команд высшей и первой лиг 20 июля 1977 года в московской гостинице «Юность». Оно состоялось после того, как сборная не прошла отборочный турнир чемпионата мира в Аргентине, и, казалось бы, разговор предстоял о серьезных проблемах нашего футбола, о путях их разрешения, о том, как развивается современный футбол. Многие выступающие, в том числе старшие тренеры первой и молодежной сборных Н. П. Симонян и В. А. Николаев, были готовы к такому разговору. Но что ото? Стоило, к примеру, Николаеву углубиться в анализ положения дел в нашем молодежном футболе, как из президиума совещания его прервали: «Вы несете ахинею. Я вот слушал вас и Симоняна и не мог попятить, почему проиграли сборные. Не профессионально. Надо было готовиться к совещанию». И Николаев, не отрываясь от текста, стал читать составленный для галочки отчет.

Тон был задан. Выходя на трибуну, я был готов к подобной реакции и но удивился, услышав реплику: «Если нужно, напишите все это в каком-нибудь реферате, а сейчас своими словами расскажите». В своем выступлении я пытался раскрыть ряд теоретических взглядов на современный футбол. Говорил, мне кажется, доступным языком. Но нельзя несерьезно обсуждать серьезные вопросы.

Сложно найти понятийный язык. Если же не искать – толку не будет. Я убежден, что и подававший из-за стола президиума реплики руководитель, и те, кто в лад ему набросились с дилетантскими вопросами на выступающих, по-своему болеют за дело (с них ведь еще более грозное начальство стружку снимает), и трудно их, вероятно, упрекать в том, что они не понимают, скажем, что такое моделирование (любого процесса, не только в футболе). Это все равно что упрекать слепого в том, что он не видит.

Моделирование, между прочим, необходимо применять не только к самой игре, но и к организации всего футбольного хозяйства.

До той поры, пока мы будем стыдливо закрывать глаза на то, что современный футбол стал занятием профессиональным, пока юридически не узаконим место команд мастеров в системе социалистических предприятий, а самих футболистов – в обществе, до тех пор мы обречены на каждом шагу спотыкаться. Каковы бы ни были наши успехи, нужно думать о будущем. И пока ничего не изменится, я буду оставаться пессимистом.

Вспомним, когда большой футбол складывался организационно? В тридцатые годы. Кто мог пятьдесят лет назад представить, что команде высшей лиги нужны будут мощные центры подготовки резервов, помощь медиков, агрономов, видеотехников, переводчиков? Все изменилось, а фундамент тот же. Ни один реактивный лайнер никогда не увидел бы неба, если бы в аэропортах остались взлетные полосы, рассчитанные на «кукурузники». Мы же взлетаем, как говорится, на подручных средствах. Сегодня мы должны начать совершенно новый этап – этап интенсивного развития. В противном случае нам грозит регресс. Футбол – не пустынный остров, он связан с обществом теснее, чем многим кажется, и если общество пришло к выводу о необходимости перехода к новым – высшим – организационным формам, футбол должен следовать этим же курсом.

Смешно сказать – ходим по инстанциям с протянутой рукой, словно бедные родственники. Почему мы должны просить милостыню, когда в состоянии и себя обеспечить, и солидную прибыль в карман государства положить? Но нет у команды юридических прав на хозяйственную деятельность, и даже на разумную часть выручки от матчей мы рассчитывать не можем. А потом удивляемся, почему есть команды, которые играют перед полупустыми трибунами, и ничего, процветают.

Зато сколько народу нами руководит! Городской, центральный, республиканский советы общества «Динамо» (мы в киевском «Динамо» – лишь одна из примерно 30 секций, входящих в это общество, и многие из них существуют только за счет футбола), местный, республиканский спорткомитеты, Госкомспорт... Директив, инструкций, запретов – гора, а тех, кто реально отвечает за дело, на пальцах одной руки можно сосчитать.

Миллионы людей во всем мире не оторвать от телевизора во время трансляции матчей, наутро после интересных встреч только и разговоров, что о футболе. Материалы на футбольную тему пользуются особой популярностью у читателей газет и журналов. Словом, футбол органически вошел в нашу повседневную жизнь, и представить ее без него, согласитесь, невозможно.

В последние годы в публичных разговорах о футболе часто звучит одна сквозная тема – перестройка организации футбольного дела. Специалисты-практики серьезно ставят вопрос о создании профессиональных футбольных клубов, своего рода футбольных предприятий. Однако ответственных за развитие спорта людей пугает такая постановка дела. И прежде всего, как это ни парадоксально, из-за слова «профессиональный». Парадокс заключается в том, что всем, включая учащихся детско-юношеских спортивных школ, а уж руководителям спорта тем более давно ясно, что футболист команд высшей, первой и второй лиг зарабатывает себе на жизнь, обеспечивает свою семью только тем, что тренируется и играет

в футбол. Никуда от этого факта не денешься, и прошли те времена, когда можно еще было объяснять несведущим, что, дескать, игроки, тренируясь и играя по 338 дней в году, продолжают без отрыва от этого футбольного марафона заниматься еще каким-то полезным делом в народном хозяйстве.

Почему же такой страх возбуждает слово «профессионал»?

Ведь ничего запретного, что необходимо было бы предать анафеме, оно не содержит. Разве актеров, сталеваров, механизаторов, поэтов, артистов цирка и балета, бухгалтеров мы не называем профессионалами? Разве труд их не оплачивается узаконенным образом в соответствии с продукцией, ими выданной?... Стоп! Может быть, в этом загвоздка – в оплате труда? Ведь в нынешней практике все игроки команды мастеров высшей лиги должны получать одну и ту же зарплату, независимо от уровня квалификации – и признанная звезда, и начинающий, только-только включенный в список кандидатов. Подобное положение весьма вольно трактуется на местах.

Можно привести множество примеров того, как футболисты из низших лиг, особенно в южных республиках, не хотят переходить в более сильные коллективы, хотя талантливы и способны в них играть – им это просто невыгодно. Или как неравноценно зарабатывают футболисты, играющие в одной и той же лиге, но в разных командах – не потому что находятся в лучшем турнирном положении или же играют лучше, нет, просто у тех предприятий или объединений, которым эти команды принадлежат, больше возможностей.

От чего, кстати, зависит оплата труда футболиста – как среднего, так и самого выдающегося? Если вы полагаете, что от его мастерства или же от посещаемости матчей его клуба, то глубоко ошибаетесь. Только от финансовых возможностей предприятия или организации, при которых команда состоит.

Так почему бы не создать, официально узаконив, профессиональные футбольные клубы со своими фондами, правами и обязанностями? Кстати, разве впервые только в 1986–1987 годах зашла речь о подобной реорганизации футбольного хозяйства, структура которого была создана еще в 1936 году?

Нет. «Еще в 60-х годах предпринимались попытки, – говорит выдающийся советский футболист и педагог, бессменный в последние годы начальник московского «Спартака» Николай Петрович Старостин, – юридически упорядочить нашу жизнь. Задумали ввести договоры между обществами и футболистами на три года. Но из этой затеи ничего не вышло, потому что обязательства сторон ничем фактически не подкреплялись. Потом возникла идея создания самостоятельных, чисто футбольных клубов. Идея эта обсуждалась в печати, собрала много сторонников. Я принял деятельное участие в ее конкретной разработке, потратив на это два года. Предложения были заслушаны на коллегии Спорткомитета, их не отвергли, но и не утвердили, и они повисли в воздухе».

Повисли в воздухе и некоторые другие предложения, исходившие от команд, в частности от нашей, которые мы разработали в 1974–1975 годах вместе с тогдашним начальником отдела футбола спорткомитета Украины Олегом Александровичем Ошенковым. Зато теоретические изыскания киевлян в этой области пригодились нашим болгарским друзьям, которых не смутил термин «профессионал» и которые в 1985 году пошли на коренные изменения в организации футбола и руководстве им.

Наверное, настало время предусмотреть специальное обеспечение членов команд в случае травм (сейчас футболист-«любитель» вышел вроде бы для собственного удовольствия на зеленую лужайку, вокруг которой расположились сто тысяч человек, поиграть в футбол, получил тяжелую травму и никто ее ему юридически не обязан компенсировать) и пенсионный фонд (артист цирка или балета, скажем, имеет право на пенсию, а почему футболист, за короткий срок (12–15 лет) отдавший много сил и здоровья спорту, – нет? Да, он должен потом, по окончании футбольной карьеры, работать, по футболу обязан гарантировать ему материальную поддержку в будущем, чтобы не приводило неопределенное, не закрепленное никакими правовыми документами положение к ломке человеческих судеб, к моральному опустошению молодых еще людей).

Тысячу раз прав заслуженный тренер СССР Нодар Ахалкаци, сказавший: «Мы ставим футболиста в ложное положение. Раз прав никаких (а какие у него права?), то и к обязанностям отношение прохладное. Футболист должен знать, что его труд принят обществом на законных основаниях, что футбол – профессия, пусть на время, но профессия. Надо обеспечить его в случае потери трудоспособности и дать возможность потом получить другую специальность, чтоб он для общества не был потерян.

Клуб должен иметь свой кодекс закона о труде. Футболист будет знать свои права и обязанности. Вот тогда требуй. Да и требовать не надо будет. Он сам себя проконтролирует... А то когда хорошо играем – молчим, когда плохо – так мы любители. Лазейка это. На съезде партии говорили – дайте предприятиям самостоятельность. И тогда спрашивайте с них. Футбольная команда – тоже предприятие. Подсчитайте экономический и моральный ущерб от плохой игры для десятков тысяч болельщиков...»

У меня, кстати, нет никаких сомнений в том, что одна из бед нашего футбола – неопределенное положение тренера. Тренер обязательно должен быть уверенным в том, что ему на определенное время дадут возможность реализовать свои профессиональные возможности. Одним тренерам удастся делать это быстрее, другим – медленнее.

Мне представляется, настала уже у нас пора использовать контракты в работе с тренерами. Заключается, скажем, с тренером контракт на два года, и он знает, что эти два года ему дано право спокойно работать, искать, воплощать свои идеи, свое направление. Контракт истек, и дальше уже дело руководителей (с учетом общественного мнения) – продлевать контракт или прекращать его. В этом случае невозможными станут такие нелепые ситуации, когда квалифицированному тренеру, которому не хватило времени, приходится уходить в середине сезона.

Мастер знает: внезапная травма – все, конец карьере! Знаю, сам пережил, как мучителен с годами вопрос: зачем эти колоссальные нагрузки, перелеты, разлуки? Неужели для того, чтобы в тридцать лет начать с нуля? Да, есть вузовский диплом, в нем записана профессия, но на что можно рассчитывать, если лучшие годы отданы другому делу? Снова идти в ученики?

Очень драматичная ситуация. Бывает, ломаются люди – примеров сколько угодно.

Век футболиста короток, а когда впереди никаких гарантий, то находятся люди, которые судорожно пытаются обеспечить себя на будущее любыми способами. Неопределенность порождает и такую проблему: лучшие мастера расстаются с футболом в самом расцвете сил – им кажется (и кажется справедливо), что в зените славы легче найти хорошую работу. Тридцатилетний игрок – довольно редкое явление для нашего футбола, а ведь именно с такими мудрыми бойцами, если они находятся в отменном физическом и, что не менее важно, психологическом состоянии, и выигрываются самые престижные турниры.

Мы в киевском «Динамо» весь 1987 год бились за создание клуба, как на баррикадах, находясь под постоянным обстрелом руководителей Госкомспорта и Центрального совета общества «Динамо». Наши предложения о переходе на хозрасчет были рассмотрены в таком компетентном планово-экономическом органе, как комиссия Госплана по совершенствованию управления, планирования и хозяйственного механизма. Комиссия разработала необходимые обоснования и представила свое решение, отвечающее экономической политике партии и требованиям полного хозрасчета. Комиссия позаботилась о том, чтобы в научном плане эксперимент был, как говорится, чистым – мы даже отказались от коллективных членских взносов и не требовали дотаций ни в каком скрытом виде. Задача формулировалась просто: самим содержать себя и приносить доходы государству.

Но дело тогда застопорилось. Центральный совет «Динамо» не поверил в наши возможности хозяйствовать самостоятельно и выдвинул условия, позволившие бы вышестоящей организации регламентировать хозяйственную деятельность клуба в мельчайших деталях. Нам, к примеру, намерены были планировать даже выручку от проведения матчей, устанавливать численность штатов, размеры окладов и премий. Это выхолащивало саму идею хозрасчета. Вполне естественно, мы не согласились на создание

такого клуба, хотели стать полноправными участниками перестройки, а не жертвами старых ошибок. Попросту же стремление ЦС «Динамо» противоборствовать созданию у нас клуба было вызвано желанием по-прежнему иметь от футболистов киевского «Динамо» весьма ощутимый доход и содержать за счет этого не только другие виды спорта, но и довольно внушительный административный аппарат.

«Зачем им нужен какой-то хозрасчет, клуб? – восклицал на встрече Федерации спортивной прессы в конце 1987 года в Таллине один из заместителей председателя Госкомспорта. – Они и так в месяц почти по полторы тысячи зарабатывают, а еще хотят и погоны офицеров оставить и валюту получать. Да если в руки наших тренеров будет попадать валюта, мы очень скоро многих наставников недосчитаемся».

Мало того, что высказаны абсолютно лишённые достоверности «сведения», еще и заочное обвинение в возможной нечистоплотности тренерам предъявлено.

Вы никогда не задавались вопросом, куда идут деньги, вырученные от продажи билетов на стадионе, который заполнили сто тысяч зрителей, заплативших по рубль двадцать или же рубль пятьдесят за билет? Уверю вас, что команде (вернее, даже не ей, а обществу, которому она принадлежит) отчисляется не самая большая часть дохода. А общество это – «Спартак», «Динамо» или «Локомотив», например, – культивирует еще десятка три видов спорта. Наверное, могли бы окупать себя команды, если бы часть дохода от продажи билетов поступала непосредственно в футбольный клуб, если бы телевидение отчисляло клубам деньги за право прямого показа матчей (ведь телевидение отнимает у стадионов часть зрителей), если бы поступали средства от отечественных и зарубежных предприятий-спонсоров, продукцию которых рекламировали бы команды, если бы клуб сосредоточил в своих руках выпуск и продажу рекламных сувениров, занялся бы проведением досуга болельщиков в специальных клубных помещениях с показом, скажем, видеозаписей наиболее интересных матчей команды. Более того, у клуба оставались бы средства на создание надлежащих условий для тренировок своих детских и юношеских команд, до организации которых на должном уровне сейчас ни у кого руки не доходят.

Между прочим, материально-техническая база нашего футбола – на нижайшем уровне. Нам длительное время рассказывали, что в стране 5 500 000 футболистов. Выяснилось, что цифра эта липовая, на самом же деле – на 2 миллиона меньше, а регулярно занимающихся – тех, кто тренируется не меньше 6 часов в неделю, – 1 200 000 человек. Катастрофически не хватает полей – их всего 86 500, причем 64 000 из них находятся в сельской местности.

Конечно же, клубы будут заботиться о материально-технической стороне дела.

Утверждение, что «пока наши клубы себя не окупают», некорректно по сути своей, ибо, во-первых, никаких клубов у нас еще нет, а есть команды, выступающие в чемпионате страны, а во-вторых, деятельность этих команд регламентирована такой тонной годами создававшихся инструкций, указаний, постановлений, ведомственных распоряжений, иногда взаимоисключающих друг друга, что для блуждания по их лабиринтам потребуется несколько лет.

Футбол приносит государству немалые доходы, в том числе и валютные. Достаточно, например, сказать (ссылаюсь на цифры, приведенные генеральным секретарем Международной федерации футбола – ФИФА – Й. Блаттером в «Правде»), что за каждый матч чемпионата мира в Мексике на долю команды пришлось по 300 тысяч долларов. Сборная СССР провела в Мексике, как известно, четыре матча.

Киевские динамовцы, добившиеся в августе 1986 года двух престижных побед в очень сильных турнирах в Амстердаме и Мадриде, заработали в общей сложности 110 тысяч долларов. Но...

Поразительные происходят события. Поехали мы на престижный и весьма представительный турнир в Мадрид. Он вызвал огромный интерес у публики: как-никак одновременно можно увидеть всех трех победителей европейских Кубков 1986 года: «Стяуа» (Кубок чемпионов), «Динамо» Киев (Кубок кубков), «Реал» (Кубок УЕФА). Да и «Андерлехт» не из последних в Европе.

Мы выиграли финал у «Реала» – 3:2, проигрывая по ходу встречи 0:2. Вручили нам красивый приз. Огромный и тяжелый – едва донесли. К нему прилагается весьма приличное денежное вознаграждение – в валюте, разумеется. Кубок мы оставляем у себя, валюту сдаем в Госкомспорт.

Но вот какая незадача. Гостеприимные хозяева снимают всем участникам турнира за свой счет номера в гостинице: день до турнира, два дня соревнований и день после турнира. Все у них рассчитано. Но у нас рассчитано по-своему. Ближайший рейс Аэрофлота, которым мы могли бы улететь домой – только через день после турнира (из Лиссабона). В смете расходы на гостиницу, как говорят финансисты, «заложены». Но сумма, которой мы можем распорядиться, проведя еще одну ночь в испанской столице, довольно заметно отличается от той, какую тратит на нас «Реал» в отнюдь не шикарной, но удобной гостинице. Предстоит, значит, не совсем приятная процедура переезда на сутки из более удобного в менее удобный, но зато более дешевый отель на глазах у представителей «Реала», которые к этому мероприятию могут отнестись двояко: либо посчитают демаршем – русские недовольны условиями, которые были созданы им на турнире, либо сочтут скупердьями, готовыми жить в самой дешевой и неудобной гостинице города, в которой один туалет и одна душевая кабина на два этажа. Не будем же мы им объяснять, что у нас есть смета и в ней заложено...

Зафиксировано в этом любопытном документе, который составляют люди, не знающие или же не желающие знать реальных условий, и то, что в «объятия Аэрофлота» в Лиссабон мы должны попасть, добираясь из Мадрида «наземным транспортом второго класса». Эта привычная для спортсменов и тренеров формулировка заставила нас однажды с Ошемковым ехать через ФРГ в Гамбург всю ночь в тамбуре на откидном стульчике, соседствуя с баулами и кофрами бургеров, заранее занявших нумерованные места в вагоне второго класса.

В данном же случае неудобство нашего положения усугублялось тем, что поезда из Мадрида в Лиссабон не ходят. Можно добраться только автобусом. Согласитесь, непросто объяснить хозяевам, почему чемпионы СССР и обладатели Кубка кубков избрали столь странный и долгий маршрут, в то время как из Мадрида регулярно вылетают в разные концы земного шара самолеты, в том числе и в Лиссабон, куда мы спешим на встречу с Аэрофлотом.

Обе проблемы были решены. Первая – просто. Стоило только заикнуться, что мы хотели бы провести в Мадриде еще один день, потренироваться, как хозяева турнира все уладили: оставили нас в том же отеле и создали все условия для работы. Вторая – сложнее. Потребовалось время, чтобы доказать начальству целесообразность траты мизерной части валютных средств из тех, что честно нами заработаны, для покрытия разницы между стоимостью автобусных и авиабилетов.

Необходима не только эволюция футбола (ее подтвердил мексиканский чемпионат), но и эволюция управления футболом, как, впрочем, и любым другим процессом. Парадокс. Процесс – футбол – развивается, а управление им стоит на месте.

Играя с профессионалами, имея дело с серьезной конкуренцией профессиональных клубов и профессиональных федераций, мы сами в плане управления футболом находимся на чисто любительском уровне.

В странах высокоразвитого футбола проведение внутренних соревнований регламентируют футбольные союзы или федерации. Они же заняты международными связями. В упоминавшейся уже Болгарии, например, все эти функции осуществляет Болгарский футбольный союз. Как и бывшая федерация, вместо которой он создан, этот союз остается составной частью Болгарского союза физкультуры и спорта. Принципиальное же отличие от прежней федерации состоит в том, что это самостоятельная спортивная организация с большими правами и возможностями, с собственной организационной структурой. Организация общественная. В центральный ее совет, в советы в округах, при клубах избрано около 60 тысяч человек, но лишь 2,5 процента из них – штатные сотрудники: организаторы, тренеры, методисты, бухгалтеры. На всех уровнях руководство выборное.

У нас, как известно, существует Управление футбола Госкомспорта СССР и Федерация

футбола СССР. Двоевластие? Дублирование?

Почему бы не продумать, скажем, параллельно с полной реализацией идеи создания футбольных клубов вопрос об образовании футбольного союза, который бы (и только он!) занимался проблемами самой популярной в народе игры. В контакте с Госкомспортом, если это необходимо, но именно в контакте, а не под руководством. Наверное, в состоянии будет этот футбольный союз и календарь наконец-то с помощью математиков приемлемый составить, и вопросы судейства упорядочить, и с тренерами сборной контракты заключать на необходимый срок (и расторгать, если нужно будет), и права тренеров и футболистов защищать (с помощью образованных отдельных профсоюзов тренеров и футболистов), и соревнования проводить, и международные связи поддерживать. Все – в условиях гласности, чтобы не было никаких недомолвок. Работу в этом союзе могли бы вести и профессионально подкованные в футболе функционеры (чтобы не приходила на ум фраза из басни о сапожнике, который печет пироги, и пирожнике, выделявшем сапоги), и выбранные в советы тренеры и футболисты.

Наш футбол на достаточно хорошем счету в Европе и в мире, надо дорожить этим. Необходимо вырваться из состояния оцепенения и закоренелости в том, что относится к организации этого вида спорта. Свежий ветер перемен должен в полной мере коснуться футбола – время и так упущено.

Глава 6. Интервью, которого не было, или записи из деловой тетради

Как-то один журналист передал мне кипу вопросов, составленных и систематизированных им по темам (вопросов было, если верно помню, больше сотни), и попросил на них ответить. Со временем всегда ясно только одно: его никогда не хватает. Недоставало его и тогда. Отвечать я не стал, листочки же сохранил, выбросив только те из них, которые не имеют отношения к делу, – где меня спрашивали о «любимом цвете», «запахе», «блюде» и прочее.

Работая над этой книгой, я старался ответить на самые существенные из них. А в этой главе попробую в сжатой форме использовать для ответов записи из своих деловых тетрадей. Это записи отнюдь не дневникового характера – в них зафиксированы мои попытки осмыслить конкретные ситуации, связанные с футболом. Кое-что из них попало в интервью последних лет.

Апрель 1978 года. Мы готовились по программе, резко отличающейся от программ прошлых лет. Тогда нам надо было вывести команду на определенный уровень к первым числам марта. Но самые серьезные и ответственные игры ожидали нас осенью – на старте Кубка чемпионов. Учитывая длительность и сложность сезона, мы рассчитали программу так, чтобы футболисты приобретали форму постепенно, ибо очень важно распределить силы на всю длинную дистанцию. К сожалению, даже эту постепенную, не форсированную программу многим игрокам выполнить полностью не удалось.

В нашем клубе 15 кандидатов в различные сборные, и все они в подготовительном периоде (с 10 февраля по 12 марта) выступали в различных всесоюзных и международных турнирах, в товарищеских матчах сборных.

Впрочем, все эти доводы только объясняют, но никоим образом не оправдывают плохие результаты, показанные нашей командой на старте чемпионата во встречах с равно подготовленными соперниками. Я бы даже сказал – с соперниками, приблизительно равными по классу, поскольку процесс омоложения, который мы сейчас переживаем, ставит киевское «Динамо» на одну доску с другими...

В понимании тренеров и футболистов киевского «Динамо» то, что некоторые журналисты называют «выездной моделью», является всего лишь одним из многих способов ведения игры. Причем мы используем его не все полтора часа матча, а на отдельных временных отрезках. В зависимости от различных обстоятельств команда либо борется за

пространство, перенося активные действия на половину поля соперника, либо отдает пространство сопернику, желая получить оперативный простор для скоростных атак, либо применяет попеременно оба варианта игры.

Во всех случаях преследуется одна цель – победить. Иначе ведь невозможно выиграть турнир.

Когда мы считаем, что успех в игре с конкретным соперником может быть обеспечен искусственным – нами предложенным! – созданием оперативного пространства для наших скоростников и избираем соответствующий стратегический план на матч, нас называют рационалистами. Когда же киевское «Динамо», играя подобным образом, добивается победы (как, например, в матче с венским «Рапидом» в четвертьфинале Кубка кубков весной 1986 года, окончившемся со счетом 4:1 на поле соперника), о «выездной модели» никто и не вспоминает.

Перед важным отборочным матчем чемпионата Европы с ирландцами в 1974 году на совещании в Федерации футбола раздавались голоса о необходимости атаковать в Дублине, делать ставку только на победу. При этом, видимо, не учитывалось, что ирландцы – опытные игроки из английских профессиональных клубов, их никакой соперник не смутит, тем более на собственном поле. Не считаться с этим – значит не понимать реальную обстановку. А она требовала исключить случайности...

Сейчас в футболе «шапками не закидаешь» никого. Какова цель матча – такова и модель игры.

Если нам не удастся добиться успеха (а кому гарантирован в футболе успех в каждом матче?), по мнению иных обозревателей, во всем виновата эта самая пресловутая модель.

Должен заметить, что тактико-стратегические средства игры вовсе не имеют такого самостоятельного значения в достижении успеха, какое иногда им приписывают любители фетишизировать отдельные элементы футбола. Все решает оптимальное соотношение всех компонентов игры. Благоприятного же соотношения можно добиться только путем целенаправленной подготовки футболистов.

Сдается иногда, что споры вокруг терминов затевают люди, которым очень хочется поучаствовать в диспутах на модную футбольную тему. Это – способ привлечь к себе внимание.

Одна из упорно насаждаемых в футболе легенд – о магическом числе так называемых чистых форвардов. Говорят: их должно быть три, четыре, пять! Но никак не один, не два... Когда слышу подобные рассуждения, обвиняю себя в том, что не занимаюсь постоянно популярными разъяснениями тенденций развития современного футбола (времени действительно на это не хватает). Мне думается, люди, всерьез спорящие о числе нападающих и ратующие за его увеличение, либо не понимают того, что происходит в футболе, либо умышленно ставят все с ног на голову.

В современном футболе успех обеспечивает не какое-то магическое число форвардов, а только эффективные коллективные действия. Это предсказывали опережавшие свое время тренеры Борис Андреевич Аркадьев, Олег Александрович Ошенков, на практике доказывал Виктор Александрович Маслов. Еще в 1966–1968 годах киевское «Динамо» (одна из самых великолепных, на мой взгляд, клубных команд нашего футбола; именно с нее по праву должен был начаться отсчет побед советских клубов в европейских турнирах, но не повезло ей не по ее вине – уж слишком поздно мы стали участниками этих соревнований и международного опыта недоставало той команде), имея в передних рядах двух, а то и одного игрока, убедительно выигрывало у команд, выставивших по четыре форварда. Уже тогда Виктор Александрович прививал своим подопечным вкус к универсальному мастерству. Разве Сабо, Биба, Мунтян, оказавшись в штрафной площадке соперника или на подступах к ней, терялись в выборе приемов атаки? Они умели действовать как заправские форварды, а команда продуманными коллективными маневрами обеспечивала неожиданность их появления на ударных позициях. Чем больше в команде универсалов, тем свободнее они пользуются всем разнообразием тактических приемов.

За успех атаки и обороны в равной мере отвечают все полевые игроки. Кто скорее создаст такую команду, тот раньше заглянет в будущее и пожнет плоды этого опережения. Старые представления пора списывать в архив. Они вводят в заблуждение публику.

Какими бы великолепными специфическими данными ни был одарен футболист, он не должен, не имеет права строить игру только на использовании своих выигрышных качеств. Между прочим, это прекрасно понимал Маслов, который отчислил из команды индивидуалиста Лобановского, самостоятельные действия и трюки которого нравились публике, но шли вразрез с той командной игрой, которую мыслил этот выдающийся тренер. Справедливость масловского решения я понял, естественно, не сразу, но когда понял, обрадовался, потому что это дало мне хороший толчок для последующей работы. Это было поразительно сложно сделать (но в высшей степени необходимо) – забыть напрочь, как ты сам играл в эту игру, не вспоминать о своем футбольном прошлом и ни в коем случае не навязывать футболистам своих представлений игрока.

Суть современного футбола – в создании численного превосходства на различных участках поля. И первейшее требование к игроку – как можно быстрее переходить от обороны к атаке, и наоборот.

Оборонительную направленность футбола, которую якобы показывает киевское «Динамо», пытаются подтвердить словом «назад», используемым мной, когда я сижу на скамейке. При этом не берут во внимание, что, когда это нужно, я кричу и «вперед». Но вперед футболисты идут охотнее, подстегивать не надо. Переход от атаки к обороне дается им сложнее, бывает, расстроившись из-за сорванного маневра, они останавливаются – вот и приходится взывать к ним, хотя в шуме стадиона голос не всегда и слышен.

В своем стремлении во что бы то ни стало выиграть все юношеские соревнования мы всего-навсего тренируем зарубежных соперников, перед которыми в юном возрасте стоит одна задача: набраться опыта. Их талант расцветает потом, с приходом физической зрелости. А у наших одаренных футболистов эта зрелость (в спортивном смысле) так и не наступает порой из-за преждевременной растраты физических и нервных сил.

В 1977 году игравший у нас в резерве несомненно одаренный Олег Таран провел в общей сложности за все команды, куда его вызывали (включая дубль киевского «Динамо», разумеется), свыше ста матчей. У меня нет сомнений, что прежде всего по этой причине он не стал выдающимся игроком.

Большой вопрос, но, вероятно, одаренных молодых футболистов, уже готовых выступать в основном составе команды высшей лиги, нет смысла приглашать в юношеские и молодежные сборные. Там должны играть те, кто еще не созрел для выступлений на высшем уровне, кого нужно бережно подвести к этому через юниорские соревнования. На юношеском и молодежном уровне наши футболисты часто обыгрывают в официальных турнирах сверстников из зарубежных команд, которые впоследствии, став взрослыми, завоевывают награды на чемпионатах мира и Европы. Наши же победители не всегда даже появляются в высшей лиге.

Спорт высших достижений точно так же не может обходиться без науки, как и любая другая сфера деятельности. Другой вопрос, где искать в футболе точки приложения научных знаний и методов. Не в диссертациях же, «научно» объясняющих эффект удара по мячу прямым подъемом ноги – право, мне приходилось видеть подобные.

Целенаправленная подготовка футболистов, позволяющая находить новые резервы организма, – вот, пожалуй, главная точка приложения науки в нашем деле. Процесс это самый сложный, наряду с физиологическими аспектами существует и техническая сторона дела, связанная с поведением игроков на поле, решением тактико-стратегических задач на основе коллективных действий и т. д. Но заниматься этим необходимо, что мы в киевском «Динамо» давно уже и делаем. С недавнего времени в помощь нашему научному обеспечению, которое возглавляет Анатолий Михайлович Зеленцов, ищущий и пытливым ученый, неутомимый спорщик, придан компьютер.

Анахронизм анахронизмов – существующее до сих пор убеждение, будто оборона не

более как ответная реакция на атакующие действия соперника. Сегодня оборона в исполнении лучших команд мира – нечто совершенно иное: создание благоприятных условий для перехвата мяча и немедленной атаки. Оборона – начало своей атаки. Есть одно целое: атака-оборона.

В перерыве одного из совещаний в январе 1979 года, на котором с трибуны провозглашались бурные призывы играть только в атакующий футбол, Борис Андреевич Аркадьев проговорил: «Я весьма огорчен. Я был уверен, что время повлияет на проблему «атаковать или обороняться».

Это сказал человек, который еще в конце 40-х годов был убежден в необходимости гармонии футбола, а ему не верили.

Успех – категория весьма непостоянная. Срывы и недоработки занимают значительное место в тренерской судьбе. Жизнь тренера такова, что он постоянно должен быть готов к худшему. Нет, наверное, более бесправной профессии. Если бы мне как тренеру довелось разочароваться в своей работе, я бы, конечно, оставил это занятие.

Если человек откровенно и прямо говорит с людьми и люди знают, что он правдив, это главное. Невыносимо слышать утверждение, что со временем следует менять принципы. Но ведь отступление от принципов – беспринципность. По Далю, принцип – правило, основа, от которой не отступают. В футболе немало людей, которым не надо отстаивать свои принципы по той простой причине, что их нет.

Чтобы осуществить желанный образ игры, требуются такие футболисты, которые могли бы емко воспринимать специальную информацию и обладали бы способностью, переработав ее, не только репродуцировать образ игры, предлагаемый тренером, но и через свое видение фокусировать ее элементы до степени, недоступной другим.

Как и какими способами, средствами «вложить» образ игры в совершенно различных людей?

У нас никогда не было фундаментально составленного международного календаря игр на длительный период, а это, в свою очередь, лихорадило календарь внутренний, мешало работать тренерам с перспективой. Основательный международный календарь, хотя бы на четырехлетний цикл, крайне необходим. Без него как без рук. Он позволит сделать оптимальным и национальный календарь – основу нашей работы, позволит планировать ее на несколько лет вперед.

Порой необходимость выполнить за матч заданный в зависимости от избранной структуры игры объем тактико-технических действий путают с запрограммированностью игры. Все дело в том, как воспринимать эту необходимость и как вообще обращаться с тем бесспорным фактом, что игра лучших клубных и сборных команд мира состоит из комбинаций заранее отработанных решений, набора повторяющихся тактических ситуаций.

Можно провести такую параллель. Если полностью довериться программирующему электронно-вычислительному устройству в выборе решения, машина может подсказать такой идеальный вариант поступка, как женитьба на Елене Прекрасной, или, например, отказ от годовой премии. А если думать вместе с машиной, можно прийти к гениальному открытию или, на худой конец, получить мудрый совет захватить с собой поутру зонтик.

Чем большее число решений типичных тактико-стратегических ситуаций «запрограммировано» путем направленной тренировочной работы в коллективной памяти команды, тем свободнее футболисты в выборе нестандартных ходов. Они не тратят время и энергию на изобретение велосипеда. Их творческая импровизация на несколько порядков выше, нежели у тех, кто играет только по наитию.

Футбол – игра. Направления, по которым он прогрессирует, известны. Это прежде всего расширение зон действий всех полевых игроков, повышение коллективной скорости передвижения и мышления, увеличение вариативности тактики и стратегии на базе универсального мастерства футболистов. Все это диктует принципы подготовки и отбора игроков. Сердцевина, суть этих принципов – удовлетворение требования о надежности как гарантии того, что уровень тактико-технических действий команды не опустится ниже

отметки, за которой начинается провал.

Оценка классности, полезности игрока путем визуальных наблюдений давным-давно не применяется в спортивных играх. Современный тренер просто не может пойти по такому пути. Есть немало футболистов, отлично умеющих делать что-нибудь одно: водить мяч, бить головой, «открываться» в штрафной площадке соперников, мгновенно стартовать. Но если они не в состоянии выполнить элементарные действия для команды: скажем, проделать за матч два километра скоростной работы, совершить до двадцати рывков в зону защиты соперников с обязательным возвращением на исходную позицию, 10–15 раз участвовать в перехвате, 10–20 раз в отборе..., то такие игроки становятся обузой для партнеров и резко снижают возможности всего коллектива, хотя и продолжают срывать аплодисменты своими «коронными номерами».

Футбол – игра исключительно популярная. Игроки всегда на виду, болельщики боготворят их. Не мудрено, что некоторые начинают забывать, что игра эта – прежде всего коллективная, обижаются, словно кисейные барышни, если что-то вдруг не по ним.

«Олег, как ты себя чувствуешь?» – спросил я сидящего на скамейке запасных в середине второго тайма Блохина, надеясь выпустить его на замену. Вопрос не случайный, ибо до матча и в перерыве он жаловался на неважное самочувствие, почему и оказался на скамейке запасных.

«А вы как себя чувствуете?» – спросил он в ответ.

«Все понятно. Посиди тогда», – мне было не до смеха, хотя, согласитесь, ситуация забавная, ни разу до того (это произошло в середине 1987 года) в моей практике такого не случилось. Пришлось искать замену замене.

...Заменили Беланова, уже владевшего «Золотым мячом». Обиделся настолько, что уехал на несколько дней в Одессу.

Непрофессиональное отношение к делу, бывает, заражает даже таких выдающихся футболистов, как Блохин и Беланов.

В основу модельных характеристик игрока я в первую очередь заложил бы высокие морально-волевые качества, склонность футболиста к универсальности действий и потенциальные функциональные возможности. Далее все зависит от тренера...

Даже отдельные «взлеты» в ответственных матчах одного игрока невозможны без соучастия в них его высококвалифицированных партнеров. Я бы сказал, чтобы стать Круиффом, надо было играть в сборной Голландии тех времен или, как минимум, в «Аяксе».

«Франс футбол» (заметки о чемпионате мира в Аргентине в 1978 году): «На улицах Росарио перед матчем Аргентина – Польша видели одинокого, механически шагающего Валерия Лобановского, невеселого тренера киевского «Динамо», которого еще называют украинским Бестером Китонем».

Сравнение с выдающимся комиком мирового кино приятно, но надуманно.

Оказавшись в Росарио в качестве наблюдателя, я получил прекрасную, редкую возможность побыть одному.

Эрнст Хаппель, тогдашний тренер голландской сборной, там же, в Аргентине, высказал в беседе мнение, что Коутиньо напрасно пытается играть в Бразилии в тотальный футбол. Хаппель считал, что тотальный футбол не подходит игрокам из жарких стран, поскольку необходимо много бегать и расходовать много энергии.

Спустя восемь лет Карлос Билардо, тренер новых чемпионов мира, опроверг Хаппеля и доказал, что тотальный футбол – знамение времени, не зависящее от погодных условий.

В конце каждого сезона болельщику представляется возможность ознакомиться со списком дебютантов, с которыми связывают определенные надежды клубы и сборная. Перелистывая старые записи, наткнулся на подобный список, датированный декабрем 1976 года: Копалейшвили, Малько, Василевский, Парсаданян, Бондарев, Тарханов, Паров, Крамаренко, Колповский, Бережной, Шавейко, Челебадзе, Пригода, Дараселия, Чивадзе. Лишь четверо последних выросли до уровня национальной сборной, а постоянное место в ней получили Чивадзе и безвременно ушедший из жизни Дараселия.

А где же остальные? Ведь в 1976 году, вспоминаю, все они действительно оставили хорошее впечатление и, казалось, лидерам первой команды страны растет хорошая смена.

Не знаю, как другие. Могу сказать лишь о Бережном. Этот высокоодаренный, прекрасного физического сложения футболист загубил себя сам. Сколько же мы с ним возились, наказывая его за прегрешения, прощая затем, веря данному им слову, снова наказывая...

Перед одним из важных матчей чемпионата он отпросился со сбора, сославшись на несчастье, случившееся с отцом в Ворошиловграде. Всегда ужасно, когда дома беда. Но по прошествии времени выяснилось, что Бережной придумал беду.

Наверное, я не прав был в своем сверхтерпении к проделкам Бережного, замечал, что на меня дулась команда, по уж очень хотелось, чтобы парень выправился. В конце концов и мое терпение лопнуло: случай оказался безнадежным.

Волевая дисциплинарная акция такого рода – это признание бессилия. И не такие меры создают в команде нужный микроклимат. Формальные плановые мероприятия по воспитательной работе далеко не исчерпывают сути дела. Каждый жест тренера, слово, взгляд – это тоже воспитательная работа. Манера одеваться, причесываться, тон разговора – также относятся к категории воспитательных средств...

Трудно было удержаться от улыбки, когда после победы над «Зенитом» в 1974 году со счетом 5:0 мы слышали такие высказывания: вот, мол, увидели киевляне на чемпионате мира в ФРГ образцы тотального футбола, стали копировать, и результат не замедлил сказаться.

Это далеко не так. Современный футбол приобрел свой нынешний вид не сразу, не по чьей-то воле (и не по нашей, конечно же). Вспоминаю, как мы играли в 1961 году, когда впервые стали чемпионами страны. Тогда в процессе матча усилия неравномерно распределялись между атакующими и обороняющимися игроками. Дома основная тяжесть ложилась на плечи нападающих. На выезде основные нагрузки принимали на себя игроки обороны. Но в 1966 году чемпионы мира, англичане, внесли принципиальные поправки в распределение усилий – они стали выравниваться. У нас этим вплотную занимался Виктор Александрович Маслов, и, надо сказать, еще до чемпионата мира.

Еще дальше в этом направлении продвинулись футболисты ФРГ и Голландии. Чемпионат мира, а также три победы подряд в Кубке чемпионов амстердамского «Аякса» (1971–1973) наглядно показали, куда движется футбол, продемонстрировали наиболее зрелые образцы игры. Для нас же в киевском «Динамо» эти события стали подтверждением правильности выбранного нами пути.

Дарование футболиста полнее раскрывается именно в командной игре, о чем свидетельствует опыт Пеле, Круиффа, Блохина, Мюллера, Неескенса, Платини, Марадоны, Росси, Футре. Вряд ли стоит игнорировать этот очевидный факт.

В тактике не может быть никаких догм. Я не понимаю, как можно любить какую-то одну тактику и отмахиваться от другой. Каждая тактика хороша, если она приводит к желанной цели. А цель всегда одна – победа!

Должен ли я был копировать тактику игравшего с двумя форвардами киевского «Динамо», когда работал в «Днепре»? Нет. Мне по душе был организованный ералаш, без четкого деления игроков на амплуа. В данный момент тебе удобно атаковать ворота – действуй!

Я не признаю моды. Признаю только то, что рационально. В частности, для нашей команды. Сегодня мы сыграем вот так, а завтра – иначе. Мы обязательно учтем особенность противника и подготовим что-нибудь новенькое. Только так, без догм!

На футбольном небе команды разбросаны, как звезды. Есть яркие, есть средние, есть мелкие, которые не разглядишь... Их можно заметить только тогда, когда их много, и они образуют туманность. А есть и суперзвезды, среди которых многие уже давно сгорели, а свет от них доходит до нас и по сей день.

Да, мы провалились в первой половине сезона 1976 года, да, взяли лишь бронзу на

Олимпиаде в Монреале, да, понаделали ошибок, из-за которых до сих пор переживаем не меньше, чем другие. Но нельзя же ставить под сомнение выбранное нами направление в тренировочной работе и организации игры. Даже 1975 год был назван случайным, поскольку «для всех тех побед хватало хорошей функциональной подготовки, волевого настроя, высокого индивидуального мастерства. Превосходства же в тактике, в идее, положенной в основу организации игры, не было». Странно, что сказано это было лишь после «монреальского пожара», а не тогда, положим, когда сборная «спасла» отборочный турнир чемпионата Европы, а киевское «Динамо» выиграло полуфинал и финал Кубка кубков соответственно у «Эйндховена» и «Ференцвароша».

Я – сторонник сдержанных оценок, будь то победы или неудачи («...но поражение от победы ты сам не должен отличать»). Хотелось бы привести высказывание тренера «Эйндховена» Риверса после киевского матча «Динамо» (Киев) – «Эйндховен». «Вся игра проходила по плану и в темпе, навязанном киевской командой. В матче с таким клубом, как «Динамо», все одиннадцать должны быть в постоянном движении. Хозяева действовали в тонком, свежем и современном стиле в течение девяноста минут. Показанный советскими игроками тотальный футбол, которым славится голландская сборная, вырос в их исполнении до уровня, который очень редко можно увидеть даже на Западе».

Играли осенью 1977 года в Брауншвейге (ФРГ) ответный матч Кубка УЕФА с «Эйнтрахтом» (1:1 в Киеве, 0:0 в ФРГ – Мы выбыли, поскольку немцам удалось забить гол в гостях). Руководители «Эйнтрахта» (оговорюсь: это не попытка оправдаться) вовремя не позаботились о размещении нашей команды в своем городе, и нам пришлось проводить подготовку к игре не так, как хотелось бы, ибо отель, в котором мы жили, находился в 75(?) километрах от города Брауншвейга. Наша команда более трех часов тратила на поездки в автобусе на тренировки и на игру.

Каково же было мое изумление, когда, вернувшись домой, прочитал в одной из газет, что «разместили динамовцев гостеприимные хозяева в горном отеле «Маритим», что «когда утром команда вышла на зарядку, все застыли в изумлении – красота неопишная!...»

Мелочи, мелочи...

Кстати, две ничьи с одной из лучших команд ФРГ на тот период были названы «ударом по престижу» советского футбола. Ну и ну!

Торпедовцы Москвы параллельно с нами дважды сыграли вничью (оба раза 0:0) с лиссабонской «Бенфикой» и уступили в пенальти – футбольной лотерее. И по ним бабахнули – «потеря престижа»!

«Моя игра основана на простом принципе – всячески избегать ошибок и повышать надежность действий», – говорил швед Бьерн Борг, будучи лидером мирового тенниса.

Простота, стабильность, четкость – основные принципы одной из лучших команд континента конца 70-х – начала 80-х годов английского «Ливерпуля». С ними не все могут согласиться. По различным причинам. Но и отвергать их тоже, видимо, нельзя, поскольку они необходимы для достижения результата в сегодняшнем футболе, современном спорте.

Нам нужно много футбольных стилей, как говорится, хороших и разных. Но в одном мы, тренеры, должны быть едины – в доверительном, дружелюбном отношении друг к другу, в уважении к нашему общему нелегкому делу, которое находится под неослабным вниманием миллионов поклонников футбола.

Я не могу представить ситуации, при которой главный режиссер ленинградского БДТ Г. Товстоногов публично, на страницах печати, объясняет своему коллеге из московского театра имени Маяковского А. Гончарову, что тот неверно поставил тот или иной спектакль и «задействовал» к тому же не тех исполнителей. Понятно, что как бы ни относился Г. Товстоногов к творчеству А. Гончарова, подобный выпад (пример, разумеется, я привожу условный) вряд ли возможен Неэтично.

Разве получили бы мы такое удовлетворение от игры динамовцев Тбилиси, если бы не был достигнут результат в Кубке обладателей кубков в 1981 году, а были продемонстрированы только отдельные качества: высокий уровень атлетизма, хорошая

организация игры. Нет, лишь синтез в реализации современных требований позволил тбилисцам не только добиться результата, но и получить высочайшее признание на международной арене, как команде, так и отдельным игрокам – Чивадзе, Кипиаии, Гуцаеву, Шенгелии, Дараселии...

Поражением тренера я считаю только неспособность тренировать. Хочет человек, старается – не может. Это поражение. А проигрыш на футбольном поле – совсем другое дело. Проиграл – думай, докапывайся до причин. Излишняя чувствительность вредит, а потому с годами я научился воспринимать проигрыш умом. С эмоциями каждый борется по-своему. Но внутренне я очень холоден и расчетлив.

Я не уступал и не уступлю в спорах, связанных с «бескрылым практицизмом», «выездными моделями», прочими приписываемыми мне терминами – не слишком ли много появилось толкователей моих взглядов на футбол?

Компромиссами дела не спасти: нужно пойти на риск сегодня, ибо завтра, может случиться, рисковать уже будет нечем.

Может ли доставить удовольствие красивая игра с бесконечными проигрышами? Для меня результат – не только победы в престижных турнирах. Когда после проигрышей получаешь письма от болельщиков такого содержания: не переживайте, дескать, все идет как надо, – это тоже результат. Значит, кто-то нас уже понимает. Футбол так же многообразен, как и любое искусство. Чехова играют и во МХАТе и в БДТ – везде играют по-разному, и у каждого театра свой зритель. То же можно сказать о «Спартаке» или «Зените». Так что тренер, заботясь о результате, должен заставить думать не только игроков, но и зрителей.

Я не знаю, что это такое – талант. Иногда ведь достаточно счастливого стечения обстоятельств, чтобы пришел успех – вот вам и «талант». Но искать, благодаря каким личным качествам, благодаря каким методам большой тренер систематически добивался успехов, – полезно. Скажем, были тренеры первопроходцы вроде бразильца Висенте Феолы, который открыл футболному миру глаза на возможности тактики. Были непревзойденные интерпретаторы общеизвестных идей – таков румын Стефан Ковач. А выдающегося советского тренера Виктора Маслова вела к открытиям непостижимая интуиция.

Сегодня крик «Дайте нам красивую игру!» заглушает все остальные требования, без которых современный футбол прогрессировать не может. Внедряется мысль, что «красивая игра» все оправдает, все спишет. Это заблуждение! Что толку в нашей красивой игре в Мексике, если результатом она сопровождалась только в предварительной группе, если мы не попали даже в восьмерку сильнейших? Кто, скажите на милость, будет помнить, как играла наша сборная в 1966 году в Англии и как она играла двадцать лет спустя в Мексике? Все будут знать – из справочников хотя бы, – что в Англии советская команда была четвертой, а в Мексике – неизвестно даже какой.

Принцип «главное не побеждать, а участвовать» был хорош на заре футбола. Сейчас футболом правит результат.

В конце 1982 года бакинский «Нефтчи» играл свой последний матч, который ничего в судьбе команды уже не решал, играл на своем поле, а потому, по идее, можно было ждать игры красивой, раскрепощенной, себе в удовольствие. Не тут-то было: пришли на стадион всего 500 зрителей, футболисты «доигрывали» матч с первых минут.

Нет интриги – нет настоящего футбола.

Кто рискнет сказать, что главное – участвовать в чемпионате мира? Нет, это не всемирное шоу, а жестокая борьба за результат, за победу. По игре на испанском чемпионате 1982 года, например, сборная Бразилии – команда номер один. Но блистательные бразильские футболисты плакали, а итальянцы ликовали.

Между прочим, бразильцам в игре с Италией достаточно было ничейного результата. Но... На пресс-конференции после матча оба тренера – итальянец Энцо Беарзот и бразилец Теле Сантана – согласились, что победа команды Италии была достигнута благодаря излишней уверенности бразильцев в легкой победе, в крайнем случае – ничьей.

«Они старались только победить и оставили много брешей в своей обороне, – сказал

Беарзот. – Наши игроки этим воспользовались».

«Во втором тайме мы играли хорошо и заслужили, чтобы счет стал ничейным, – отметил Сантана. – Затем мы не смогли остановиться и пошли вперед, стараясь добиться победы... Мы сделали ошибку, не взяв лучшего итальянского форварда Паоло Росси под персональную опеку. Мы предоставили ему слишком много простора для действий, и он доказал, что является великим футболистом, забив три мяча».

Не хочу быть ложно понятым: и я, и всякий другой тренер мечтает о красивой игре и красивых победах, и вместе с клубом я испытал такое счастье. Но возводить принцип «красивой игры» в самоцель значило бы сознательно отбрасывать наш футбол с позиций, на которых он находится. Если я скажу: не обессудьте, дорогие друзья, в финале чемпионата Европы если мы и проиграем, зато во всех случаях покажем красивый футбол – поймут ли меня? Простят ли такую установку на игру? Нет, и я, и мои коллеги по сборной обязаны добиться победы, а настоящая борьба, борьба до последнего, станет и настоящим зрелищем.

О сроках тренера. Они зависят от такого большого набора обстоятельств, что просчитать все варианты попросту невозможно. Тренер национальной сборной должен считаться с периодичностью чемпионатов мира, которые, как известно, проходят раз в четыре года. В этот цикл и должны укладываться тренерские расчеты добиться успеха.

Победа победе рознь. Сборная СССР никогда не входила в тройку сильнейших команд мира и с 1972 года не бывала на европейском пьедестале. Сейчас нас ничто не может удовлетворить, кроме побед в официальных популярных соревнованиях.

Сам факт, что слово «рационально» произносится почти как ругательство, говорит о том, что некоторые люди в своей неумной околофутбольной активности пытаются оказать влияние даже на язык. А ведь слово «рационально» означает всего лишь «разумно». Эрнста Хаппеля, когда он работал с «Гамбургом», хвалили за то, что он создал очень рациональную команду – именно этим словом хвалили.

Взглянем на материальный мир: все сущее – рационально, разумно.

И в футболе можно вспомнить времена, когда то, что мы сейчас называем романтической манерой игры, было целесообразно, то есть – рационально. Но это относилось к периоду, если можно так выразиться, футбольного детства человечества. Теперь он возмужал. Новое в футболе теперь создается за счет возрастающих скоростей, атлетизма, научных методик, создания блоков коллективной памяти и прочих, прочих сложных компонентов.

В ком живет романтическая душа, тот найдет красоту в мужественном футболе наших дней. А кто тоской о романтизме прикрывает ностальгическое желание и сегодня видеть на футбольном поле спектакли своей юности, тот просто не хочет смириться с той истиной, что все в жизни проходит, все меняется.

Моделирование игры для того и придумано, чтобы облегчить футболистам выбор неординарных решений в сложных тактических ситуациях. Чем больше смоделированных действий в типических положениях откладывается в блоках коллективной памяти команды, тем больше времени и сил остается в игре у каждого футболиста для принятия неординарных решений в непредвиденных ситуациях.

Не кажется ли вам странным, что в наше время унификации элементарных – не говоря уже о сложнейших – производственных и мыслительных процессов почему-то только к футболистам все еще предъявляются требования изобретать на ходу? Им вполне серьезно рекомендуют на ощупь отыскать позиции, с которых удобно воспользоваться прострельной передачей мяча с фланга или по наитию доходить до того, какой маневр и в какой фазе игры ведет к созданию численного превосходства в контратаке... Я не против того, чтобы так «творили» на поле наши соперники. Увы, они этим не занимаются. На международной арене мы имеем дело с командами, которые не тратят ни мгновения на выбор коллективных решений, когда возникает знакомая тактическая ситуация. И мы не собираемся дарить им драгоценное время, к чему вольно или невольно призывают нас те, кто полагает, что творчество в футболе – это когда футболист ищет, кого бы еще эффектно обвести.

Заглянем за театральные кулисы. Идут репетиции, репетиции, репетиции – создается модель спектакля. Наверное, все же лучше, когда актер будет знать реплики и свое место на сцене, а также «маневры» партнера заранее, нежели если режиссер скажет ему за час до начала спектакля: «Выйдешь, осмотришься, играй по обстановке...» Зная назубок то, что он должен делать на сцене, актер имеет массу времени для импровизаций, которые так украшают спектакль. Разумеется, речь идет о хорошем актере и о хорошем спектакле.

«Переманивание». Странное слово, когда речь идет о взрослых людях, которые только тогда «переманиваются», когда хотят этого. Переходы игроков – естественный и крайне нужный футболу процесс. Вспомним, как в первостатейных московских клубах расцвело дарование Аликпера Мамедова, Юрия Кузнецова, Никиты Симоняна, Анзора Кавазашвили... Футбол только выиграл от того, что Андрей Зазроев из команды Перми перешел в киевское «Динамо», а Виктор Колотов переехал в Киев из Казани. Футбол кое-что потерял от того, что Эдгар Гесс из душанбинского «Памира» пришел в московский «Спартак» чуть позже, чем нужно было, а Виктор Колядко явно засиделся в грозненском «Тереке». И наверное, совсем было бы нелепо, если бы Ринат Дасаев до сих пор оставался в Астрахани.

Серьезный взгляд дается всегда труднее. Некоторые вещи поносят и ругают только потому, что они для многих просто непонятны. А коли непонятны – значит, опасны.

Я не собираюсь никого и ни в чем убеждать. Всякая неистовая проповедь, из каких бы благих побуждений она ни велась, по существу своему безнравственна. Она, возбуждая в человеке веру, лишает его способности критически мыслить, столь необходимой для гомо сапиенс, и позволяет вести его без рассуждений туда, куда указывают проповедники.

Один из ведущих наших актеров театра и кино Леонид Филатов высказал как-то такую мысль: «Пришло время перемен. Беда в том, что многим кажется – меняться должно все вокруг, но не мы сами. Я же глубоко убежден в том, что никакие организационные изменения наш театр не спасут. Театральный эксперимент предоставляет огромные полномочия коллективу театра, по где гарантия того, что прав окажется именно коллектив, а не один-единственный человек, на которого все ополчатся? За то недолгое время, что эксперимент действует в Москве, мы не раз сталкивались с такими примерами. Время требует того, чтобы мы, театральная интеллигенция, честно на себя посмотрели».

Время потребовало и того, чтобы честно на себя посмотрели все, кто причастен к футбольному делу, – руководители, тренеры, футболисты, судьи, журналисты, футбольная общественность. Мы все должны, образно говоря, «сидеть на одной скамейке», необходима товарищеская корпоративность, не говоря уже о том, что пора избавиться от злопыхательской критики, базирующейся только на личностном отношении и замешанной на неудачных результатах.

Критика должна быть. Без нее футбол развиваться не может. Но – высокопрофессиональная, со знанием предмета, дотошно изучающая и осмысливающая процесс развития современного футбола, а не судящая безапелляционно по одному единственному матчу. Мы требуем повышения квалификации от тренеров, футболистов, арбитров, сетуем на некомпетентность руководителей от спорта. Это правильно. Но и критикующие, наверное, должны повышать уровень знаний, стараться доносить до публики то, что объективно существует, а не предлагать ей дилетантское, эмоционально-субъективное переложение событий.

Интересно, доживу ли я до того дня, когда прочту разумный критический анализ после большой победы сборной СССР? Впрочем, сначала надо дожить до победы...

Критик не должен быть ментором, не должен поучать.

В истории нашей страны много «белых пятен», которые сейчас заполняются. Немало их и в истории нашего футбола. Разрозненные сведения бродят в виде легенд между болельщиками, зачастую сильно искажая истинные события. Необходимо создать «Историю советского футбола» – в двух, трех томах, не знаю сколько их потребуется для того, чтобы воссоздать картину его становления, проанализировать все этапы пути, детально рассмотреть направления, по которым он развивался.

Лучшей настольной книги для футбольной публики не придумать.

Задумался: почему действующие тренеры (каюсь, сам грешен) не пишут и не публикуют статьи теоретического характера по вопросам футбольной тактики? Наши уважаемые предшественники делали это постоянно, и их печатные выступления, уверен, хранятся в досье многих сегодняшних тренеров (я не говорю уже о книге Бориса Андреевича Аркадьева «Тактика футбольной игры», уникальной для человека, возглавляющего футбольную команду).

Что же мешает – страх перед возможным опровержением или отсутствие собственной точки зрения? Видимо, и то, и другое.

Кто должен заниматься просветительской деятельностью среди миллионов любителей футбола? Разумеется, квалифицированные журналисты, но в первую очередь – мы, тренеры-практики. В дискуссиях, не похожих на игру в поддавки, а только в тех, что ведут к постижению истины.

Мы много говорим друг с другом за кулисами. И боимся спорить публично.

Нужна культура несогласия. Честертон как-то заметил, что ненавидит ссору, потому что ссора исключает спор. Одно из условий той откровенности и прямоты, которых требует от нас время, – не принимать несогласного за врага. Но для этого необходимо искреннее взаимное уважение. Из товарищеской критики я обязательно сделаю выводы, злопыхательскую же, из которой неприкрыто торчат уши потревоженных болельщицких амбиций, на дух не принимаю, даже если в ней есть рациональное зерно.

В нашей полемике недостает справедливости, интеллигентности. Исчезает чувство меры – в определениях, в сопоставлении себя с людьми, которые «делают» футбол.

Везение – весьма неопределенное понятие. Приходилось слышать, будто Бессонову и Евтушенко не повезло с Лобановским в частности и с киевским «Динамо» вообще. Работай они при другом тренере и в другой команде, – по-иному сложилась бы их творческая судьба. Допустим, по-иному, но как?

Стали бы они заслуженными мастерами спорта, была бы в их послужном списке победа в Кубке кубков, играли бы они постоянно на том высоком уровне, на каком играли в Киеве?

Да, я согласен, что футбол не получил от Бессонова и Евтушенко все, что мог получить, учитывая их одаренность, но трудно согласиться с тем, что в киевском «Динамо» Бессонова «испортили», превратив из «прирожденного нападающего» в... В кого, кстати? Более универсального футболиста, бойца без страха и упрека наш футбол давно не знал. Он, как никто, полезен в командных действиях, он природный лидер.

Трудно согласиться и с тем, что «испорчен» нами тонкий, техничный, отлично координированный Евтушенко тем только, что «впихнут» в строгие рамки скоростной коллективной игры. Но лучшие свои матчи он проводил тогда, когда осмысленно подчинялся такой игре, понимал, что «путы установок» – ему же во благо, они раскрепощали его, позволяли импровизировать, показывать высокую, отточенную технику. Когда же он скатывался до уровня «художественной самодеятельности», игра не приносила радости ни ему, ни партнерам, ни зрителям.

Мы должны бояться злоупотреблять доверием к себе, бояться повторения ошибок. Это – истина, к которой я пришел через годы тренерской практики. Не бояться ошибок вообще – они были, есть и будут, не ошибается тот, кто лишь созерцает, – но бояться их повторения, неумения исправить, неспособности прислушаться к тем, кто на эти ошибки доброжелательно указывает.

Суперзадачи предполагают увеличение процента риска. Возможность ошибиться существенно увеличивается.

Фактор чужого поля в современном футболе недооценивать нельзя, это было бы глупостью. Любой человек, бывающий в командировках, скажет вам, что подушка в гостинице хуже домашней, может не оказаться горячей воды в душе, еда – какую предложат, и т. д.

Футболист в чужом городе – тот же командированный. Перелет или переезд, влияющие

на функциональные возможности, чужая публика, добра не желающая, влияющая на психологическое состояние...

Безукоризненный пас – великая двигательная сила игры. Болельщики, а иногда и специалисты, обсуждая матч, склонны акцентировать внимание на фамилиях, появившихся на табло после забитого мяча. Фоторепортеры в силу технических причин обычно фиксируют либо заключительный удар, либо – мяч в сетке. Они просто не в состоянии запечатлеть пас.

Навсегда в памяти: в киевском матче 1975 года со сборной Ирландии Колотов в падении забил блестящий гол, и фотография этого события обошла все газеты. Но ни Колотов, ни тренеры сборной СССР, ни партнеры Колотова никогда не забудут феноменальный пас Веремеева, предшествовавший взятию ворот. Перезакрученный мяч на бреющем полете и Колотов на бреющем полете, «встреча» состоялась – гол. Красотища!

Перелеты, перелеты... Сколько же они порой отнимают сил и нервов. Стороннему наблюдателю в это, быть может, трудно поверить, но я прекрасно понимаю своего коллегу Константина Ивановича Бескова, когда он сетует на маршруты, которые пришлось преодолеть «Спартаку» перед важным ответным матчем в Бремене с «Вердером».

Вспомнил сразу и все наши «воздушные» и «железнодорожные» коллизии, усугубленные неритмичным календарем, и почему-то особенно осень 1977 года.

Вы представляете, что такое 7 матчей за 22 дня? Попробую расшифровать.

24 сентября – 15 октября: Москва – Киев – Гамбург – Брауншвейг – Гамбург – Киев – Москва – Амстердам – Роттердам – Амстердам – Париж – Ленинград – Киев. Это – схема перелетов. Если в доме есть карта, можете при желании и наличии времени подсчитать, что сие значит в километрах.

24 сентября – 15 октября: ЦСКА – «Эйнтрахт» – «Локомотив» – сборная Голландии – сборная Франции – «Зенит» – «Динамо» (Москва).

24 сентября – 15 октября: 3-3-2-2-2-3. Количество дней, отведенных на перерыв между матчами.

И, наконец, 24 сентября – 15 октября: 1:0 – 0:0 – 3:0 – 0:0 – 0:0 – 1:1 – 0:0. Результаты. В активе – шесть очков из восьми возможных в чемпионате, уверенная игра и неплохой результат в матчах за сборную против голландцев и французов. В пассиве – ничья в Брауншвейге, стоившая дальнейшей борьбы в Кубке УЕФА.

Жалуюсь? Боже упаси! Просто констатирую.

Кризис футбола? Каждый год в мире производятся тысячи фильмов. Из них 99 процентов посредственные или даже плохие. Так было всегда. Говорить о кризисе в кино? На крупнейших кинофестивалях два-три хороших фильма. На чемпионатах мира – три-четыре феноменальных матча.

Сценарист Рустам Ибрагимбеков, все работы которого в период застоя встречались неодобрительно (в частности, известный его фильм «Допрос»), до прихода в кино был специалистом по оптимальному управлению, включая теорию игр. Достаточно серьезный научный подход позволил ему разработать успешную стратегию и тактику поведения, в результате чего все или почти все, что он хотел сделать, ему удавалось «пробить».

Наивно отрицать возможности стратегии чемпионата, турнира и даже одного матча, равно как и тактическую вариативность. Прямолинейность грешно путать с простотой, достигающейся неимоверными усилиями в тренировочной работе, которую зритель не видит. Впрочем, ему это и не нужно. К его услугам – готовый спектакль.

Новое не рождается на пустом месте. Феола, Гербергер, Рамсей, Ковач, Шен, Эррера за рубежом, Аркадьев, Якушин, Качалин, Ошейков, Маслов, Бесков – у нас. Переосмысление лучших работ каждого – бесценный опыт.

Для того чтобы решиться на серьезный кропотливый труд – пропустить через себя все, что достигнуто человечеством в футболе, и попытаться сказать что-то новое, свое, – убежден, для этого необходима прежде всего непреклонная воля. Воли нет, нет характера, неоткуда взяться способности осуществить то, что задумал. «Воля и труд человека дивные

дива творят» – совершенно верные слова поэта Николая Некрасова.

Полный отказ от «мирской» жизни? Не думаю. Самоограничения во всем – да. Для того чтобы если и не двадцать четыре часа в сутки, то большую часть времени заниматься футболом.

Футбольные сны мне не снятся. Особенно в те ночи, когда не спишь после неудачи и прокручиваешь игру секунда за секундой, эпизод за эпизодом, находишь – вот здесь надо было резко все поменять! – но доигрывания не будет, не шахматы...

Чем потчуют болельщика (и не его одного – специалистов, тренеров-практиков, игроков) с телеэкрана? Матчами чемпионата и Кубка страны, понятно. Встречами европейских турниров с нашим участием, финалами чемпионатов мира и Европы. Много? Не уверен, потому что углубляется разрыв между тем, что видит наша публика, и тем, что происходит в странах развитого современного футбола. Мы почти не знаем о том, как работают ведущие тренеры мира. То есть мы в командах (не во всех, правда) видим (слава богу, видеотехника в большом ходу) лучшие образцы, надо только суметь достать записи разных матчей, чтобы составить наиболее полную картину творческих поисков конкурентов.

Обкрадывают же болельщика. Он не видит финалов континентальных и Межконтинентального кубков, хотя, наверное, ему интересно было бы посмотреть, как за Суперкубок сражались к двух матчах «Порто» и «Аякс». Ведь помимо приобщения это и воспитание игрой, и возможность сравнивать, и познание футбола.

Я отношу себя к категории людей, которые не любят признаваться в своей неправоте, но – с годами и опытом – стараюсь после совершения ошибки поступать таким образом, чтобы окружающим не составило труда убедиться в том, что я ошибался. Откровенность – наука трудная.

Глава 7. «Серебро» в Мюнхене

Чемпионат Европы в ФРГ – первый крупный международный турнир на уровне сборных, который мне как тренеру удалось пройти вместе с футболистами от начала до конца: от первого отборочного матча с исландцами в Рейкьявике 24 сентября 1986 года до финальной встречи с голландцами в Мюнхене 25 июня 1988 года. В общей сложности он продолжался для нас 21 месяц.

В разгар подготовки к играм в ФРГ я неожиданно угодил в больницу и почти на два месяца был отлучен от киевского «Динамо» и сборной. Банальная история. В начале года на ногах перенес грипп, давший осложнение на сердце. 27 марта, пренебрегая советами врачей, отправился на стадион, на матч своей команды со «Спартак». А на следующий день оказался в госпитале, в реанимационном отделении. С тех пор врачей слушаюсь.

Но хватит о болезнях.

...В одном интервью после чемпионата Европы Мишель Платини сказал: «Лично я поочередно называл фаворитами турнира сначала англичан, затем немцев и итальянцев и, наконец, сборную СССР. Так что, как видите, ошибся на все 100 процентов».

Что ж, ошибиться было нетрудно. Чемпионат Европы в ФРГ резко отличался от других крупных турниров равным составом участников, каждый из которых мог оказаться впереди. Многие тренеры говорили, что европейское первенство было более интересным, чем, скажем, чемпионат мира в Мексике. Действительно, уровень показанного на стадионах ФРГ футбола выше, чем два года назад в Мексике. На чемпионате Европы мы видели игру, прежде всего основанную на движении и скорости исполнения, игру интенсивную, с гибкими тактическими схемами. На мой взгляд, в современном футболе бесполезно пытаться оценивать индивидуальные качества каждого игрока, отрывая его от действий всей команды. Футболиста можно оценивать, исходя из его роли в стратегии команды. Идеальный пример тому – Гуллит. Это замечательный игрок. И его огромное достоинство состоит в том, как он подчиняет себя интересам команды.

К победам может быть разный подход. Главное при этом – реально оценивать

собственный уровень. Ринус Михелс заметил после чемпионата: «Гол Ван Бастена в ворота русских был, конечно, великолепен, но должен сказать, что финал нельзя выиграть без определенной доли везения». Я бы добавил при этом, что везение – следствие многих слагаемых, а отнюдь не абстрактное понятие.

Попытно, что на финальный матч мы вышли с одной целью – победить. Не удалось. Можно называть разные причины – и объективные, и субъективные. Наверное, сказались на игре отсутствие травмированного Бессонова и получившего вторую желтую карточку Кузнецова (совершенно, кстати, неверным считаю решение УЕФА учитывать предупреждения, полученные в отборочных матчах первенства Европы; благодаря этому сборная ФРГ была поставлена в исключительные условия, поскольку в отборочных встречах не участвовала). Сказался, видимо, и слишком короткий промежуток между полуфиналом и финалом – 48 часов (у голландцев было на сутки больше, а каждый час в подобных ситуациях на учете; да и вообще очень сложно проводить пять таких матчей за 14 дней – меньше 72 часов между играми получается). И, разумеется, неравнозначны были затраты лидеров сборной СССР и лидеров голландской команды.

В футболе высшего уровня все решается, как справедливо заметил обозреватель «Франс футбол» Жерар Эрно, «в тысячные доли секунды. Вполне достаточно одной случайной ошибки, удара в штангу, или вдохновения Ван Бастена, или дисквалификации Кузнецова – если говорить о финале. Счет этого матча может показаться достаточно убедительным, но исход его висел на волоске...» Его коллега Жак Тибер отметил, что «сборная СССР не оказалась несостоятельной на поле Олимпийского стадиона. Она помогала родиться великолепному спектаклю, переигрывая голландцев на многих: отрезках матча и уступив лишь из-за проклятья, нависшего в тот день над Белановым...»

Мы провели в ФРГ все пять матчей, на которые рассчитывали, когда готовились к чемпионату. До финала сборная СССР дошла благодаря соответствующей физической подготовке, высокому техническому мастерству, разнообразным тактическим действиям, твердому волевому настрою на каждую игру, продуманной стратегии на каждый отдельный матч и на весь турнир. Это не только наша оценка, но и мнение многих европейских футбольных специалистов. Рипус Михелс, например, считает: «Советские футболисты точно так же, как и мы, поняли, о чем идет речь: на мировой арене в 90-е годы в футбол успешнее будут играть атлетически подготовленные и мыслящие игроки. Главная идея заключается в словах «футбольная команда». Лишь создав ее, можно рассчитывать на успех. Будущее только за коллективным футболом на высоких скоростях».

В начале турнира Франц Беккенбауэр высказал мнение, что советская команда «играет в футбол 20-х годов», но его соотечественники-журналисты тут же заявили ему в ответ: «Часы Беккенбауэра идут неправильно», а после того как сборная ФРГ выбыла из борьбы за главный европейский приз, предположили, что, вспоминая 20-е годы, «Беккенбауэр говорил о своей команде».

Достаточно распространенное мнение выразил известный югославский специалист Милян Милянич, отметив, что в тактическом плане сборные Голландии и Советского Союза превосходили остальных участников чемпионата. «Современный футбол, – сказал он, – это игра скорости и фантазии. Об этом лучше всего свидетельствует пример сборных СССР и Голландии. Футболисты обеих команд много передвигаются по полю, демонстрируя высокий класс игры». По словам Михелса, «голландская и советская сборные на равных участвуют в процессе совершенствования футбола».

Столь высокие и лестные оценки сборная СССР заслужила играми в финальной стадии чемпионата Европы. Пожалуй, лишь во встрече с ирландцами нашей команде не удалось реализовать выработанный и принятый на игру план, хотя состояние игроков перед этим матчем было лучшим, чем перед первым, с голландцами. Дело, вероятно, в том, что, сознавая исключительную важность результата этой игры, футболисты были перевозбуждены. Они рассказывали после матча, что чувствовали себя превосходно, но «не слушались ноги». Такое случается, когда «перегорают». Ничья успокоила игроков, и в оставшихся матчах они

были раскованными и непринужденными.

В стартовом матче с голландцами мы сознательно отдали соперникам пространство. Зная, что лидер сборной Голландии Гуллит любит, когда его опекают персонально, не прикрепили к нему «сторожа», а играли против него в тех зонах, в которых он появлялся. Потом выяснилось, что это было сюрпризом для голландцев. В первом тайме наша команда оказалась прижатой к своим воротам и не использовала возникавшего за спиной обороны соперника пространства, но во второй половине встречи нашла в себе силы переломить ход игры. Только нечеткие последние передачи наших футболистов в пустые зоны обороны сборной Голландии не позволили нам более убедительно реализовать предложенный на игру план.

Мы понимали, что основное достоинство молодой итальянской команды, для которой чемпионат Европы – промежуточный этап в подготовке к чемпионату мира-90 в Италии, в исключительно разнообразной деятельности игроков середины поля. После совещаний тренеров и обсуждений с игроками было принято решение: применять прессинг по всему полю. Он отнимает много сил, но подготовка команды позволяла пустить в ход это действенное, скрываемое нами до поры до времени оружие. Прессинг лишил итальянцев преимущества в технике, Манчини и Виалли были отрезаны от полузащитников, и наша команда уверенно извлекла выгоды из создавшейся на поле ситуации.

После матча в раздевалке было шумно. Кто-то скомандовал – и я услышал клич, который знаю только по воспоминаниям старых футболистов: «Гип-гип ура! Ура! Ура!» Разумеется, ребят – обнимающихся, хохочущих, кричащих – никто не останавливал, эмоции должны быть выплеснуты.

В разгар веселья в раздевалку вошли президент итальянской Федерации футбола и бывший старший тренер сборной Италии Энцо Беарзот. Они поздравили нас с победой, а Беарзот – тренер чемпионов мира-82 – сказал: «Я еще раз убедился в том, что вы великая команда. Вы играете в современный футбол на скорости 100 километров в час. Прессинг, который я сегодня увидел, – проявление высшего мастерства. Физическая форма советских игроков – это плод исключительной, отличной работы».

Будущее рождается сегодня.

В каком направлении развивается футбол? На мой взгляд, законодатели методов ведения игры в современном футболе – европейцы, прежде всего голландцы, итальянцы и мы. Чемпионат Европы убедил меня: мы находимся на верном пути, совершая поворот к футболу движения, скорости, ритмичному и разнообразному. С пути этого нет смысла сворачивать. Можно предположить, что основания для подобного вывода мне дал результат чемпионата. Это не так, в верности выбранного направления я не сомневался бы и в том случае, если бы мы в финал не попали. Дело не в результате. Он, как вы понимаете, зависит от «тысячных долей секунды». Реальность же направления такова: тщательная многогранная подготовка талантливых игроков к непрерывной жесточайшей борьбе, к колоссальным затратам энергии, к высочайшей скорости.

Не сомневаюсь, что в плане подготовки футболистов, в выборе и отработке методов ведения игры мы находимся среди лидеров в мире и Европе. В плане же организации футбольного дела мы безнадежно отстали, и необходимо время, чтобы наверстать упущенное.

При отборе кандидатов в сборную Советского Союза мы, например, столкнулись с невиданной доселе в мировом футболе проблемой: нам не позволили привлечь в ряды национальной команды футболистов, которые находились в «рекрутском списке», составленном тренерами олимпийцев. Обстоятельство действительно невиданное! Во всем просвещенном футбольном мире олимпийские сборные служат ближайшим резервом для национальных, а у нас почему-то поощрялись попытки создать две равноценные команды. Давно уже определен и уровень престижности (сначала – чемпионаты мира и Европы, а уж затем – все остальные турниры), а наши спортивные руководители по-прежнему считают олимпийский турнир главным событием футбольной жизни планеты. Уровень престижности

футбола на олимпиадах закреплён и решением ФИФА от 1988 года о возрастных границах участников: «Все игроки не старше 23 лет в год, когда проводятся олимпийские игры, имеют право участвовать в олимпийском футбольном турнире». Новое правило, фактически ранжирующее олимпийский турнир как крупное соревнование для молодежных сборных, начнет действовать с 1992 года.

Впрочем, неразбериха, созданная во взаимоотношениях между национальной и олимпийской сборными, далеко не главная и не единственная проблема в нашем футболе...

О признании наших футбольных достижений свидетельствует тот огромный интерес, который после чемпионата Европы проявили к советским игрокам различные западноевропейские клубы.

Контракт, подписанный Александром Заваровым с итальянским «Ювентусом», – первый, пожалуй, серьезный шаг в развитии деловых контактов с цивилизованным футбольным миром. Как выразился почетный президент «Ювентуса» Джованни Аньелли (он же – владелец фирмы ФИАТ, которой принадлежит команда), «если будет заключен контракт с Заваровым, мы убедимся, что в советском спорте действительно идет перестройка».

Безусловно, Заваров и сегодня нужен киевскому «Динамо», но мы прекрасно понимаем значение приглашения советского футболиста в такой клуб, как «Ювентус». Во-первых, это – расширение связей с внешним миром и пропаганда советского футбола в Европе. Заваров великолепно был встречен в Италии – тысячи поклонников «Ювентуса» приветствовали его с транспарантами на русском языке. И если он подтвердит там свой класс – в это очень хочется верить, – то разве это не поднимет вверх планку престижа нашего футбола?

Не исключаю, во-вторых, что после окончания карьеры игрока Заваров останется в футболе как тренер. И, полагаю, опыт работы в профессиональном клубе поможет ему. Нашему футболу нужны люди, которые могут перенести на наше поле то лучшее, что характерно для организации дела в профессиональных клубах. Между прочим, когда в недавнем прошлом речь заходила о деятельности советского спортсмена за рубежом, то его называли не иначе, как «играющий тренер». Вещи надо называть своими именами: Заваров в «Ювентусе» не играющий тренер, а профессиональный футболист.

Контракт Заварова с «Ювентусом», на мой взгляд (это – в-третьих), – хороший стимул для роста спортивного мастерства остальных наших футболистов. Особенно молодых, которые должны стремиться не только к постоянному совершенствованию, но и к тому, чтобы как можно дольше сохранить себя в футболе на высоком уровне.

И наконец, необходимо разрушать создаваемые у нас годами стереотипы. Почему-то всегда считалось, что футболу должно было все время помогать государство. Наоборот. Футбол должен помогать государству при малейшей возможности. Контракт Заварова – реальная помощь. Миллион долларов из заплаченной за Заварова суммы поступит в госбюджет, два миллиона – Госкомспорту СССР на олимпийские нужды и еще два миллиона – киевскому «Динамо».

Клубы должны сами зарабатывать деньги, в том числе и валюту. Благодаря этому можно решать очень многие вопросы, связанные прежде всего с материально-техническим обеспечением. Во всяком случае, в нашей команде появились теперь реальные возможности улучшить условия работы с детьми и юношами и серьезно заняться подготовкой собственного резерва...

Ринат Дасаев, Владимир Бессонов, Вагиз Хидиятуллин, Олег Кузнецов, Анатолий Демьяненко, Геннадий Литовченко, Сергей Алейников, Алексей Михайличенко, Александр Заваров, Василий Рац, Игорь Беланов, Олег Протасов, Сергей Гоцманов, Виктор Пасулько, Виктор Чанов, Сергей Балтача, Тенгиз Сулаквелидзе, всегда готовые выйти на замену Вячеслав Сукристов, Иван Вишневский, Сергей Дмитриев (после чемпионата коллегия Госкомспорта присвоила Дасаеву, Хидиятуллину, Литовченко, Алейникову, Михайличенко и Протасову звания заслуженных мастеров спорта). Я искренне благодарен этим футболистам, которые значительно повысили авторитет советской сборной в мировом

футболе, составили на чемпионате в ФРГ боеспособный и монолитный коллектив. Я благодарен также своим помощникам коллегам Никите Павловичу Симоняну, Юрию Андреевичу Морозову, Сепгею Михайловичу Мосягину, моим единомышленникам, которые внесли большой вклад в достижение команды. Привезти серебряные медали из Мюнхена помогли и врачи, и массажисты, и футболисты, игравшие в отборочных матчах, но по каким-либо причинам не поехавшие в ФРГ, и тренеры ряда клубных команд...

Перед нашим футболом всегда стоят большие задачи. Убежден, что их можно решать, но только в том случае, если будет продвигаться реорганизация футбольного хозяйства в стране, если появятся несколько конкурентоспособных клубов, если горячую заинтересованность в переменах будут проявлять все, кто с футболом связан.

На оптимистический лад настраивает меня одно важное событие, которое произошло незадолго до нашего отъезда в ФРГ. Я говорю о совещании в ЦК КПСС, которое вел член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев. На нем выступили многие тренеры команд высшей лиги и были рассмотрены самые серьезные вопросы, связанные с реорганизацией нашего футбольного хозяйства. Важно то, что за беседой последовали вполне конкретные действия. Было принято решение об образовании Футбольного союза (надеюсь, что когда книга выйдет из печати, он уже будет создан). За чемпионат Европы команда получила 10 процентов от заработанной суммы, и решение это не единовременное, оно будет действовать и впредь. У игроков, которые достигли 29-летнего возраста и заслужили авторитет в нашем футболе, появилась возможность выступать за зарубежные клубы. Словом, дело, похоже, сдвигается с мертвой точки.

Но, к сожалению, не так быстро, как того требует время.

Часто ловлю себя на том, что не лежит душа к анатомированию успехов. Наверное, потому, что в спорте профессионалов над пьедесталом победителей все-таки витают демоны иррациональности. Причины неудачи и сам отыщешь, а наука выведет на след. Формула успеха в большом футболе тоже давно в принципе известна: жесточайший отбор выносит на гребень только тех, кто обладает способностью к колоссальной концентрации душевных и физических сил в момент наивысших испытаний. Все тут как будто предсказуемо, повинуется законам, выстраивается в логический ряд. Но... как взвесить дуновение, качнувшее чашу весов в престижном финальном матче? А ведь порой именно это «чуть-чуть» напрочь перечеркивает «формулу успеха» в тот решающий час, когда нужен один, и только один, триумфатор.

Матчей со сборной Голландии в рамках чемпионата Европы мне никогда не забыть. Как вы понимаете, мысленно я был на поле в каждом игровом эпизоде. Но кто-то другой во мне, не тренер, находил время наслаждаться футболом. Конечно, после финала я отчаянно боролся с досадой. А тот, «другой», урезонивал: «Чего стоит твоя истерика перед красотой такой игры?» Я глубоко благодарен футболистам нашей команды и соперникам за игру, причастность к которой оправдала в моих собственных глазах мое пребывание на тренерской скамейке.

Всегда было легче объяснить, как создаются классные команды, чем результат конкретного матча. Ответить, например, на вопрос, почему мы уступили голландцам в финале чемпионата Европы...

Один из болельщиков написал мне, что впечатление от сезона 1988 года у него такое, будто бы он все это время был очевидцем великолепного пиршества. Что же это «пиршество» обеспечило?

В ситуации 1988 года благоприятно сблизились два фактора. С одной стороны, советский футбол перестал испытывать кадровый голод, с другой – повысился методический уровень работы с игроками высшей квалификации. В итоге появилась возможность противопоставить зарубежным соперникам ограниченную группу основательно подготовленных футболистов, обладающих достаточным опытом международных встреч. На чемпионате Европы этого хватило для выхода в финал.

А вот в европейских клубных турнирах наши команды оказались, по существу,

статистами как по качеству достигнутой подготовки, так и по качеству показанной в них игры. Явление вроде бы парадоксальное. Если накоплен опыт эффективной методики и известны тактические пути к успеху, то почему все это не срабатывает на клубном уровне? Мое мнение: мешает устаревшая организация футбольного дела, не стимулирующая творчество ни тренеров, ни футболистов. Мы и раньше прорывались к вершинам на отдельных участках международного футбола. Это находила выход потенция. Но чтобы организовать «тотальный прессинг», нужна эффективная система хозяйствования в футболе. Ее пока нет, хотя не секрет, какой она может и должна быть.

Известны романтические эпизоды, когда в какой-то стране вдруг возникала сборная команда, явно превосходившая достоинствами объективный уровень национального футбола. Обычно подобные явления обусловлены недолговечными факторами – удачным подбором игроков, подготовленных в зарубежных профессиональных клубах, подвижнической работой тренера-иностранца и т. п. Не нам уповать на счастливый лотерейный билет. Эффекты по типу перуанского или алжирского футбола, когда складывались на миг конкурентоспособные сборные, высокоорганизованное общество не тешат.

Прочность положения, которое сборная СССР занимала после 1988 года в мировой классификации, на мой взгляд, находится в прямой зависимости от степени заинтересованности в организации профессионального футбола.

Чем дальше мы будем тянуть с переводом своего футбола на рельсы социалистического профессионализма, тем меньше у нас гарантий закрепиться на передовых позициях мирового спорта. Потому что профессиональный футбол западной формации работает без выходных. Прежде всего постоянно совершенствуется юридическое обеспечение, что для повышения мотиваций игроков эффективнее денежных инъекций. Именно благодаря правовой комфортности, гарантирующей футболисту достойное место в обществе, эта профессия стала на Западе в числе наиболее престижных. Не требуя начального капитала, связей и респектабельной родословной, она тем более привлекательна для демократических слоев населения.

Таким образом, на футбольных полях мы конкурируем не с одними лишь спортивными командами, подготовленными определенным образом. Конкурирует и отношение общества к футболу. И в этой связи уместно было бы взглянуть на зачатки реформации, которая начала происходить в нашем футболе в 1988 году.

Переход на полный хозрасчет в нем еще не экспериментировался. Пионер клубного движения – «Днепр» остановился на приемлемой для него форме хозрасчета, когда вся недвижимая и многие денежные фонды находятся на балансе профсоюзной организации. Это то же самое меценатство (в правильном понимании этого слова), но с изрядной долей самостоятельности руководства команды в маневрировании средствами, предназначенными для выплаты игрокам зарплаты и премиальных. Однако меценатство – обоюдоострое лезвие. Иначе говоря, при таком положении дел успех зависит от многих факторов, лежащих вне футбола. Сегодня профсоюзная организация любит команду – и у игроков есть все необходимое. Завтра ситуация изменится – и команда захиреет. Процесс, как видим, неуправляемый. К слову, для динамовских команд такая практика вообще не подходит, так как своеобразие динамовского хозрасчета заключается в том, что центральный орган забирает всю прибыль. Руководители Центрального совета «Динамо» любят выступать в прессе с заявлением о том, что динамовское общество находится на хозрасчете с 1923 года и уже одно это обстоятельство вроде бы делает его передовой силой в сфере спортивного хозяйствования. Но умалчивается при этом, что в рамках динамовского хозрасчета каждое предприятие, каждая организация и команда отдадут Центральному совету всю прибыль до последней копейки. У нас из-за этого «хозрасчета» до сих пор одно зеленое поле на 300 лишним воспитанников футбольной школы...

Но, несмотря на ведомственные нюансы, гарантии футбола для зрителей существуют – они в свободном экономическом развитии клубов, действующих на принципах

социалистического предприятия. Созданная теоретическая модель такого клуба получила принципиальное одобрение в высших экономических инстанциях. Процесс тормозится тем, что в нашем футболе еще не появились кадры, морально готовые рискнуть хозяйствовать самостоятельно. Пока только киевское «Динамо» выразило желание перейти на первую модель хозрасчета, что мы и сделали с января 1989 года. Это обстоятельство удесятеряет нашу ответственность за успех эксперимента и в то же время открывает немалые возможности для противников идеи о хозрасчетных футбольных клубах. Ведь клуб киевского «Динамо» будет действовать в рамках громадного спортивного хозяйства, туго стянутого узлами бюджетных ассигнований, фондирования и лимитирования основных ресурсов и средств. Как наладить экономически взаимовыгодное сотрудничество с организациями, лишенными возможности принимать самостоятельные решения?

«Стартовые» трудности нас не пугают, так как верится, что и спортивное хозяйство страны затронут перемены, преобразующие экономику. Но на первых порах придется обратиться за поддержкой к друзьям команды. Не исключено, что мы организуем акционерное общество.

...Вспомните, как на целое десятилетие соскользнула с высокой волны классности сборная Голландии. Посмотрите, что происходило в 1988 году со сборной Франции, которая четыре года назад выиграла чемпионат Европы и олимпийский турнир, а спустя всего лишь несколько лет оказалась не в состоянии одолеть сборную Кипра. Не берусь раскладывать по полочкам причины таких спадов, но не могу и игнорировать подобные факты. Нужно самым тщательным образом изучать международную конъюнктуру, эволюцию тактики, новый опыт отбора и подготовки игроков, чтобы не только не отстать, не проглядеть зарождение новых веяний в футболе, но и представить, каким будет футбол завтра и как войти в это завтра не с пустыми руками. В еще большей мере благополучие сборной СССР будет зависеть от того, сумеет ли наш футбол окончательно изжить рецидивы любительства на всех этажах – от игроков до руководителей высших рангов.

Пока этот процесс идет медленно. Видимо, поэтому до сих пор у нас возникают дискуссии по поводу того, правильно ли мы поступаем, разрешая выступать ведущим футболистам в зарубежных командах. Никак не пойму: о чем тут, собственно, спорить? В других странах занятость ведущих игроков в зарубежных клубах не отражается на конкурентоспособности национальной сборной, а в той же Исландии и Норвегии – это совершенно очевидно – усиливает сборные. Почему же у нас должно происходить иначе? Лишь потому, что мы не привыкли к подобному явлению? Александр Заваров и Вагиз Хидиятуллин перед отборочным матчем чемпионата мира с австрийцами прибыли в сборную буквально накануне игры, тем не менее оба по уровню подготовленности и способности реализовать свои возможности были едва ли не лучшими в нашей команде. Это норма для профессионалов.

Муссируется и другой вопрос: а не снизит ли пребывание за рубежом патриотические чувства футболистов? Мы сейчас много читаем в прессе и в литературе, кто именно и почему на протяжении грустных десятилетий выражал сомнения в преданности советских людей Родине. Моральный облик особо рьяно «сомневавшихся» уже известен. Возвращаться к этому не хочется, равно как не хотелось бы и выслушивать беспочвенные подозрения. Но хочу подчеркнуть: мы посылаем в зарубежные клубы не желторотых мальчишек, а взрослых мужчин, пропагандистов наших идей. Было время и место узнать о них все.

Работа наших лучших футболистов в профессиональных клубах – это признание нашего футбола. Они вернутся домой обогащенные ценным опытом и двинут советский футбол к новым вершинам. Хватить вариться в собственном соку.

Это в равной степени касается и тренерского корпуса. До сих пор наша практика допускала стажировку в зарубежных клубах выпускников Высшей школы тренеров, да еще буквально считанные опытные тренеры выезжали на работу в страны со слабо развитым футболом. Но есть более выгодный вариант в спортивном и экономическом отношении – посылать за рубеж тренеров высокой квалификации. Вижу ухмылку многих читателей:

Лобановский рвется за границу. Поставьте себя на мое место: разве не интересно испытать себя в профессиональном футболе?

Но не во мне, разумеется, дело. Дело в том, что нашему футболу не хватает опыта высокопрофессиональной работы и притока валютных средств. Предлагаемая мера в состоянии сгладить остроту проблемы. Тем более что интерес к нашим ведущим тренерам уже достиг уровня, превышающего скромные притязания «Совинтерспорта»...

Коли заговорил о моей личной деятельности, то хочу ответить тем болельщикам, которые интересуются в своих письмах: удобно ли мне сидеть сразу на двух стульях – быть тренером сборной и клуба? Всегда было неудобно. Утешает, что точно известно, когда это кончится, – в 1990 году. Тренеры сборной, как я уже упоминал, не заключают у нас контрактов с Госкомспортом, по такова у меня, можно сказать, джентльменская договоренность с руководством.

Я понимаю, должность главного тренера национальной сборной создана не для того, чтобы там постоянно маячила знакомая фигура. Однако я бы не выполнил своего профессионального долга, если б воспользовался отсутствием документа, заменяющего контракт, и подал в отставку до чемпионата мира. Остаюсь при своем глубоком убеждении: тренерский состав сборной должен работать не менее четырех лет и отчитываться только по итогам мирового первенства. Так что потерпите! А уж перемены у руля сборной будут обязательно. В футболе любой успех, имеющий широкий резонанс, подсказывает кандидата на этот пост. Наш футбол не так плох, чтобы должность главного тренера сборной оставалась без надежного резерва.

Переход нашего футбола на профессиональные рельсы взаимосвязан с созданием в стране Футбольного союза. Естественно, к этому событию был проявлен огромный интерес. Как же продвигалось «строительство» новой организации?

Работал настоящий конвейер по изготовлению и переделке проектов устава союза. Один проект даже был заслушан на коллегии Госкомспорта СССР. Но во всех вариантах не прослеживалось главного – минимальных гарантий самостоятельности создаваемого органа.

Меня не привлекали к обсуждению устава. Ничего не знали о нем и коллеги-тренеры, с которыми я говорил об этом. Выяснилось, что Футбольный союз мыслился в Госкомспорте как наследник функций, прав и обязанностей Федерации футбола СССР. Овчинка выделки не стоила. Какой смысл выдумывать еще одно промежуточное управленческое звено с совещательным голосом? Лучше оставить все как есть и признаться: мы пока не готовы предоставить профессиональным организаторам футбола свободу вершить дела по их усмотрению. Новая структура нужна для принятия оптимальных эффективных решений, а не для санкционирования ведомственных инструкций.

Понятное дело, тот проект устава, который с опозданием, между прочим, появился в печати для обсуждения, никого из футбольных специалистов не устраивал. Мы на учредительную конференцию по созданию Футбольного союза, состоявшуюся 13 декабря в московской гостинице «Спорт», привезли из Киева свой альтернативный проект устава, ленинградцы – свой.

Дискуссия была жаркой. В своем выступлении я напомнил о событиях, предшествовавших встрече в «Спорте».

В конце 1987 года большая группа тренеров команд высшей лиги направила письмо в ЦК КПСС, в котором изложила свои соображения о состоянии футбола в стране и путях его дальнейшего развития. Речь в письме шла прежде всего о необходимости создания хозрасчетных футбольных клубов и самоуправляемого объединения профессиональных работников футбола.

Письмо это четыре месяца путешествовало по различным кабинетам, и наконец на нем появилась резолюция бывшего заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС, гласившая о том, что... тренеры плохо представляют себе, сколь много делается для развития футбола в стране.

Пришлось обратиться в Политбюро. Письмо получило другую резолюцию, что в итоге

породило постановление Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ от 2 августа 1988 года с длинным и сложным названием «О совершенствовании управления футболом, другими игровыми видами спорта и дополнительных мерах по упорядочению содержания команд и спортсменов по основным видам спорта».

Вот тогда-то в работу по перестройке футбола быстро включился Госкомспорт. Движение, начавшееся снизу против рутинного ведения дела, завершилось документом (проектом устава Футбольного союза) сверху, с тех самых этажей, где эта рутина поддерживалась десятилетиями.

Естественно, созданный в кабинетах Госкомспорта проект не оставлял Футбольному союзу права на безоговорочную административную и хозяйственную самостоятельность. А без этого создаваемый союз не решит ни одной проблемы. Проблемы лишь будут множиться.

Почему разумная идея о необходимой перестройке в футболе не получила широкой поддержки специалистов гораздо раньше, ведь несовершенство ведения футбольных дел стало совершенно очевидным еще двадцать с лишним лет назад, когда советские команды вышли на арену европейских клубных соревнований?

Думаю, коллеги согласятся со мной в том, что прозреть и сделать практические шаги в нужном направлении нам мешало наше правовое бескультурье, остатки рабской психологии, боязнь начальственного окрика. Десятилетиями оставались туманными наши представления о власти, о процессах управления. Это – жирная почва для роста беззакония и самоуправства. Это – душливая атмосфера для новаторства, смелых идей, рвущихся в будущее.

Мы только сейчас все дружно стали понимать, что не всякий начальник – Советская власть; что есть законы, выполнять которые обязан каждый, независимо от служебного положения.

Но еще продолжают действовать охранные грамоты чиновников – тысячи бессмысленных, глупых ведомственных циркуляров и инструкций, чаще всего противозаконных по своей сути.

Примеры из практики спортивного ведомства. Нас обязывают выкупать у Госкомспорта рекламную форму, которую фирма «Адидас» распространяет среди участников популярных европейских клубных турниров. Дело дошло до того, что игроки сборной страны отправились на чемпионат Европы в форме, приобретенной на собственные средства. Это – унижительно.

У нас отбирают валюту, заработанную в коммерческих играх. По такому же грабительскому принципу тайком от нас подписываются сметы расходов, устанавливаются нормы финансового обеспечения в зарубежных поездках. А на какие расходы пошла валюта, полученная Госкомспортом за участие сборной СССР по футболу в финальной стадии чемпионата Европы? Где деньги, которые Госкомспорт (непонятно, почему?) получил за переход Заварова из киевского «Динамо» в «Ювентус»?

И вот ведомство, набившее руку на эксплуатации футбола, подготовило документ о предоставлении футболу свободы. Где, на какой строчке проекта устава можно отыскать эту свободу? Свобода – это прежде всего желание и возможность делать то, что не запрещено законом. Предоставление такой свободы создателям материальных и духовных ценностей имеет и экономическую цену.

Экономика и общество в целом не развиваются, если люди не хотят или не могут делать то, что еще вчера не было принято. Без экспериментирования, риска, умения брать на себя всю полноту ответственности, не дожидаясь команды сверху, движение вперед немислимо.

Но такая раскованность исполнителей вызывает бешеное сопротивление руководящих лиц в ведомствах, заинтересованных в незыблемости порядка, в силу которого они владеют всем в своих «наделах». Привилегии ведомства – это прежде всего привилегии руководящих кресел. Это реальная власть, от которой никто не отказывается добровольно.

Однако мы наконец пришли к пониманию необходимости другого порядка, когда

запрещать, карать и отменять имеют право только специально уполномоченные законом органы, а не любой ведомственный унтер с его доморощенной идеологией и феодальными рефлексами.

Сколько мы наслышались безграмотных руководящих указаний от наших ведомственных «знатоков». И по поводу объемов тренировок, которые отстают от плавательных или хоккейных норм; и по поводу причесок футболистов; и по поводу цвета, извините, унитазов, которые игроки устанавливают в своих квартирах... Мы били послематчевые пенальти, дозировали ничьи на весах ведомственного уголовного кодекса, играем тремя мячами.

Пристегивание Футбольного союза к тяжелому катку Госкомспорта ничего не изменит в положении футбола и не откроет перед ним никаких заманчивых перспектив. Нас накроет все тот же вал инструкций, требующих «улучшить, усилить, повысить, догнать и перегнать».

Статус постепенно создаваемых хозрасчетных клубов совершенно несовместим с диктатом ведомства, живущего за счет бюджетных ассигнований и поборов. Логика событий приближает день, когда Госкомспорт по отношению к футболу мастеров займет позицию государственного заказчика футбольного зрелища и высококвалифицированных игроков для комплектования сборных команд. А экономика, тренировочный процесс и право будут развиваться в клубах, огражденных законом от некомпетентного вмешательства.

Возможности для того, чтобы наш футбол сумел избавиться от опеки разного рода администраторов и вышел на самостоятельный путь развития, сейчас открыты огромные. Было бы ошибкой не использовать их.

Вместо послесловия

В чем притягательная сила футбольных состязаний? Для любителей игры – это неповторимое желанное зрелище. А для самих футболистов, тренеров? Ежедневно выходят команды на игровое поле укрощать мяч, искать признания у публики, бросать вызов сопернику, испытывать турнирную судьбу.

И так – из месяца в месяц, из года в год. Привычные с детства законы игры, знакомые лица соперников. Но каждый новый матч – как премьера.

Задумываемся ли мы, каково футболистам постоянно ощущать на себе пристальное внимание миллионов людей? Как относиться им к своему занятию – как к игре или как к делу, столь же необходимому обществу, как, скажем, производство автомобилей и станков?

По отношению к зрителям мы, тренеры футбольных команд, особенно популярных, должны быть постановщиками ни с чем не сравнимого спортивного зрелища. Когда-то мне, кого часто называют прагматиком (не вижу в этом ничего зазорного), эта мысль докучала. О какой режиссуре может идти речь, когда нужно набирать турнирные очки и бороться за максимальный спортивный результат? – убеждал я себя. Но с годами пришло чувство общности с темп, кто сидит на трибунах. Оно не могло не прийти. Игроки, тренеры, зрители – единый футбольный организм.

Безусловно, когда командой уже достигнут определенный стратегический успех, когда ей есть что терять, а поражение ставит под угрозу с таким трудом добытое ранее, поневоле начинаешь незаметно для себя больше заботиться об обороне, чем об атаке. Подсознательно предпочитаешь «некрасивую» ничью «красивому» поражению. Я по-прежнему считаю главным показателем игры результат, но, чтобы не огорчать зрителей, чтобы получить удовлетворение от своей профессиональной деятельности, одного результата мало, нужно стремиться к высшему на сегодняшний день уровню понимания проблем и выводить на пего команду.

Что понимается под этим уровнем?

Проиллюстрирую это на примере сборной Франции. Она терпела неудачи в конце 70-х годов и даже не попала в финальный турнир чемпионата Европы-80. Но тренерская мысль уже ориентировалась на новые идеалы игры. Соответствующим образом велись подбор и

подготовка футболистов. В финале чемпионата мпра-82 французы представили сборную, принесшую большое удовольствие и тонким ценителям игры, и тем, кто замечает в футболе лишь внешние эффекты. По каким-то причинам у французов не получилась игра со сборной ФРГ, в итоге они остались четвертыми в Испании. Однако специалисты и зрители поняли: у команды есть будущее. И ни для кого не было неожиданностью, что сборная Франции уверенно выиграла чемпионат Европы 1984 года.

Два года спустя, в Мексике, эта же команда была едва ли не самой привлекательной по интерпретации игры. Но постарели ведущие футболисты. Снижился уровень реализации тактических принципов, что не позволило добиться выдающегося турнирного результата. Однако игра французской команды оставила у специалистов и зрителей неизгладимое впечатление – она будила фантазию. Сборная Франции под руководством Мишеля Идальго осталась на высоком уровне понимания проблем современного футбола.

Мы в киевском «Динамо» стремимся прогнозировать футбол ближайшего будущего, чтобы ни время, ни соперники не застали нас врасплох. Копировать заманчивые образцы, догонять кого-то – занятие бесперспективное. Опережать – вот вдохновляющий смысл работы. Только так можно подготовить игроков, удовлетворяющих требованиям современного футбола. Только так можно прийти к практической организации игры, которая вновь поразит футбольный мир.

* * *

Я – тренер. В этой работе смысл моей жизни. Вместе с товарищами по футбольному цеху – игроками и тренерами, с которыми вместе работаю, – я обязан делать все для того, чтобы команда была на высоте. Поддерживать уровень, на который она поднялась. И возвращать на него, если он потерян.

И я обязан делать все для того, чтобы в результате совместной работы не только приобретались очки, призы и медали, но и появлялись единомышленники, которым в самое ближайшее время предстоит развивать и совершенствовать игру, сто с лишним лет назад названную футболом.